

A close-up photograph of a man in a dark suit, white shirt, and blue tie, smoking a cigar. The image is the background for the book cover.

АВТОР БЕСТСЕЛЕРОВ # 1
ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES
И USA TODAY

*Можно ли обыграть
мастера игры?*

СЕРИЯ МАСТЕРА ИГРЫ

МАСТЕР КРЕСЛИ КОУЛ

Желание холоднее сибирской зимы с ответом жарче флоридского солнца в новой горячей книге серии "Мастер игры" автора бестселлеров № 1 по версии Нью-Йорк Таймс Кресли Коул. Мастера все боятся... Богатый, неотразимый политик/криминальный авторитет Максимилиан Севастьянов предпочитает высоких покорных блондинок, воплощающих его... непростые желания. Так происходит, пока холодный русский не встречает непокорную брюнетку, чья изящная фигурка угрожает его легендарному спокойствию. Кроме неё. Катарина Марин была состоятельной молодой женой, пока её мир не раскололся пополам. Теперь она прячется и вынуждена работать в службе эскорта в Майами. И её самый первый клиент более чем великолепен, правда, когда он рассказывает, что именно собирается с ней сделать, она едва не сбегает. Если наслаждение — это игра, значит надо выигрывать. Когда их сумасшедшая связь выходит из-под контроля, любовники жаждут большего. Если они сумеют избежать угрожающей им смертельной опасности, сможет ли Максим побороть своё прошлое — и предложить Кэт будущее? Только тогда она прельстит его так, как ему действительно хочется: связанная ленточкой с бантиком.

Кресли Коул Мастер

*«Говорят, что я бессердечный манипулятор,
и люблю играть с чужими жизнями.
Так вот, эти слухи верны»
— Максимилиан Севастьянов.*

*«A tal tietro, buena cara. Делай хорошую мину при плохой игре»
— Ана-Люсия Мартинез Хэтчер (прозвище: Кэт Марин)*

Глава 1

Моя матушка сейчас в гробу переворачивается.

Я грызла ноготь, поднимаясь на лифте в пентхаус роскошного отеля "Селтейн" (потребовались усилия двоих сотрудников, чтобы оформить мне допуск на четырнадцатый этаж).

Я что, действительно собираюсь позволить незнакомцу заняться со мной сексом? За деньги?

Лифт остановился слишком быстро, заставив меня выйти на закрытую лестничную площадку с холлом и элегантной зоной ожидания. На кофейном столике лежала, словно забытая кем-то, развёрнутая газета.

Входные двери резного красного дерева находились прямо передо мной. Смогу ли я нажать на звонок?

Очевидно, этот пентхаус был самым большим (почти тысяча квадратных метров) и самым дорогим (тридцать две шгуки — за ночь) в Майами. Разве кто-то в здравом уме станет тратить на гостиницу такие деньжищи? Совершенно ясно, что мой первый клиент — *чокнутый*.

Помимо этого факта, больше я о нём ничего не знала. Он был русским бизнесменом и в Майами остановился на неделю. Его репутация была не просто проверена, но и подтверждена эскорт-агентствами по всему миру. Другими словами, он был *постоянным клиентом* эскорт-сервиса.

Подумывая сбежать, я вытащила телефон и позвонила своей "сводне", Иванне — украинской иммигрантке и высококлассной эскорт-девице, зарабатывающей огромные деньги. Я убирала у неё дома. Она полагала, что такая работа совершенно не давала мне шанса как-то использовать свою "эффектную фигуру и свежую красоту". Да-да.

Когда она взяла трубку, я выпалила:

— Не думаю, что смогу это сделать, — я расхаживала взад-вперёд по мягкому ковру, заглушающему стук моих шпилек.

— Конечно, сможешь. Ты даже не представляешь, как сильно мне хочется оказаться на твоём месте. Если этот тип снял пентхаус на неделю, только представь себе, как он богат!

Русский выбрал Иванну, но у неё высыпала аллергия на ботокс (а ей ведь было только тридцать!). Она думала, что к вечеру будет в форме, так что ничего не стала отменять. Страшное табу для девушек из эскорта.

— Если бы не кошмарный отёк моих глаз...

— Иванна, я ещё к этому не готова. — Меня просто разрывали противоречия. Я вроде морально приготовилась к паре встреч — прошла медосмотр и сделала эпиляцию — но, в то же время, подозревала, что в последний момент отступлю. — Просто *не готова*, — твердила я. Но так ли это? Вчера я могла бы поклясться, что видела Эдварда.

В Майами.

Закончив с уборкой домов, я возвращалась на автобусе домой, и вдруг увидела, как из бара вышел высокий худощавый блондин и двинулся к припаркованному рядом Порше. В последний раз я видела его в свете фар, тогда эти зелёные глаза сверкали на забрызганном кровью лице.

Если он был тут, значит, мне следовало как можно скорее перебраться в другой город.

На это требовались деньги.

— Ты говоришь так, будто это не работа, а кошмар какой-то, — сказала Иванна. — Всё будет супер. Яйца у тебя есть, а это уже полдела.

Несмотря на моё воспитание, а, может, как раз вопреки этому, — я была практически лишена стеснения. И даже с такой, ммм, выдающейся задницей я гордо шествовала по пляжам Джексонавилля в крошечном бикини.

В колледже я флиртовала направо и налево со всеми мальчишками, никогда не доводя дело до логического конца, заработав себе тем самым репутацию динамо.

Когда я начала спать с Эдвардом, то изучила все доступные техники и приёмы, всё, что могло его возбудить. Так что я знала, как обращаться с мужчиной.

Иванна продолжала:

— Опомнись не успеешь, как агентство предложит тебе работу.

Она заставила программера создать для меня фальшивую интернет-страничку в "Элит-эскорте", пообещав ему за это "передёрнуть". Своей ручкой.

Весь этот сленг я знала, посмеивалась, когда она употребляла сокращения, и никогда не задумывалась, что буду использовать их сама. МБР — означало "минет без резинки". МБРГ — минет без резинки с глотанием. МУВ — многократный удар по воротам — означает, что клиент будет иметь тебя столько раз, сколько ему заблагорассудится, за ограниченный период времени.

— Не надо было тебе заморачиваться с моей страницей.

Я твердила, что собираюсь сделать это всего лишь раз или два, на что она улыбалась:

— Мы все так думали. А теперь прими позу для фотки на сайт!

— Чтобы успеть вовремя, тебе осталось всего пара минут, — сказала Иванна. — Глубоко вдохни, помни о трёх ключевых моментах, и всё будет в порядке.

Во-первых, я должна убедиться, что на виду лежит неподписанный конверт с наличкой — моё вознаграждение. Я ничего не должна делать, пока не заберу деньги. А потом? Игра называлась "*набей цену*" и подразумевала раскрутку клиента на любые дополнительные траты, которые шли мне в карман.

Во-вторых, поскольку мой клиент вряд ли мог меня возбудить — даже с учётом того, что секса у меня не было целую вечность, и моё либидо просто сходило с ума! — я должна была тайком умудриться нанести смазку.

Большинство девушек из эскорта так делали. Смазка делала секс безопаснее и предотвращала повреждения вагины. Разумеется, наличие презервативов было обязательным.

В-третьих, основная масса клиентов "Элит-эскорта" предпочитали покорных милых спутниц; я же была острой на язык нахалкой. Так что преуспеть в этом деле я смогу лишь обуздав свой характер.

Чёрт, мне вообще нельзя работать в сфере услуг — ни в одном направлении.

Но для побега мне очень нужны были деньги! У меня был собственный список правил, и за последние три года ни одно из правил я не нарушила:

1. Говорить не больше и не меньше того, что необходимо.
2. Не налаживать никаких связей.
3. Не оставаться на одном месте дольше полугода.
4. Не смягчаться.
5. Не привлекать лишнего внимания.

б. Ради всего святого, никогда-никогда-никогда не доверяйте мужчинам.

Без денег я была на грани нарушения правила номер три.

— Поверь мне, Кэт, с твоей деловой хваткой ты обязательно сорвёшь куш, — уверяла Иванна.

С деловой хваткой? В неделю я убирала шесть домов (включая её собственный) — и пять женщин обсчитывали меня при расчёте, пользуясь тем, что я была нелегальной кубинской иммигранткой.

— Просто развлекись, — сказала она. — Необязательно думать об этом, как о работе. Эпиляция покажется тебе более неприятной, чем это свидание.

Но...

— Последний раз я спала с мужчиной больше трёх лет назад. — Жалкие попытки Эдварда не следовало бы даже считать.

— Это... хм... очень странно, — протянула она, словно я только что ей призналась, что в свободное время ношу чужую человеческую кожу. — Мы потом это обсудим. А пока помни: секс — это как езда на велосипеде.

Я повернулась к лифту.

— *Mierda*. Не могу. Это была ошибка.

Иванна вздохнула.

— Я не хотела тебя слишком уж обнадеживать, поэтому никогда не говорила, сколько зарабатываю за ночь.

— А теперь скажешь?

Она уклончиво отвечала, что верхний предел где-то за облаками, но конкретных цифр не называла.

— Мой заработок за шестичасовой заказ составил двадцать тысяч наличкой и украшениями.

Двадцать. Тысяч.

С такими деньгами я бы сразу же очутилась на следующей стадии моего жизненного плана! Вновь обретя дар речи, я пропела:

— «Всё, мы отбываем, чтобы трахнуть волшебника» (*пародия на детскую песню о волшебнике страны Оз, прим. пер.*).

Она рассмеялась.

— Надеюсь, он прекрасный волшебник. Да, и последнее, Кэт. Когда почувствуешь сомнение, спроси себя, смогла бы ты переспать с этим парнем бесплатно? Если да, то рассматривай деньги в качестве приятного бонуса.

— Ладно, *туй биен*. У меня получится, — я пыталась себя подзадорить.

— Иди и возьми!

Отключившись, я окинула себя взглядом в большом зеркале. Погода в декабре была обычно довольно мягкой, но в этом году частенько выкидывала фокусы, так что на мне было тёмно-зелёное шёлковое платье с запахом.

В целом фасон был довольно сдержанным, с неглубоким декольте, на случай, если он захочет куда-то меня повести, однако полы платья удерживались вместе единственной лентой на бедре. А шпильки намекали на определённую шаловливость.

Я изогнулась, чтобы посмотреть на себя сзади. Тонкий шёлк слишком плотно обтягивал попку, почти не оставляя места для фантазии. Но с этим ничего уже нельзя было поделать. Я выпрямилась и изобразила на лице улыбку.

Макияж состоял лишь из блеска для губ, туши и небольшого количества мерцающих бронзовых теней. По словам Иванны, они выгодно подчёркивали мой цвет глаз, придавая им налёт экзотичности, особенно на фоне тёмных волос, которые легкими локонами спускались вдоль спины.

Макияж: *на месте*. Волосы: *лучше, чем можно было ожидать*. Заключение: *будь я на месте похотливого русского искусствителя, я бы себя отымела*.

Часы на сотовом показывали, что у меня осталось меньше двух минут. Бросив телефон в сумочку, я нажала на звонок, а затем повела взглядом по сторонам, успокаивая нервы.

Я вновь обратила внимание на газету на маленьком столике. У такого богача наверняка есть телохранитель или кто-то вроде него...

На пороге за открывшейся дверью стоял мой самый первый клиент. На сленге работниц эскорта УНВ.

Умереть. Не. Встать.

Это был мужчина в возрасте около тридцати пяти лет, с копной густых чёрных волос и мускулистым телом. Рост его заметно превышал метр восемьдесят. Полуприкрытые голубые глаза сверлили меня взглядом.

Лёгкий кашемировый свитер зимне-белого цвета плотно облегал его мощный торс. Этот цвет выгодно подчёркивал его пронзительные голубые глаза. А тёмные, сшитые на заказ, брюки подчёркивали мускулистые ноги и узкие бёдра.

Для первого раза в качестве работницы эскорта лучшего клиента и пожелать было нельзя.

Тем не менее, русский смотрел куда-то за меня, будто ожидая кого-то ещё.

— Здесь только я, — моё сердце стучало как бешеное, но голос звучал на удивление спокойно.

Молча развернувшись, он направился обратно в апартаменты. Я последовала за ним.

Стильная обстановка внутреннего помещения умело подчёркивалась специально подобранным освещением. Вид, открывающийся в огромных панорамных окнах, мог бы по праву считаться лучшим в городе. Апартаменты были огромными и размером напомнили мне о собственном бывшем особняке. Ох, снова бы покататься...

Он обернулся ко мне.

— Я заказывал девушку по имени Иванна. Ваше агентство предложило её, когда я обозначил свои предпочтения, — его низкий рокочущий голос звучал с акцентом.

А у меня просто слюнки текли на мужчин с акцентом. Когда-то я мгновенно зажигалась при звуках тягучего южного выговора Эдварда.

— Сегодня должна была прийти Иванна, но она заболела.

— Я заказывал высокую худую блондинку не моложе двадцати восьми — двадцати девяти лет. В идеале — из Европы. Наверное, её заместительница должна была *также* соответствовать этим критериям.

Вместо этого он заполучил меня: двадцать два, метр шестьдесят, с округлостями, брютетку. Да, и кубинку по происхождению. Изобразив на лице фальшивую улыбку, я его поддразнила:

— Разве соль жизни не в разнообразии, *querido*? — Дорогой.

Это его не поколебало.

— Ты не та, кого я заказывал.

Я лучше других знала, что нельзя платить за то, о чём не просил. На мгновение я

вспомнила Эдварда, медленно надвигающегося на пистолет сразу после того, как он сказал, что любит меня.

— Ты хотя бы совершеннолетняя? — спросил русский.

— И даже чуточку постарше.

Он выглядел непреклонным.

Я читала и перечитывала "*Переговоры. Путь к согласию*" много раз, поэтому решила, что на одну ночь убедить этого парня смогу. С другой стороны, разве я готова к такому шагу?

— Могу ли я переменить твоё решение?

От него веяло прямо-таки арктическим льдом, так что я была уже рада, что он собирался меня выставить. Закон можно нарушать куда более интересными способами, чем работать в службе эскорта. *Но лиха беда начало, Кэт.*

Он решительно произнёс:

— Я никогда не меняю своих решений.

Я пожала плечами.

— Ладно, тебе же хуже. — Как уверенно это прозвучало! Будто я была уже профессионалкой. Почувствовав облегчение, я развернулась и направилась к выходу — мне показалось, что он со свистом втянул воздух.

Mierda. Учитывая моё везенье, наверняка сзади разойдётся шов.

Глава 2

— Может быть, я погорячился, — произнёс он. — Остаешься выпить.

Это моя задница так сработала? Я этому рада?

Когда я обернулась и поплелась назад, он направился к бару. Всё происходило на самом деле. Я собиралась заняться сексом за деньги.

Он бросил через плечо:

— Я — Максимилиан Севастьянов.

Я покатила имя на языке, найдя его непроизносимым. И в голове сразу же сократила до "Максима".

— *Encantada*. Приятно познакомиться. Я — Кэт Марин. — Взглядом я поискала поблизости "вознаграждение". Пусто. Чувствуя неловкость, я, тем не менее, храбро направилась к бару.

— Это твоё рабочее имя?

Прозвище.

— Так меня зовут.

И так было указано в моём фальшивом паспорте, когда приходилось его использовать.

Катариной звали мою бабушку, а прабабушка была Марин — на основе этих имён я и сделала себе документы.

Я скучала по тому времени, когда была Лусией, но сейчас вся моя прошлая жизнь казалась каким-то далёким сном.

— Что будешь пить?

Хороший вопрос. Не помню, когда в последний раз брала в рот алкоголь.

По-моему, это было пиво после пятикилометрового забега.

— То же, что и ты.

— Водку-мартини? — Наверное, не лучшая идея. — У тебя должен быть любимый коктейль.

Я чуть не ляпнула какую-нибудь глупость вроде "Секс на пляже", но вовремя спохватилась:

— Белое вино отлично подойдёт.

— Ты как будто нервничаешь.

— Для меня это всё немного в новинку, — призналась я.

— Ну да. Я видел много работниц эскорта. И ни одна не призналась, что уже давно этим занимается.

Он думал, что я лгу. А я была самой неумелой лгуньей на свете. Раньше, если мне приходилось говорить неправду, это вызывало внутри такую волну неприятия, что впоследствии я могла переживать об этом ещё несколько дней. Так что пришлось просто с этим завязать.

— Я не вру.

Он отмахнулся от моих слов, повернувшись к винной коллекции.

Пока он изучал ассортимент, я изучала его. Чисто выбрит, гладкая кожа со свежим загаром, мимических следов которого, однако, вокруг глаз не наблюдалось. Странно. Белой полоски от обручального кольца тоже не было. Что ж, по крайней мере, не женат.

Твёрдые губы, ровные белые зубы. Мужественная челюсть сочеталась с прямым носом,

твёрдым подбородком и широкими скулами.

Коротко стриженные волосы по бокам и более длинные на макушке.

Каково будет запустить в эти волосы пальцы?

— Где-то на этаже есть винный шкаф, но, думаю, это вино тебе понравится. — Он открывал бутылку, и под тонким свитером перекачивались литые мышцы. Его дайверские часы стоили, наверное, больше, чем весь мой многоквартирный дом целиком.

Сравниться с его внешним видом мог только вид из окна. Вдоль стеклянных перил опоясывающего комнату балкона были установлены маленькие светильники. А за огромным бассейном, в котором мне до смерти захотелось поплавать, виднелся океан. В небе надо всем этим висела почти полная луна.

— Иди, осмотришься. — Он наполнил и протянул мне бокал. — Я присоединюсь к тебе снаружи.

Мне не следовало ничего делать до получения оплаты, но быстренько проведя анализ рисков и выгод, я ответила:

— Окей.

Когда я проходила мимо бассейна, от подогреваемой воды поднимался пар. На самом деле подогревался вообще весь пол вокруг бассейна. Подойдя к балконным перилам, я попробовала вино и вздохнула, смакуя его вкус. Теперь я понимала притягательность алкоголя.

Дул тёплый порывистый ветер, и я вдыхала солёный воздух. Шум океана заставил меня прикрыть глаза. Я практически ощутила себя на пляже Мартинез. Семья моего отца выкупила длинную прибрежную полосу около Джексонвилля чуть ли не сто лет назад, поместив собственность в трастовый фонд и даже не представляя, какое богатство всё это будет представлять в наши дни.

Если не считать возвращения на пляж, я бы с радостью осталась в этом городе. К сожалению, Майами для меня превращался в город, главной проблемой которого были деньги.

Если сегодня я сорву куш, то смогу начать всё сначала где-нибудь в таком же прекрасном месте, например, в Лос-Анджелесе или в Сан-Диего. Я уеду сразу после заключительного экзамена, а потом приступлю ко второй фазе моего плана по возвращению собственной жизни: *Исчезнуть Навсегда*. Куплю настоящий фальшивый паспорт (оксюморон?) и номер страховки, которые смогут пройти все проверки.

Ну вот, я размечталась о большом куше, хотя мне ещё даже не заплатили, что уж тут говорить о набивании цены. Свой предел я знала, но, тем не менее, ещё сомневалась, как поступить.

Потягивая вино, я вспомнила статью, которую меня заставила прочесть Иванна, чтобы подготовиться к первому свиданию: "Десять лучших способов поразить клиента". В числе прочего там предлагалось, затаив дыхание, ловить каждое его слово, изображать заинтересованность, имитировать оргазмы и всегда говорить, что он прав.

Серьёзно?

Максим присоединился ко мне с бутылкой вина в одной руке и стаканом в другой. Бутылку он поставил на столик, а сам встал рядом со мной. Лунный свет падал на его лицо, любовно подсвечивая точёные черты.

Я начала мало-помалу расслабляться, хотя по-прежнему не заплатили. Как бы там ни было, но я находилась в пентхаусе отеля "Селтейн" с клиентом, который, возможно, устроит

мне ТТ. Трах тысячелетия.

Я сделала очередной глоток.

— Ты сюда наркоту подсыпал, что ли?

— С наркотой я завязал, — иронически произнёс он. — Что скажешь про вид?

Я усмехнулась, не отрывая губ от края бокала.

— *Вполне*. Если тебе, конечно, нравятся такие вещи.

Моя попытка сострить заставила его чуть наклонить голову.

— Я посмотрел твою страницу на сайте агентства.

Из всего, что написала там про меня Иванна, верить можно было лишь двум из трёх моих размеров и ещё "натуральному статусу", который подтверждал, что я не подвергалась никаким хирургическим вмешательствам.

В моей фальшивой анкете на сайте было указано, что я: *люблю танцевать* (ненавижу) и *заниматься йогой* (вообще-то, я бегаю трусцой). *В свободное время* (было бы оно у меня!) *я увлекаюсь театральным искусством* (нет, gracias) и *шопингом* (разновидность пытки).

— Фотографии у тебя необычные, — заметил он.

— Правда? — Иванна фотографировала меня на пляже. Я была в коротких спортивных шортиках, топлес, из макияжа — только тушь, волосы подколоты над головой. Фотография, которую она выбрала, получилась почти случайно.

На фото я повернула голову чуть в сторону, будто вглядываясь куда-то. Мой отсутствующий взгляд свидетельствовал о непростых раздумьях — вернее, *а не передумать* ли мне совсем по поводу всей этой затеи. Да, и, как обычно, я проклинала Эдварда.

Брызги крови по всей спальне... эти ужасные звуки...

Забудь об этом, Кэт.

Русский сказал:

— Не те обычные гламурные фотографии с приглушённым светом и кружевным бельём.

— Завсегдатай вроде тебя всё знает, да? — я отпила ещё вина, нахмурившись, когда обнаружила, что выпила всё до дна. — Я не одна из тех фальшивых гламурных кис.

Молча, он налил мне ещё.

— А какая ты?

Упорный боец, который знает, что каждый день — это борьба. Но я ответила так:

— Девушка, которая верит, что на пляжах все должны ходить топлесс. *Viva la revolución!*

Я думала, что удачно пошутила, но он лишь вновь склонил голову.

— Фотография заставляет мужчин гадать, о чём ты задумалась. В этом и была идея снимка?

— Не я отбирала фото для сайта. — Я позволила Иванне использовать именно этот снимок только потому, что на нём я была совершенно не похожа на свою последнюю фотографию, где была ещё подростком.

— Тебе двадцать шесть?

Иванна чуть преувеличила.

— Я достаточно взрослая, чтобы понимать, что к чему.

Максим изучал мою грудь.

— Размеры: восемьдесят девять — пятьдесят восемь — девяносто один?

— Восемьдесят семь с половиной, если повезёт. И это тоже не я придумала. Мне мои размеры нравятся. — Я свободно могла бы не носить лифчик, но также при необходимости

была способна продемонстрировать красивую ложбинку.

Его брови сошлись на переносице. Мне показалось, что он пытается вставить меня в определённые рамки, но испытывает с этим какие-то затруднения.

"Моя задница туда не пролезет, чувак", могла бы я ему сообщить.

— У тебя заметный акцент. Ты родилась не в Штатах?

— Я выросла в испано-говорящем районе. — С моей *una madre loca* — католичкой до мозга костей. Несмотря на её отказ выучить английский, она продержала меня на домашнем обучении почти что до старших классов, не допуская практически никого на наш уединённый пляж. О своём детстве я не любила вспоминать, а тем более — говорить.

— В Майами?

Я пожалала плечами. Такие вопросы меня нервировали. Чем меньше обо мне знали, тем лучше. Связи с другими людьми были хлебными крошками. Поэтому я ни с кем не встречалась, не завела компанию. Но, вообще-то, и времени в промежутках между мытьём туалетов и школой оставалось немного.

— Ты против разговоров о себе? — Он невесело усмехнулся. — Впервые вижу.

— О, моя скучная жизнь не стоит того, чтобы о ней рассказывать. У меня идея: давай установим правило — не задавать личных вопросов?

— Думаешь, сможешь удержаться и не попытаться выяснить подробности обо мне?

Если он поступит таким же образом?

— *Si*.

— Очень хорошо, тогда, ближе к делу. Полагаю, мы переходим к части, в которой ты набиваешь себе цену.

Не в бровь, а в глаз.

— Ты мне понадобишься только на час, — продолжал он, — но я не люблю волноваться о сроках, так что забронировал сразу полночи. Сколько будет стоить разрешение делать с тобой всё, что мне вздумается?

Что может вздуматься такому восхитительному, богатому, снисходительному парню?

— Некоторые вещи не обсуждаются.

Он вспыхнул.

— Со мной *всё* обсуждается, девочка.

Это становилось проблемой. *Нет-нет, помни про мантру.*

Сталкиваясь с проблемой, правильная бизнесвумен говорила "это не проблема", а потом начинала над ней работать.

— Я с радостью познакомлюсь с твоим телом поближе, — и бесстыдно окинула его с ног до головы, что, казалось, его удивило, — но некоторые услуги я предоставить не смогу. В мире просто недостаточно денег.

— Например?

— МБР. Без резинки всё остальное под запретом.

— Это меня не интересует. Ты подменяешь сегодня другую — так что я ожидаю, что ты будешь делать то, что сделала бы она. То, что я заказал в агентстве.

Я вспомнила специализацию Иванны: бондаж, наказания, подчинение и всё такое. По всей квартире у неё валялись разные игрушки.

Значит, этот парень заказал её не просто из-за внешности?

Если он проверенный постоянный клиент, то вряд ли представляет *какую-то* опасность. Предложи он достаточно денег, решусь ли я на то, чтобы этот незнакомец меня связал?

Оставил беспомощной?

Нет, gracias. Моя способность доверять была сломана, как оторванная и засохшая ветка. Когда дело доходило до мужчин, я не доверяла даже самой себе.

Но и денег мне терять не хотелось.

— Давай подождём и увидим, куда вечер нас заведёт? — *Посмотрим, куда заведу тебя я.* — Обещаю, что удовольствия хватит обоим.

Он прищурил свои голубые глаза, и на меня сразу повеяло холодом.

— Не играй со мной в игры, девочка. И не обманывайся насчёт моих намерений — мне всё равно, получишь ты удовольствие или нет, так что не воображай.

Вот козёл! *Cállate la boca, Кэм!* Прикуси язычок...

— Терпеть не могу притворную страсть.

Вот вам и характеристика для Иванны. Каким-то образом я умудрилась сказать:

— Понятно.

— Тогда я плачу три тысячи — и ты полностью покорна моим желаниям.

У меня чуть колени не подломились. Такая куча денег сразу изменит мою жизнь! Но с губ всё-таки сорвались слова:

— Пять тысяч — и мы договорились.

Он замер. Я его разозлила? Всё испортила? *Мима*, моя кубинская бабушка, любила повторять "За большим погонишься — малое потеряешь".

Я практически потеряла вообще всё.

— Договорились, — ответил он.

En serio? Погодите, на что я только что согласилась? Быть покорной его желаниям?

— Думаю, тебе нужна предоплата.

Вот чёрт!

— Да, *por favor.*

— Следуй за мной, — он вернулся в гостиную и направился к стильному дипломату, стоящему на рабочем столе.

Как только стопка из пятидесяти Бенджаминов оказалась в сумочке, моя судьба была решена.

Он взял у меня из рук пустой бокал и поставил рядом. Я и эту порцию выпила? В обычной ситуации я бы уже захмелела, но сейчас этому препятствовали взвинченные нервы.

Азарт сделки немного поутих, и на его место пришло беспокойство.

Он пересёк номер, бросив через плечо:

— Идём. Давай посмотрим, что можно купить в Майами за пять штук.

Это напоминание заставило меня напрячься.

В дверях спальни он обернулся:

— В чём дело? Фальшивую скромность я тоже не терплю.

Мысли в голове спутались в клубок, из которого лишь две выделялись. "*Ты станешь иллюхой, Кэм*" конкурировала с "*Пять тысяч долларов, idiota!*" Сомнения? О, да.

Но Иванна была права, с этим парнем я бы переспала и бесплатно.

Кроме того, моя ситуация требовала жёсткой оценки. Этот парень не сможет сделать мне ничего хуже того, что сделает Эдвард, если меня поймает.

Поскольку он был моим мужем, а я помешала ему меня убить.

С такими мыслями я вошла в спальню к русскому.

То, что я там увидела, заставило меня замереть на месте.

Кляп. Плётка. Кожаные наручники.

Ni en brota! Ни в жизни!

Нет-нет, наверняка я смогу найти золотую середину. Этого человека должно интересоваться нечто большее, чем БДСМ.

— Объясни, что ты намерен со мной сделать.

Он холодно произнёс:

— Как только разденешься — опустишься на колени на краю кровати, зажав кляп во рту. Я свяжу твои руки за спиной, ты наклонишься вперёд, упершись лбом в матрас. Потом я выпорю твоё тело так, как мне заблагорассудится. Когда я с этим закончу, то трахну тебя сзади.

Прямо-таки сценарий. Который он проигрывал с каждой эскорт-девицей.

Но он ничего не сказал про поцелуи моих сосков, ни слова про ласки. В его сценарии контакт между нами был сведён к минимуму, хотя технически сексом мы всё-таки занимались. Он не увидит моего лица и не услышит голоса. Он даже не притронется ко мне, чтобы вставить кляп!

Я буду просто отверстием. О чём он, в принципе, меня и предупреждал. Безликим безголосым отверстием.

Но я к этому пока не готова. Так что оставалось два выхода: уйти или попробовать изменить ход его мыслей. Почему бы не воплотить свои фантазии? Сегодня я могу быть кем угодно. Роковая женщина, пожирательница мужчин.

Я сказала:

— Хотя твой сценарий... интересен, не думаю, что ты хочешь именно этого.

Его брови взлетели вверх.

— *Ты* не думаешь.

Я повернулась в сторону гостиной. В мягко освещённом номере были распахнуты все окна и двери. Подрагивали залитые лунным светом тонкие шторы. Я неторопливо обошла диван, встав позади него. Похлопала по спинке, приглашая присесть, отчего его губы сжались в тонкую линию.

Мы смотрели друг на друга несколько длинных тревожных секунд. Колотилось сердце: *тук-тук, тук-тук, тук-тук*. Наконец, любопытство, заставило его сдвинуться с места.

Когда он сел, я улыбнулась и медленно подошла. Я продолжала двигаться вперёд, так что ему пришлось развести в стороны колени, чтобы предоставить мне место.

Поигрывая завязками платья, я спросила:

— Хочешь, чтобы я это сняла, *Ruso*? — Русский.

Он коротко кивнул.

Я медленно потянула за ленту. Позволив платью распахнуться наподобие халата, я сверкнула перед ним провокационным чёрным бюстгальтером и стрингами.

По выражению его лица нельзя было понять, нравится ему то, что он увидел, или нет. Выглядел он очень холодно.

Тогда зачем я тут устраиваю горячий стриптиз? Я бросила взгляд на его большие мужские руки. Каково это — ощутить, как эти руки мнут мою грудь или накрывают голую киску? Мои соски напряглись, трусики начали намочать. Я никогда не носила подобного

белья, а после недавней восковой эпиляции промежность оставалась очень чувствительной.

Выскользнув из платья, я отбросила его в сторону. Когда я оказалась перед ним в одном белье, он спокойно вытянул руки вдоль спинки дивана.

— Повернись вокруг. — Он был таким спокойным, даже каким-то отстранённым. Всё это напоминало прелюдию с компьютером. С компьютером разряда УНВ. — Медленно.

Я напомнила себе, что играю роковую женщину. И выпитые два бокала вина подтверждали, что всё идёт *как надо*.

Пока я поворачивалась, то практически ощущала его взгляд на моей попке, которую совершенно не скрывали крошечные стринги. От всего этого я лишь сильнее потекла. Смазка точно не будет проблемой. На самом деле, может, мне подольше не снимать трусики? Уже довольно давно у меня не было ни энергии, ни времени для саморазрядки. Что, если я потеряю над собой контроль?

У любого нормального человека при наступлении сексуального возбуждения мозг действовал с трудом. Только в моём случае это больше походило на полный отказ системы, на забастовку на фабрике. А чтобы справиться с этим парнем, мне нужна была ясность мыслей.

Я снова оказалась лицом к нему. Неужели его дыхание участилось?

— Покажи свою грудь. Посмотрим, понравится ли мне твой размер так, как ты предсказывала.

Я сняла лифчик, кинув его в сторону платья. Втайне я гордилась своими дерзкими грудками. Размером они соответствовали параметрам тела, но были достаточно пухлыми и венчались торчащими сосками, не розового, но и не смуглого цвета. Маленькие ореолы выступали над поверхностью кожи, придавая вершинкам слегка пухлый вид.

Когда я распрямила плечи, ноздри русского раздулись — наконец-то хоть какой-то проблеск страсти!

— Очень мило. Не думал, что вид спереди может соперничать с видом сзади.

Ух, ты. Настоящий комплимент. Всё моё внимание было направлено прямо вниз.

Там из штанов выпирал очень большой бугор. *Muy grande*. Может, даже *слишком* большой? Несмотря на весь прошлый флирт, до дела у меня дошло только с Эдвардом, а он и близко не был так же хорошо экипирован.

— Продолжай.

Полностью раздеться? Решив, что лучше не надо, я шагнула вперёд и села на него верхом. Мои колени покоились по обеим сторонам вдоль его бёдер, руки опустились ему на плечи. Проникающий в комнату вместе с ветром запах океана смешивался с его собственным пьянящим ароматом — ноткой сандалового дерева и закипающего мужчины. Этот запах, от которого меня бросило в дрожь, был нечестным преимуществом, направленным на одурманивание новичков из эскорта.

Когда я опустилась на толстый конец его члена, то даже сквозь ткань почувствовала исходящий от него жар. Мои глаза широко распахнулись; его — сузились. Я вберу всю его длину прямо в себя. Эта мысль больше не внушала мне сомнений. Я дрожала от желания. Соски сжались ещё сильнее и торчали прямо перед его глазами.

Я хотела этого мужчину, этого незнакомца.

Хватило бы пальцев одной руки, чтобы пересчитать парней, которые устояли бы перед моими чарами. Так случалось, если я мямлила или пускала слюни с кем-то из парней на пивных вечеринках. Эдвард в такие моменты никогда не приближался. Не то чтобы его это

заботило. Но этот русский...

— Я не приглашал тебя к себе на колени, — отрезал он. Его тело напряглось — от ярости.

В смущении я замерла на месте. Большинству парней нравилось, когда девушка с голыми сиськами садилась на них верхом.

— Ты просто решила, что я *обрадуюсь*, если ты на меня залезешь? — более резкого тона нельзя было и придумать. Он схватил меня и сдвинул в сторону — как будто желая поскорее избавиться от меня.

Но вдруг замер на полпути. По сравнению со мной его ладони казались огромными, пальцы почти полностью обхватывали мою попку. Поколебавшись — казалось, время на мгновение остановилось — он принялся меня тискать. Руки скользнули вниз, чтобы стиснуть плоть, а из его груди вырвался низкий стон.

Но всё равно он удерживал меня на весу.

И опять я чего-то не понимала, как будто в нём происходила какая-то внутренняя борьба. Своим затуманенным похотью мозгом я пыталась понять, неужели он связывает и трахает женщин сзади только потому, что не слишком любит к ним прикасаться?

И когда я как раз решила, что именно в этом всё дело, то обнаружила, что снова сижу на нём сверху, а у меня между ног торчит бугром его член. Раунд за мной?

Гнев он свой, казалось, взял под контроль, но поражение признать был не готов.

— Всё равно отказываешься дать мне то, чего я хочу?

Он смирился с отказом? Ободрённая этим, я наклонилась к его уху:

— Ты получишь от меня то, что тебе *нужно*, *Ruso*. — От вина и возбуждения усилился мой собственный акцент. Ощущение от прикосновения тугих сосков к его тонкому кашемировому свитеру так мне понравилось, что я потёрлась о него снова.

Что заставит этого мужчину поцеловать мою грудь?

Когда я представила, как он её сосёт... с моих губ сорвался лёгкий стон, и чуть выгнулась спина.

Он обхватил мой затылок.

— Что за эскортница так нагло отказывает клиенту? Либо с такой работой ты голодаешь, либо — тебе просто везёт... — Он умолк, когда я качнула бёдрами, скользнув своей киской по члену; нас разделяли только мои намокшие трусики и ткань его брюк.

Я ахнула от контакта, дыхание участилось. Клитор начал пульсировать.

Убрав руки, он вновь вытянул их вдоль спинки дивана, словно решив специально меня не касаться. У меня создалось впечатление, что я проходила какую-то проверку — или же проверку проходил он *сам*.

— Заведи руки за спину. Давай.

Думаю, он ждал, что я обхвачу за спиной свои локти.

— Конечно.

Вместо этого мои руки опустились прямо за попку, вцепившись в его ноги, чтобы удержать равновесие.

Он снова напрягся, но прежде чем успел произнести хоть слово, я потёрлась о него бёдрами. Откинув голову назад, я застонала.

Я почти забыла, какими прекрасными могут быть сексуальные игры, забыла о неконтролируемом желании и твёрдости мужского тела.

Вновь посмотрев на русского, я начала на нём раскачиваться. Его взгляд был прикован

туда, где соприкасались наши тела, но податься мне навстречу он отказывался. Неважно. Выступающая молния на брюках точно совпадала с моим набухшим клитором, которым я тёрлась о промокшую насквозь ткань трусиков. *Fricción!*

Горячая влажная фрикция... почти довела меня до оргазма. Вскоре я уже задыхалась, наседая на него, как стриптизёрша на танцевальный шест.

Он вцепился в спинку дивана так, что побелели костяшки.

— Ты думаешь, именно это мне нужно? — Я готова была кончить от одного этого голоса. Его соблазнительный тембр сделался ещё ниже. — Чтобы на мне скакали верхом?

— Я думаю, тебе нужна страсть.

Мне-то уж точно.

— Только если её не симулируют.

Я чуть не расхохоталась.

— О, я ничего не симулирую.

Как объяснить ему, что я сейчас кончу?

— Стой. — Он обхватил мои бёдра, чтобы удержать на месте. — Вставай.

Сбитая с толку, я опёрлась на его плечи и поднялась на колени. Он снова меня оттолкнёт? Но потом я проследила за его прищуренным взглядом.

На его брюках, которые стоили, наверное, несколько тысяч, в паху теперь виднелось влажное пятно. От моих мокрых трусиков.

Мне бы стоило опасаться его реакции, но я слишком далеко зашла, чтобы беспокоиться об этом. Я опустилась обратно настолько, насколько позволяли его руки, желая, чтобы моя киска вновь прикоснулась к этому горячему твёрдому бугру.

— *Blyad'!* — воскликнул он. Что бы это ни значило. — Ты действительно из-за меня потекла. Решила со мной развлечься?

— *Por Dios*, ну что ты так много болтаешь? — я задыхалась. — Хочу кончить, *Ruso*.

Он моргнул. Холодный, отстранённый русский впал в ступор.

— В любом случае, — он разжал хватку, — продолжай.

— *Gracias*, — облегчённо выдохнула я, вновь скользнув сосками по свитеру. Если он только позволит... мои пальцы проникли в его волосы, а я наклонилась, чтобы поцеловать его шею. Потом слегка лизнула то место, где пульсировала жилка, отчего его голова откинулась назад.

Я потеряла выступ его брюшной молнии, так что поёрзала сверху, чтобы вновь его нащупать. Вроде бы его бёдра, наконец-то, сдвинулись с места? Он тоже искал контакта?

Наконец, я обнаружила эту точку.

— *Ay, perfección.*

Когда я снова уселась, он смотрел на меня, его взгляд метался от моих глаз к губам, потом вниз к груди, к стрингам и обратно.

Пока я ублажала себя, моё внимание привлекли его собственные губы. Как и всё в нём, они притягивали внимание. У более полной нижней губы в середине была сексуальная впадинка. Каково будет с ним целоваться?

Иванна считала, что поцелуй слишком сближает людей, и для будущего любимого человека в жизни нужно сберечь что-то особое. У меня не было любимого, и сближения я не боялась. А сейчас, балансируя на грани оргазма, я вообще ничего не боялась! Я смотрела на его губы, облизывая свои.

— Думаешь, мне нужен поцелуй? — его голос был хриплым.

— Разве не все...

Он сильно качнул бёдрами, вдавливая твёрдый член в мои трусики.

Наконец-то!

— *O! Fricción...* Ещё раз, *por favor*.

Он сделал это ещё раз. И ещё. Вскоре с каждым толчком он начал издавать стон, но звук был таким, словно ему причиняют боль, словно каждый раз он получает удар в живот — или режет себя.

Я обдумаю всё это — потом.

— Не останавливайся!

Пока он толкался в мою киску, я бормотала что-то нечленораздельное, переключаясь то на один язык, то на другой, пытаюсь как-то дать понять, что я нахожусь на грани.

— О, Боже. *Ay, Dios mío.*

— Ты сейчас кончишь? — напряженно спросил он.

— Я сейчас взорвусь! — обеими ладонями я обхватила его лицо.

Наши взгляды встретились. Его — по-прежнему резкий и злой, подбородок упрямо вздёрнут даже тогда, когда наши тела соприкасались.

— Нет-нет, *cariño*, — проводя пальцем по его нижней губе, прошептала я, — *No te pongas bravo conmigo*. Не сердись на меня. Нам обоим вскоре будет хорошо. — Нагнувшись, я накрыла его рот своим. Его губы были твёрдыми и горячими. Постанывая, я лизала то место, где они соединялись. Ускорив темп, я почти прыгала на русском члене.

Он приоткрыл губы; кончики наших языков соприкоснулись — и от этой искры разгорелось... Наслаждение. Взрыв. Электрический разряд.

По моим венам пробежала волна, чтобы дать дорогу... *огню*.

— *Ммм!* — кричала я в его рот. Меня охватил восторг, заставляя вращать бёдрами. В забытии я тёрлась сосками о его грудь. Я стонала, пользуясь им, как игрушкой, пока моя киска снова и снова сокращалась.

Лишь когда разум ко мне вернулся и спазмы пошли на спад, я поняла, что он не ответил на поцелуй. Я отклонилась от него.

Он сидел совершенно неподвижно. Но напряжение в нём только возрастало.

— Ты поцеловала меня. Ты *кончила*. Этого не должно было случиться.

— Это случилось в пылу страсти. *No te pongas...*

Намотав мои волосы на кулак, он притянул меня ближе, так что наши губы соприкоснулись.

Я ахнула, а он, казалось, просто пылал. Он целовал меня так, будто уже много лет не пробовал женских губ, а лишь копил в себе эту потребность. Я задышалась; он тяжело дышал. Его руки опустились на мою полуголый зад.

Из его груди вырвался рык. Настоящий. Мысль о том, что я смогла вызвать такую страсть, завела меня, многократно усилив возбуждение. Удерживая его лицо в ладонях, я сосала его язык. Он стонал, его пальцы впивались в мои округлости, а я снова начала свою скачку.

Оторвавшись, чтобы вдохнуть, я сказала:

— Что ты со мной делаешь?

— Могу спросить то же самое, — с трудом выдавил он. — Я ненавижу сюрпризы. Терпеть их не могу. И всё равно... — Брови сошлись на переносице. Он будто... не то чтобы *подсчитывал*, но что-то вроде того — пытался рассмотреть ситуацию со всех углов. — Всё

ещё здесь, — пробормотал он сам себе. Дёрнув меня ближе, он зарылся лицом в мою грудь, покрывая поцелуями.

Я выгнулась навстречу его рту.

— Как только я увидел эти налитые сосочки, испугался, что не смогу тебя отпустить, не попробовав их на вкус.

Испугался? С чего бы ему... Но мысли затуманились, когда он, повернув голову, обхватил губами сосок и провёл языком по чувствительной вершинке. Застонав, он начал сосать, и тогда я воскликнула:

— Наконец-то!

Во мне снова разгорался жар! Внутреннее неистовство. Жажда *большего*.

Он перешёл к другому соску, пробормотав:

— Такие сладкие и пухлые. Дразнят мой язык.

Сделав второй сосок тоже мокрым и ноющим, он возбуждённо потянул меня обратно, чтобы оказаться со мной лицом к лицу.

— Всё это приемлемо.

— Я... я определённо так думаю.

— *Крайне* приемлемо.

Ладно? Что тут творится? Я чувствовала, что в нём закипает едва сдерживаемая потребность во мне, которая только усиливалась. Другая на моём месте бы испугалась, я же упивалась этим, словно вином.

— Да, котёнок, — сверкнули эти порочные голубые глаза. — Тебя сейчас отрахают. Как следует.

Он уложил меня на диван и хищно навис сверху.

Без предупреждения ухватил одной рукой за лодыжки, а другой — молниеносно сдёрнул трусики и отбросил их в сторону.

— Разведи колени.

Смутившись от резкой смены позиции, я нерешительно подчинилась.

Не отрывая глаз от моей киски, он облизнул губы.

— Такая роскошная. Я *вижу* твоё желание. Понравился украденный оргазм?

— Украденный?

Стоя на диване на коленях, он потянулся к моей промежности. Его палец скользнул вдоль губок, размазывая влагу, потом прошёлся прямо по серединке.

Я наблюдала за ним, и мои веки тяжелели. Он, казалось, был очарован, и от этого текла ещё сильнее. Мне почудилось, что он не гладил так девушку уже целую вечность. Разумеется, эти ласки в его "сценарий" не входили.

Он продолжал дразнить мои губки, пока я не заёрзала, уже собираясь насадить себя на его палец.

— Всё течёшь и течёшь. Я могу одним лишь этим заставить тебя кончить.

Да, но я уже теряла голову!

— *Más*. Мне нужно больше, Máxim.

Он прищурился.

— Ты назвала меня Máxim?

— Я назову тебя как угодно, если ты продолжишь меня ласкать, — пальцы ног в туфлях у меня подворачивались.

Он продвигался вглубь сантиметр за сантиметром, и я стонала от ощущения наполненности.

— У тебя клитор сильно набух. Хочешь, чтобы я его потёр?

— *Да!*

— Или хочешь, чтобы тебя трахнули?

— Всё вместе! И то, и другое! Что угодно...

Но он вдруг нахмурился.

— Твоя киска тугая. *Очень* тугая.

Неужели он поймёт, что у меня уже вечность не было секса? *Его надо отвлечь.*

— Я буду такой же тугой и вокруг твоего члена, *querido*.

Он толкнул в меня палец.

— Скажи, что его хочешь, — свободную руку он положил мне на грудь, поглаживая сосок большим пальцем.

— Да, я хочу твой член! — мои бёдра дрожали. Я уже подбиралась к очередному оргазму, а ведь он даже не притронулся к моему клитору. Ещё никогда я не испытывала такого наслаждения с мужчиной; похоже, в эскорте мне *понравится!*

Он ущипнул второй сосок.

— Значит, пока ты его не получишь, — рука замерла у меня между бёдер. — Трахни мой палец.

Я снова ощутила в нём проблеск предвкушения, какое бывает у ребёнка с новой

игрушкой.

Потеряв от желания остатки стыда, я принялась двигаться навстречу его руке, то погружая в себя его палец, то выталкивая. Я практически готова была взлететь, когда его большой палец, наконец, прикоснулся к ноющему клитору.

— *М-м-м!*

Он поглаживал его медленными круговыми движениями, одновременно входя в меня другим пальцем.

Глаза у меня закатились, и я выгнула спину, устремив в потолок торчащие соски.

— Опять собираешься кончить? — недоверчиво спросил он. — Смотри на меня.

Я с трудом подняла голову.

— Не смей кончать без моего разрешения.

Qué? Я не могу это контролировать.

— Проси моего разрешения. Скажи: "Могу я для тебя кончить?"

Я смущённо прошептала этот вопрос.

И даже не понимала, что говорю по-испански, пока он не прохрипел:

— По-английски, красотка.

— Могу я для тебя кончить?

— Нет, пока я не скажу. — Он проник в меня вторым пальцем, с усилием погружая его сквозь тесноту.

Эта наполненность внутри довела меня до пика.

— *Максим!*

Огонь снова был во мне, обжигая каждую клеточку тела. Мотая головой из стороны в сторону, я смутно слышала его слова о том, что он чувствует, как сокращается моя киска, что я была плохой девочкой и что он накажет меня за то, что я кончила без разрешения.

Но всё это время он продолжал двигать одним пальцем и гладить другим, извлекая этот оргазм, заставляя меня чувствовать каждую сумасшедшую волну, каждый восхитительный спазм...

Когда он вытащил пальцы, я застонала, по-прежнему не полностью насытившись. Почему-то я лишь сильнее распалилась.

Его обжигающий взгляд скользил по моему обнажённому телу, по влажной промежности, пылающей груди и набухшим соскам — даже волосы вокруг головы беспорядочно развевались. Потянувшись вперёд, он зажал локон в руке.

— Ты охуенно сексуальная, — произнёс он и сразу нахмурился, уронив локон. Удивился, что нашёл меня сексуальной — или, что сообщил мне об этом? — И тоже хочешь меня.

— *Хочу? Estoy desesperada!*

Он встал, чтобы раздеться.

— Отчаянно? Не бойся, я дам то, что тебе нужно. — Он снял туфли и носки, потом стянул свитер через голову.

Увидев то, что открылось моему взору, я в предвкушении задрожала.

Широкие плечи состояли из сплошных мускулов, твёрдые грудные мышцы сочетались с тёмными сосками, руки покрывал загар. На прессе отчётливо выступали кубики, а в завораживающе уходящую вниз дорожку волос мне так и хотелось зарыться носом. На груди и руках было несколько шрамов, которые лишь добавляли сексуальности.

Его лицо приняло жёсткое выражение.

— Ты ослушалась. Кончила без разрешения.

Я вытянула руки за голову, радуясь тому, как он разглядывает мою грудь.

— Не о чём не жалею.

Он расстегнул ремень, движения выглядели угрожающими. Так почему я совсем не боялась этого незнакомого мужчину? Из кармана он вытащил презерватив, потом расстегнул молнию на брюках. Когда он стащил их, открыв внушительную эрекцию, я ахнула.

Его член был произведением искусства. Налитой, с капельками влаги на кончике головки сливового цвета, с выступающими венами. Мне захотелось неторопливо исследовать каждый его квадратный сантиметр. Я никогда не была особой любительницей минета, но сейчас облизнула губы, представляя, как мой язык пройдёт, поддразнивая, вокруг этой мощной головки. Рот будет ласкать его по всей длине...

Обнажённый, он стоял передо мной, и я ещё никогда не видела такого соблазнительного тела. Всё, о чём я могла в тот момент думать: "*Лучшая в мире работа!*"

Он провёл по члену своей большой сжатой в кулак ладонью, отчего я позабыла, как дышать. На кончике выступили новые капельки влаги. Раскатывая презерватив размера XXL, он сказал:

— Покажи мне то, что скоро я сам смогу оценить, — ошибки в его тоне быть не могло.

Он отдал мне приказ.

Прекрасный самонадеянный мужчина.

Я последую его приказу, но по-своему. Задрав ногу на спинку дивана, я упёрлась тонким каблуком в обивку и позволила коленям упасть в стороны. Извиваясь в этой позе, я приманивала его раскрытой киской.

— Что ты думаешь о разнообразии сейчас, *querido*?

В его руке пульсировал член, он пробормотал что-то по-русски, что прозвучало как ругательство, затем повернулся к дивану, становясь на колени между моих ног. Разница в размерах наших тел меня шокировала.

Я чувствовала себя перед ним тоненькой и хрупкой — тогда как он был самым воплощением твёрдости и силы.

Он склонился надо мной, одной рукой прижимая мои запястья над головой. Другой он стиснул и направил свой член.

Когда головка проникла сквозь скользкие губки, он резко втянул воздух.

— Потрясающе мокрая.

Он проталкивал широкую головку дальше, и я впервые ощутила беспокойство.

Внутри меня всё просто сочилось влагой, но он был таким *большим*...

Войдя до самого основания, от удовольствия он взвыл.

Слишком большой!

— Ой! Погоди! — я пыталась высвободиться из его хватки. — *Mierda*, дай мне минутку.

Открыв рот, он отпустил мои запястья и, не выходя из меня, отодвинулся назад.

— "*Ой? Погоди?*" — Уже во второй раз он кинул на меня этот шокировано — удивлённый взгляд; я назвала этот взгляд "*Максимо-шокадо*", — ты собралась получать удовольствие от секса?

Я подумала, смогли бы его так остановить другие женщины?

— Дай мне привыкнуть к размеру. — Я обхватывала его так сильно, что чувствовала, как пульсирует член с каждым ударом сердца. — Сможешь это сделать?

Он замер, дрожа от усилий. На коже выступили капельки пота.

— *Попробую*, — прохрипел он.

Я нерешительно качнула бёдрами, вытолкнув, а потом вновь вобрав в себя его член.

Туда... сюда...

Туда... сюда...

Туда. Сюда.

Туда.

С каждым разом я принимала его всё легче, тело подстраивалось к его размерам. Удовольствие уменьшило боль. Веки вновь отяжелели.

— Умница, — он не отрывал взгляд от моей промежности. — Я вижу, что ты меня принимаешь, *dushen'ka*.

Потом он снова склонился надо мной, а я запустила пальцы в его густые волосы. На ухо он бормотал мне что-то по-русски, затем завладел моим ртом. Ему понравилось, когда я сосала его язык, так что я повторила этот трюк...

Он зарычал прямо во время поцелуя и вжал бёдра между моих ног. На этот раз боли не было, но я застонала. Он чуть вышел, затем погрузился ещё глубже. И это было...

Increíble! Я воскликнула:

— Да-да! *Más, Máxim!*

Опираясь на локти, он начал совершать резкие толчки. Чёрные волосы были в полном беспорядке после моих рук, глаза полузакрыты. Когда он смотрел на меня сверху вниз, брови были сведены на переносице, словно я его озадачивала.

— Из-за тебя я теряю контроль.

Неужели он, как и я, опьянел от страсти?

— Не хочу, чтобы ты сдерживался, — околдованная им, задыхаясь произнесла я.

Он прищурился, словно я бросила ему вызов — или просто использовала дежурное выражение, отстранился, затем обрушился на меня с такой силой, что у меня дух вышибло.

Но мне нравилась его мощь, этот напор.

— И это всё, *Ruso?*

Он снова поднялся на колени и обхватил мои бёдра.

— Это была разминка, — казалось, каждая мышца в его теле напряглась, когда он дёрнул меня на себя, одновременно подавшись вперёд.

— *A!* — вскрикнула я, приподнимаясь навстречу очередному толчку. Он напирал на меня; я встречала, и каждый раз мой клитор оказывался под давлением. Как только мы синхронизировали наши движения, он взял такой темп, с каким меня не трахали ещё никогда.

Трах тысячелетия? Скорее — миллионолетия! Я едва сдерживалась, балансируя на самой границе оргазма.

— Такая *тугая*, — проревел он, стиснув зубы и работая бёдрами.

Au, Dios mío, а он умел двигаться! Бицепсы бугрились, когда он насаживал меня на себя. Твёрдые пластины грудных мышц изгибались под кожей с выступившей испариной.

Вид того, как трудится его тело, уже приближал меня к кульминации.

Ему тоже нравилось наблюдать, он не отрывал взгляда от моей подпрыгивающей груди.

Напряжение, накопившееся внутри меня, уже готово было прорваться — если он и дальше будет совершать такие длинные глубокие толчки. Уже близко... близко...

С грубым, словно гравий, акцентом, он проскрежетал:

— Мне нравятся твои сосочки, твои грудки, твоя тесная киска. И то, как ты смотришь на

меня своими поразительными глазами. Тебе нравится смотреть, как я тебя трахаю?

— Да! Máxim, ты доведёшь меня... до... сумасшедшего оргазма!

— Блядь. *Блядь.*

Его член разбух так, как, казалось, было уже невозможно!

— Не могу сдерживаться! Мой член сейчас просто взорвётся! — Черты лица его стали жестче, будто он испытывал боль. Его тело замерло.

Нет-нет-нет! *Продолжай двигаться!*

Выражение страдания на лице исчезло, уступив место экстазу, когда он начал кончать. Он откинул голову назад и зарычал в потолок, гортань напряглась, сухожилия натянулись, словно струны. Он яростно ударил бёдрами, потом ещё раз, взревев:

— Это... *охуенно!*

Эти сумасшедшие толчки довели меня до пика.

— Да, да, ДА! — кричала я, в глазах всё поплыло. Спина выгнулась, грудь скользнула по его мокрой от пота коже.

— *Блядь!* Я чувствую тебя! — пока я сжимала его изнутри, он пролепетал, — твоя жадная киска выдаивает мой член. Ты получишь всё — *a-a-a!* — до последней капли!

Жар. Влага. Восторг.

Это длилось и длилось...

Когда больше принять было уже невозможно, он вошел в меня последний раз. Из его груди вырвалось длинное удовлетворённое рычание. Глаза закрылись, и он упал на меня сверху.

Я безвольно лежала под ним, раскинув в стороны руки и ноги. Застонала, когда внутри шевельнулся член; он рыкнул, когда мои стенки снова сжали его ствол.

Словно нашим телам всё было мало.

Он уткнулся мне в шею, кольнув дыханием влажную кожу.

Я грудью ощущала грохот его сердца.

И по его поведению я начинала думать, что, наверное, я сама устроила для *него* ТТ.

Похлопав его по ягодице, я пропела:

— Неплохо, Máxim.

Наполовину нахмурившись, наполовину скривившись, он вышел из меня, и я поняла, что никогда ещё не видела презерватив с таким количеством спермы.

— *Un hombre viril.*

Я вытянулась на диване, улыбаясь от уха до уха, понимая, наконец, значение выражения "пьяная от секса".

Поднявшись, он стащил резинку и натянул брюки.

— Ты собой довольна.

— Довольна, в целом.

— Я *никогда* подобным образом не теряю контроль. Никогда не кончаю раньше, чем к этому готов. — Его голос звучал обвинительно, словно я совершила что-то непростительное.

Qué cosa? А?

— Для меня это тоже было неожиданностью.

Я встала, чтобы найти свою одежду.

— Ты не привыкла возбуждаться со своими клиентами?

— Нет.

И снова он, очевидно, не поверил словам шлюхи.

— Что-то конкретно во мне должно быть "особенным" и "необычным", в отличие от других клиентов. Полагаю, оргазмы каждый день с каждым клиентом можно отнести к вредным условиям труда.

Понятия не имею. К тому времени, как я собрала свою одежду, он уже вышел в соседнюю комнату. Вот жалость. Я надеялась оценить его со спины.

Я слышала звук воды в душе и не знала, что мне делать. Уйти? Приготовиться ко второму раунду? Я натянула бельё, потом схватила телефон и позвонила Иванне.

Как только я вкратце обрисовала случившееся, она чуть не подавилась:

— Максимилиан Севастьянов?

— Да. Ты его знаешь?

— Конечно! Он политик и *миллиардер!*

Первое заинтересовало меня куда больше второго. Мой отец тоже был политиком. Конечно, русскому я об этом рассказывать не собиралась. Да и всё равно он не поверит.

Иванна продолжала:

— Он один из самых завидных женихов в Европе, но никто не может его заарканить. Чёртов ботокс! Вблизи он так же прекрасен, как на фотках?

— Просто УНВ.

— Ты меня упоминала? — воскликнула она.

Я закатила глаза.

— Скажи, что мне сейчас делать?!

— Предоплата была шикарной, так что раскрути его на всю ночь. Ты уже в его номере, потратила деньги и время на шмотки, макияж и дорогу.

Ребята с моего курса по бизнесу и близко не могли тягаться с квалификацией Иванны в эскорте. Или со мной, в данном случае.

— Правильно. Безвозвратные издержки. — Экономика лежала в основе всех моих ежедневных решений.

— Веди себя так, словно он пошатнул твой мир, — посоветовала Иванна, эта фраза с её акцентом звучала почти комично. — Слово он лучший любовник в мире. — *Так и есть!* — Заставь его думать, что только ему ты готова отдать свой личный номер телефона. Они все на это ведутся.

— Но это же личный. — Я даже не разрешила ей передать его в агентство. — Я не хочу, чтобы кто-то его знал.

— На следующей неделе заведём тебе новый номер. А сейчас твоя задача — сыграть на эго и получить его на весь остаток ночи. Или же договориться о новом свидании. Хотя последнее — вряд ли.

— Почему нет?

— Он никогда не заказывает дважды одну и ту же. О! Я по-прежнему смогу с ним встретиться, пока он ещё в городе! Максимилиан Севастьянов, можешь себе представить?

Да, Иванна, да, я могу. У неё будет секс с парнем, с которым я переспала. Она познает его мощное тело, захмелеет от его акцента. От этой мысли мои эмоции, которые весь вечер скакали то вверх, то вниз, просто зашкалили.

Когда душ выключили, я повесила трубку и поспешила в спальню. Прислонилась к косяку входной двери. Перебросив волосы через плечо, приготовилась очаровывать.

Из ванной он вышел с полотенцем вокруг бёдер. *Por Dios*, это тело. Разве можно одного мужчину наделять всем сразу?

Но прежде чем я успела что-либо сказать, он скривился.

— Ты всё ещё здесь?

У меня рот открылся. Он ждал, что я просто уйду, даже не попрощавшись?

Да. Потому что свои услуги я оказала. Он смотрел на меня так, как мог смотреть на использованную резинку. О-о-о, этим он меня просто взбесил! Был весь такой будоражащий и страстный, а теперь вновь покрылся коркой льда.

Он сел на краю кровати, глядя на меня с неприязнью.

— Полагаю, ты осталась, чтобы раскрутить меня на остаток ночи. Может, предложишь *личный номер*?

Несмотря на то, что он абсолютно точно всё угадал, я снисходительно улыбнулась.

— На сегодня всё, и мой личный номер так и останется личным, *querido*. Я как раз собиралась уходить.

Когда он сбросил полотенце и улёгся на высокую кровать, я повернулась, чтобы найти платье. Со своего места он смотрел на диван, приподнявшись на одном локте. Я заметила, что он пожирал меня глазами, и даже подался вперёд для лучшего обзора.

Смотри-смотри — больше такой возможности не будет.

Как только я оказалась одетой, он сразу же потерял ко мне интерес и перевернулся на спину, подложив под голову загорелую руку. Я всё ещё была под впечатлением от того, чем мы только что занимались, а он вёл себя так, словно просто удовлетворил свою физическую потребность.

Меня это задело. И я хотела задеть его в ответ.

— Очевидно, мне придётся напомнить, что чаевые в сумму не входили.

Зловещим тоном он произнёс:

— На полке в гардеробной есть какая-то мелочь.

Там я обнаружила золотой зажим для денег, набитый сотенными бумажками. Общей сложностью, наверное, пара тысяч.

— Сколько? — крикнула я.

— Возьми столько, сколько, по-твоему, заслуживает это представление.

Представление? Вот козёл! Я чуть сознание не потеряла от оргазма, да и он не отставал!

Так что я забрала все деньги, включая этот чёртов зажим.

Проходя мимо двери в спальню, произнесла:

— Спасибо за чаевые, *pendejo*.

Засранец.

— Удивлён, что ты не заискиваешь передо мной. — Он всё ещё со мной разговаривает, подначивает?

Я повернулась к нему лицом.

Он добавил с издевательской ухмылочкой:

— Ты должна была мне сообщить, что я пошатнул твою землю и небо. Ты должна была подлизываться, чтобы повысить вероятность новой встречи.

С улыбкой "*ну разве он не милашка?*", я проворковала:

— О, малыш, разве ты не учил статистику? Если вероятность сто процентов, то повысить её уже нельзя.

Глава 6

За время долгой поездки домой в такси, я провела проверку собственных активов. Активы Катарини на сегодняшних торгах потерпели сокрушительное поражение. Мои кулаки сжались, несмотря на то, что эта двусмысленность заставила меня горько усмехнуться. Моё тело чувствовало себя прекрасно, хотя и немного побаливало, зато остальная часть меня ощущала себя дешёвой и использованной. Именно он *заставил* меня так себя чувствовать.

Прежде чем он успел сказать что-нибудь ещё, я развернулась на каблуках и оставила его, направляясь вниз, в реальный мир. Подходя к лобби, я дрожала. Меня обличали яркие огни, казалось, на меня были направлены все взгляды. Будто то, что я только сделала, было теперь известно каждому.

Когда я попросила вызвать такси, портье с щербинкой между зубов свистнул ближайшему водителю на парковке, и ухмыльнулся, открывая мне дверь.

— Мадам.

Я чуть не вмазала ему, но передумала из-за правила номер пять. *Не привлекай лишнего внимания, Кэт.*

После первого жалкого опыта секса за деньги я просто пылала от унижения.

Но деньги! Пять штук и ещё две, которые я забрала в качестве чаевых. Семь тысяч долларов! Возможно, удастся заложить зажим для денег. Теперь у меня достаточно наличных, чтобы убраться из этого города. Но даже такой внушительный заработок меня не радовал.

Dinero sucio. Грязные деньги за грязные дела.

К списку своих грехов я теперь могу добавить воровство и проституцию. Глубоко вздохнув, я попыталась избавиться от этого ощущения. *A mal tiempo, buena cara, Кэт.* Хорошая мина при плохой игре.

Когда такси оказалось в нескольких кварталах от моего дома, я сказала водителю:

— Можно здесь остановить. — Правило номер два: не налаживать никаких связей. Если предпринять кое-какие меры, то никто не сможет связать с помощью этого такси тот отель с моим домом.

Таксист задрал брови:

— Высадить вас в этом захолустье?

Никого опаснее того существа — моего мужа — которое кралось по моему бывшему джэксонвильскому особняку, здесь просто не было.

Я расплатилась с водителем, и он уехал. Я шла на своих шпильках по слабо освещённой заброшенной парковке, лавируя на минном поле из битых бутылок, покрышек, ржавых глушителей и дикорастущей марихуаны.

Дойдя до своего обшарпанного многоквартирного дома, я совсем пала духом. Даже без света разбитых фонарей я прекрасно видела отваливающуюся штукатурку, пятна ржавчины и заклеенные скотчем окна. Толстые стебли лозы, опутывающие стены дома, казались щупальцами, тянущими всё строение в бездну.

Внутри всё было гораздо, гораздо хуже. Поднимаясь по бетонной лестнице в свою квартиру-студию, я чувствовала себя на пятьдесят лет старше.

Пока я отпирала входную дверь — которую вечно заклинивало — моё внимание

привлекло какое-то движение сбоку. Своими паучьими глазками на меня пялился кошмарный мистер Шэдвел — администратор многоквартирного комплекса.

Это был пример того флоридского быдла, которого никогда не следовало бы выпускать из гаража. Он носил пропитанную потом майку-алкоголичку, не скрывавшую его дряблых рук и волосатых плеч. Пока я мучилась с замком, он даже не предложил мне помочь.

В последний раз я попросила его починить протекающую крышу. Он вновь подкатил ко мне с грязными намёками. Так что теперь по всей квартире я расставляла тазики.

Он уже ограбил меня на "страховочный залог". И необходимость соблюдать анонимность означала, что ничего с этим поделаться я не могла. Строго говоря, я платила ему, чтобы он не распускал руки — как он поступал с матерями-одиночками, проститутками и нелегальными эмигрантками по всему комплексу, то есть с теми, кто никогда не обратится в полицию.

Именно из-за Шэдвела я до сих пор не скопила денег на переезд.

Именно поэтому я переспала с русским.

— Тяжёлая ночь? — Этот хмырь ухмыльнулся, сверкнув редкими зубами. Пристрастие к сигаретам без фильтра обесцветило те из них, что ещё держались во рту.

Я обдумала и отвергла возможные ответы: посиделки с подругами? девичник? Это насекомобразное не заставит меня соврать.

Замок начал поддаваться.

Прежде чем я смогла пройти внутрь, он потёр своё пузо, затем передвинул руку пониже. Слишком низко.

— Мы очень скоро увидимся.

Я поняла, что только что получила предупреждение.

Плотно закрыв за собой дверь, я прислонилась к ней спиной. Контраст между Селтейном и этой квартирой был как пощёчина.

В кухонной зоне не работали ни плита, ни холодильник. Для консервированных обедов я использовала крошечную микроволновку. На большом блюде лежали яблоки, бананы и апельсины для перекуса "на бегу". Пол был уставлен стратегически размещёнными тазиками. Я передвинула промокшую кровать в центр комнаты под самый большой по площади кусок не протекающей крыши.

Зажав *dinero* в руках, я обогнула тазики, чтобы добраться до "сейфа" — оконного кондиционера, неработающего, конечно. С помощью швейцарского ножа я открутила фильтр, открыв небольшую щель. Купюры я присовокупила к своим скудным накоплениям: двумстам пятидесяти семи долларам. Ещё внутри хранился фальшивый паспорт и моя единственная драгоценность — мамины четки. В нашей семье они передавались из поколения в поколение, и только их я забрала, покидая дом.

Вид долларовой пачки Севастьянова рядом с четками вызвал у меня приступ тошноты.

Как он смог что-то хорошее сделать настолько грязным? Не думала, что буду ненавидеть кого-то сильнее мужа, но Максимилиан Севастьянов занял почётное второе место.

Что во мне мужчины находили таким... доступным? Три года назад Эдвард спланировал операцию по получению полного доступа.

Сбежав от него, я переезжала каждые три года, успев пожить в Аризоне, Техасе, Луизиане и Нью-Мексико. Полгода назад я осмелилась вернуться во Флориду, решив, что это будет последнее место, где Эдвард станет меня искать. Я направилась в Майями,

оптимистично надеясь затеряться в огромном городе, и нелегально устроиться на работу.

А вдруг он всё ещё здесь? Вдруг я просчиталась?

Установив фильтр на старое место и закрутив все винтики, я опустила на свою скрипучую кровать. Лёжа на грубых простынях из магазина подержанных товаров, я вновь подумала, действительно ли Эдварда я сегодня видела. Как только я проиграла в памяти эти воспоминания, тело напряглось, приготовившись бежать.

Если это был он, то прошедшие три года его изменили. Он похудел, а на лице застыла горечь. От его ангельской внешности не осталось и следа.

Мне было семнадцать, когда мы "случайно" встретились на каникулах. Он сказал, что работал юристом в Атланте, а сейчас переехал в Джексонвилль, чтобы начать собственную практику. Он также сообщил, что ему двадцать пять — слишком взрослый для меня. *Запретный плод*, подумала тогда я.

Он уже повидал мир; я никогда не уезжала далеко от дома. Он был утончённым джентльменом; я гордилась тем, сколько могу выпить пива. Он говорил на четырёх языках, хотя, как ни странно, испанский в их число не входил.

Несмотря на эти различия, в остальном мы совпадали практически полностью — нам нравились одни и те же фильмы, музыка, виды спорта, развлечения и блюда.

Мама видела его насквозь, утверждая, что это грешник с ангельской внешностью. Так что, разумеется, я *должна* была его заполучить.

С её смертью меня больше не ограничивали строгие правила. Внезапно оказалось, что моему упрямству нет никакого противовеса. Барахтаясь в неопределённости, я в поисках стабильности вцепилась в Эдварда. Будучи совершенно наивной во всём, что касалось мужчин, я ответила согласием на предложение выйти за него замуж, предоставив ему свободный доступ в мою жизнь, в мой дом и к моему телу.

Сквозь прорехи в шторах сверкали молнии, удары грома сотрясали весь дом. Ливни всегда напоминали мне о нашем последнем вечере. После полумарафона недалеко от Саванны я рано вернулась домой. Надвигался тропический циклон и забег отменили. Я торопилась домой, чтобы помочь мужу закрыть все ставни.

Я смотрела на потолок весь в потёках от воды, постепенно мой взгляд затуманился, меня захлестнули воспоминания...

За домом стояла незнакомая машина — "Ягуар". Я почти надеялась, что Эдвард завёл любовницу. Это так много бы объясняло, подтвердив все мои подозрения. Тогда мне было бы проще принять решение и идти дальше.

За один год брака мы из двух людей, имеющих так много общего, превратились практически в двух незнакомцев.

Я неслышно вошла и начала тихонько подниматься по лестнице, прислушиваясь к голосам, доносившимся из спальни. На лестничной площадке фойе я остановилась. При жизни моей матери стены были увешаны распятиями и мрачными старыми портретами наших предков. После её смерти Эдвард нанял дизайнера, объяснив: "Ты никогда не смиришься с её смертью, если всё вокруг будет тебе напоминать о ней. Давай начнём всё с чистого листа."

*В тот момент я подумала, что если ему не нравится дом *mi madre*, то зачем мы вообще живём здесь, а не в собственном особняке? Который мне ещё предстояло увидеть.*

Но этот вопрос я оставила при себе, потому что он бы повлёк за собой множество других — так, потянув за ниточку можно полностью распушить одеяло, с которым я всё

ещё иногда спала.

Я согласилась на дизайнера, согласилась бы на что угодно, лишь бы сломать стену, неожиданно возникшую между нами сразу же после поспешной регистрации. Он перестал называть меня Люсия, упорно употребляя имя Анна-Люсия — так звала меня мать, когда у меня были неприятности. Перестал со мной флиртовать. Мы редко занимались сексом — и то, только после того, как я на этом настаивала.

Я подошла ближе к нашей комнате, не заботясь о скрипучих половицах. Я точно знала их местоположение на полу, потому что научилась бесшумно ускользать из дому ещё с двенадцати лет.

У двери я почувствовала запах духов и услышала, как мой муж говорил с другой женщиной.

— Это всё слишком затянулось, — сказала женщина.

— Наберись терпения и доверься мне, — голос принадлежал моему мужу, но теперь он звучал с британским акцентом.

Кто, чёрт возьми, был в моей спальне с моим мужем, и почему изменился его акцент? Кулаки сами собой сжались, мой необузданный нрав готов был вырваться наружу. Первым порывом было ворваться в комнату и начать орать, но я заставила себя прикусить язык и слушать.

— Обычно я терпелива, — женщина говорила также с британским акцентом. — Но нельзя отпускать её на эти забеги, Чарльз. — Чарльз? — Ты должен постоянно работать над ней.

Каким образом работать?

— Эти тренировки — идеальное прикрытие, дорогая, — продолжал мой муж. — Бедная Анна-Люсия потеряет сознание после одного из этих длительных забегов.

Ноги у меня подломились. Они собирались меня... убить? Эти ублюдки собирались меня убить.

Этого. Не. Может. Быть.

— Всё произойдёт без сучка и задоринки, — сказал Эдвард. — Ой, если бы моя бедная супруга не принимала амфетамины, тренируясь перед марафоном на такой жаре.

Амфетамины? Он давал мне таблетки для похудения, приговаривая: "Может, стоит сбросить пару килограммов? Честное слово, Анна-Люсия, на тебе одежда едва застёгивается. Это будет справедливо, я ведь постоянно слежу за собой".

Я чуть не ляпнула, что сброшу вес на бёдрах, когда он нарастит вес на члене, но ругательства он терпеть не мог. Раньше меня восхищало то, что он всегда держался как джентльмен. Но теперь надоело.

— В таком составе никто не заподозрит другой наркотик.

— Она вообще будет их пить? — спросила женщина. — Она, может, и совсем юна, но не так проста, как остальные.

Остальные? Они и раньше это проделывали?? В моей комнате находились серийные убийцы, словно выпущенные на свободу гремучие змеи.

— Положись на меня, — ответил Эдвард. — Как только я включу своё обаяние, она всё проглотит. Джулия, клянусь, что к праздникам я стану вдовцом. Отправимся в Аспен, чтобы отпраздновать? — по голосу было件нятно, что он улыбается.

Кошмарная мысль вдруг пришла мне в голову. Por Dios, это же они убили мою мать? Она страдала рассеянным склерозом, но умерла слишком внезапно. Пол подо мной

зашатался.

Они убили мою мать?

Они убили её?

Эта Джулия всё ещё сомневалась:

— Если она тебя заподозрит...

— Я всегда держу туз в рукаве, милая. Рычаг воздействия. Если что мне и известно про мою жену, так это то, что она пойдёт на что угодно, лишь бы избежать тюрьмы...

За окнами моей квартиры сверкнула молния, от удара грома задрожали стёкла. Я вернулась в настоящее прежде, чем дошла до момента с его тузом в рукаве, прежде, чем слишком живо вспомнила ощущение капель крови на лице и по всему телу.

Может, это и к лучшему. Не хочу снова видеть окрашенные кровью кошмары.

Шторм за окном усилился, дождь полил как из ведра. Крыша у меня над головой скоро превратится в сито. В зависимости от того, сколько времени будет идти дождь, я могу всю ночь скакать по квартире, меняя тапки. В противном случае меня просто затопит.

Я сжала виски. Эдвард не ошибался на мой счёт...

Я пойду на что угодно, чтобы избежать тюрьмы, даже буду жить в этой дыре.

— Внимание, народ, выпускной экзамен будет в следующий понедельник, ровно в семь, — сообщила классу мисс Гиллеспай — моя преподавательница экономики. Это была высокая седеющая брюнетка, не допускающая в своём поведении ни тени юмора. — И да, я понимаю, что это нарушает ваши планы на выходные. Утешайтесь тем, что нынче сезон ураганов.

Из-за тропических штормов этой осенью уже трижды отменяли занятия, и каждый раз после такого ливня моя квартира набирала воду, словно тонущий корабль — как, например, прошлой ночью.

После бессонной ночи, утренней пробежки и целого дня изнурительного труда мне пришлось тащить себя на занятия. Несмотря на свалившийся заработок, я поехала к миссис Эбернати убирать её особняк. Когда я попыталась отказаться, она сказала, что настучит на меня в иммиграционную службу. Так что правило о непривлечении лишнего внимания заставило меня ехать к ней.

— Сегодня и в пятницу мы займёмся повторением, — сказала мисс Гиллеспай. — Так что давайте начнём. Я дам понятия, который могут встретиться на экзамене. Напишите к ним определения и подберите примеры из жизни.

К счастью, это был начальный курс по экономике. В предыдущие два года я сдала все основные дисциплины, и теперь мне остался только этот последний курс.

Я достала тетрадь и ручку, планируя сосредоточиться на задании — а не на русском. Последние пару дней я пыталась избавиться от него в своей голове — так же, как он легко и просто избавился от меня в отеле.

Мисс Гиллеспай начала писать на доске, а я послушно принялась раскрывать определения.

Готовые изделия — товары, попадающие в руки конечному покупателю. (Как мои сиськи, если я продолжу работать в эскорте)

Я подавила смешок, заработав косые взгляды от одноклассников, среди которых было двое парней, приглашавших меня на свидания.

К сожалению, мне пришлось им отказать, хотя их интерес меня озадачил: на занятиях я всегда появлялась в обрезанных по колено джинсах, старой футболке, без косметики и с волосами, заплетёнными в две косички. Я носила расхлябанные кроссовки и зачастую распространяла вокруг себя запах "Мистера Мускула". Полная противоположность гламурной эскорт-девице.

Дефляция — продолжительное снижение уровня цен. (С годами именно это и происходит с эскортницами).

Экономическая мобильность — способность человека, семьи или народа повышать или понижать свой экономический статус.

Эдвард избрал меня для повышения собственного экономического статуса. Я, не глядя, подписывала все документы, которые подсовывал мой муж-юрист, переписав на себя мой дом и всё многомиллионное наследство.

Но добраться до своей настоящей цели — нашего семейного пляжа — он так и не смог. Пока я жива, его мобильность будет неизменна.

Человеческий капитал — показатель экономической оценки способностей сотрудника.

Свой капитал я наращивала, продолжая образование в этом местном колледже. С замиранием сердца я подала туда документы, воспользовавшись фальшивым паспортом, купленным недалеко от тexasской границы. Если я когда-нибудь верну себе свою жизнь, то, может быть, смогу восстановиться в модном частном колледже в Джексонвилле. Получение диплома стало для меня священным Граалем. На смертном одре мама молила меня о двух вещах: порвать с Эдвардом и закончить колледж.

Я обещала, что выполню только последнее. Её последними словами стали: "Беги от этого злого человека!" Первой фазой моего жизненного плана являлось завершение учебы, чтобы искупить свою вину за то, что я её не послушала.

Так чего же я думаю не об уроках, а о Севастьянове?

По крайней мере, он не поднял тревогу, обнаружив пропажу денег. Да, блин, он ведь не обозначил конкретный размер чаевых! И сколько может стоить тот зажим для денег?

Я очень нервничала, когда думала, что он может на меня настучать, и это меня просто бесило. Я привыкла всё доводить до конца; если оставались какие-то нерешённые моменты, это означало, что я не властна над ситуацией и не смогу достичь результата.

Это бессилие просто угнетало. У меня в жизни уже было достаточно подвисших концов.

С того вечера я ещё несколько раз говорила с Иванной. Она возвращалась вместе с Энтони — владельцем "Элит эскорт", так что была бы в курсе, если бы Севастьянов на меня пожаловался. Пока же русский не сообщил Энтони о краже — но и не заказал меня повторно.

Иванна сказала:

— Не принимай это близко к сердцу, Кэт! Такое случается даже с лучшими из нас.

Я даже видеть Севастьянова *не хотела*. Совсем. Ни при каких обстоятельствах.

— Тебе надо продолжать этим заниматься. Приезжай и поговори с Энтони. Устройся к нему официально. Он кретин, но они все такие.

— Я думаю уехать из города на время.

— Нонсенс! Я дам тебе отпуск, а потом мы снова усадим тебя в седло. Не смей раскисать из-за Севастьянова. Даже как возможность его нельзя рассматривать.

При этом она ссылалась на слухи о его спутницах, которые она почерпнула от знакомых в дружественных агентствах. Он заказывал лишь одну девушку и всегда платил вперёд. Никогда не был жесток с эскортницами — но и не особенно добр. Каждый день он бронировал новую девушку, если только вечером не планировался приём или званый ужин. В таких случаях он появлялся с известной актрисой или моделью.

Я задумалась, зачем такому парню вообще нанимать девушек из эскорта, а затем вспомнила его сценарий. Я не могла избавиться от ощущения, что ему не нравилось, когда его трогали. Так почему он не возражал против моих прикосновений? Я цеплялась за него, как альпинист за выступ скалы.

Иванна сегодня должна была получить новую порцию грязного белья в виде сплетен — так что я выключила телефон и погрузилась в работу и учёбу.

Про него же я решила следующее:

Его отвратительное поведение было прямо пропорционально его богатству.

(Почему? Будь я богата — всегда была бы милой.)

Его влияние на меня было в тысячу раз сильнее того, как повлияла на него я. (*Меня всего лишь можно было купить в Майями за пять штук*).

Нельзя быть настолько сексуальным. (Вчера я кончила, представляя, как устрою ему

МБР. А потом разозлилась сама на себя, решив, что это пробежка виновата в моём возбуждении.)

И хотя Иванне я поклялась, что он меня больше не интересуется, сегодня я клятву нарушила, во время уборки, стянув резиновые перчатки, чтобы погуглить его на компьютере миссис Эбернати.

Пока стиралось бельё, я узнала, что он вырос в Сибири, но бизнес-образование получил в Оксфорде в рекордные сроки. У него было двое братьев. Его состояние колебалось между девятью сотнями миллионов и миллиардом, порой даже превышая эту сумму — всё зависело от состояния дел на рынке.

В возрасте тридцати одного года он уже был известным политиком — членом Государственной Думы — или что-то вроде того. Ходили слухи о его связи с *мафией*. Может, я западаю только на преступников?

От этой мысли настроение у меня испортилось. По крайней мере, его бизнес связан с недвижимостью и правительственными контрактами по всему миру.

Практически с каждой фотографии он улыбался голливудской улыбкой и держал за руку высокую ослепительную блондинку.

Зачем я мучаю себя, перебирая ссылки в интернете? Максимилиана Севастьянова я никогда больше не увижу. И его прикосновений никогда больше не почувствую.

И скатертью дорога.

Когда занятие закончилось, я подхватила свой рюкзак, страшась длинной поездки на автобусе домой. Всё, чего бы мне сейчас хотелось — это разогреть в микроволновке консервированный суп, улечься на десяток лет в залатанную ванну и *не* думать о Севастьянове.

Или о том, как сегодня он закажет новую девушку.

До этого мне нет никакого дела.

Поджидая на остановке автобус, я включила телефон, который сразу же запищал, как бешеный. Восемь смс от Иванны?

Mierda! Могло случиться только одно — ледяной русский сдал меня с потрохами! Дрожащими руками я набрала её номер.

— Э-э, привет?

— Севастьянов как сумасшедший названивает Энтони! Похоже, что он ему угрожает.

Почему сейчас? Я думала, что уже в безопасности!

— Я знаю. Слушай, я могу объяснить...

— Мне пришлось быстро что-то придумать, так как Энтони был не в курсе, что ты у него работаешь. Кстати, если он спросит, ты профессионалка самого высокого уровня.

Как скажешь.

— В любом случае, русский хочет, чтобы ты вернулась в Селтейн. Немедленно.

Может, зажим для денег был дорог ему, как память? Подарок от любовницы?

— Ой, Кэт, он хочет тебя заказать! Знаешь, что это значит? Ты первая девушка, заслужившая такую оценку.

— Погоди, *заказать* меня?

— *Да*, на сегодняшний вечер. Энтони звонил мне, я звонила тебе. И когда Энтони не смог подтвердить твоё присутствие... ну, скажем так, Максимилиан Севастьянов привык получать то, чего он хочет.

Ты даже не представляешь, насколько.

— Он предлагал всё больше и больше денег. Наконец, потребовал, чтобы ему продали твой личный номер. Энтони только что звонил мне по этому поводу.

— И ты его не дала, верно?

В этот момент всплыло сообщение с неизвестного номера "жду".

— Иванна, мы же это обсуждали! Есть границы.

— Мы обсуждали, что сменим тебе номер. Я держалась дольше, чем сама ожидала, но когда Энтони сообщил, что Севастьянов предлагает десять тысяч, я сдалась. Мы получаем половину. В агентстве тебя дожидаются двадцать пять тысяч.

Ещё деньги?

— Кстати, Энтони считает, что твоя вагина просто светится радугой и набита долларовыми купюрами. Помимо русского, у тебя куча запросов на сайте! Он хочет, чтобы твоя "подъюбная магия" сработала и на других клиентах.

Нет у меня никакой магии. Севастьянов просто хочет назад свои деньги или зажим. Или хочет меня наказать за воровство. Может, высечь?

— Что ещё ты рассказала обо мне Энтони?

— Больше ничего. В основном потому, что сама ничего не знаю. За исключением того факта, что ты зарабатываешь на жизнь, драя туалеты — а это может померить пыл русского миллиардера, если он об этом прознает. Кэт, послушай. Я думаю, что ты сможешь *заарканить* Севастьянова, так что я сделаю всё, чтобы тебе помочь, а за это ты будешь вечно обо мне заботиться.

— Я не поеду, Иванна. — Добровольно попасть в ловушку?

Пока она фыркала, я написала Севастьянову: *без шансов, querido, у меня планы, чмоки.*

Мгновенье спустя он ответил: *это не просьба.*

Чувак хотел *меня* напугать? Ему потребуется нечто большее! Стиснув зубы, я написала: *денег не вернуть, ни о чём не жалею.*

Его ответ: *значит, тебе понадобятся ещё*

Решить проблему можно было лишь одним способом. Напролом. Я отключила триаду Иванны и набрала номер русского.

— Что за игру ты ведёшь, Севастьянов? — начала я.

— А ты как думаешь?

Ох, его голос. Мои веки почти закрылись. Потом я вспомнила, какой он мудака.

— Я думаю, что ты бесишься и хочешь преподать мне урок.

— Ты меня обокрала, — сказал он. — Вчера мне пришлось купить новый зажим.

— Это были честно заработанные чаевые. — Я слышала, как в бокале стучат кубики льда. Решил расслабиться перед тем, как расслабят его?

— Думаю, что удовольствие, которое я тебе доставил — трижды — само по себе может заменить чаевые.

— Тогда по твоей логике ты вообще не должен был платить, *pendejo.*

— Я посмотрел это слово в словаре. Не очень-то вежливо с твоей стороны обзывать меня засранцем. Дважды. Думаю, ты первая женщина в моей взрослой жизни, которая отказывается передо мной преклоняться. Сейчас ты говоришь так, словно можешь принять меня или отказаться.

— Угадай, к какому решению я склоняюсь, *Ruso.*

Он фыркнул. Тепло и раскатисто, словно погладив меня изнутри. Что стряслось с ледяным русским?

— Приходи, Кэт, и я сделаю так, что ты не пожалеешь.

Неужели секс со мной *ему действительно* так понравился? Неужели для этого миллиардера я всех переплюнула? Конечно, это не означает, что я всё сразу забуду. Он обращался со мной, как с дерьмом, промариновал целых два дня, а потом ворвался в мою жизнь с деликатностью цунами.

— Не нашёл высокую блонду? Я думала, тебя только они интересуют.

Может, он и *не выжидал* целые сутки, чтобы заказать новую девушку? Может, он уже развлекался с кем-то вчера, решив сегодня переключиться обратно на меня?

— Или же ты заказал кого-то прошлой ночью, чтобы не отступать от распорядка?

— Никого я не заказывал.

Меня обеспокоила степень облегчения, которую я ощутила.

— Вряд ли кто сильнее меня удивлён подобным развитием событий. Я говорил, что никогда не меняю решений. И всё же с тобой всё по-другому.

Сердце забило быстрее. *Я произвела* на него ничуть не меньшее впечатление, чем он на меня.

— Похоже, ты меня знаешь лучше, чем я сам. На сто процентов была уверена, что я позвоню. Вот я и звоню. — Его голос звучал обольстительнее. — Ну и скажи теперь, что не хочешь повтора.

Да от одной мысли об этом я уже потекла.

— Ты только этого хочешь?

— *Только* этого? — удивился он. — Повтор — это уже предел мечтаний, разве нет?

А что, если он вновь превратится в ледышку? Но какая разница, если он так же хорошо мне заплатит?

Разница есть. Он меня обидел.

Или, что ещё хуже, вдруг он в ледышку *не превратится*? *Que Dios te ayude*. Господи, помоги.

Я быстренько провела анализ рисков и выгод. Риск: уязвлённое самолюбие и, возможно, потеря головы. Выгода: больше денег и, следовательно, большая безопасность. Я сделаю очередной шаг на пути к новой личности. Отличный секс так же не будет являться недостатком.

Не могу я позволить себе к нему привязаться. Возведу между нами стену, буду держать его на расстоянии.

Логистика... Чтобы добраться от моей квартиры до Селтейн, понадобится практически час. Сегодня я отмывала дом, так что без душа я не обойдусь.

— Раньше девяти не смогу, и у меня будет не слишком много времени. Ну, для тебя-то это не проблема, — хихикнула я. — Через секунду после оргазма ты будешь удивляться, что я здесь делаю. Я начну одеваться, как только яйца у тебя подтянутся. Всё будет как по пожарной тревоге.

— *Удивительно*, — пробормотал он, словно исследователь, наткнувшийся на неизученное животное. — Ты подкальываешь меня?

— Только потому, что ты сам напрашиваешься.

— Где ты была, что даже твоё агентство не могло до тебя дозвониться?

— То там, то здесь. Если хотел меня увидеть, надо было записаться. А что, мог заказать меня, пока я была у тебя. В понедельник вечером! Да, но ты был слишком занят, строя из себя распоследнего грубияна.

Словно не слыша меня, он сказал:

— Ты была у другого клиента?

Разумеется, оттенок ревности в его голосе мне просто послышался.

— Помнишь наше правило насчёт личных вопросов?

Тишина. Я перегнула палку?

— Ты нужна мне здесь через пятнадцать минут, — наконец сказал он. — Сколько это будет стоить?

— *Nah, no es posible*. На будущее — заказывай заранее и почаще.

И вновь тишина.

Потом он рявкнул:

— Надень что-нибудь сексуальное.

Остановившись перед дверью в номер Максима, я сняла лёгкий длинный жакет, который надела, чтобы скрыть чрезмерно откровенное платье.

Он сказал "что-нибудь сексуальное", так что я заскочила к Иванне, не заботясь, что опоздаю на лишние пятнадцать минут. Она вытащила самое крошечное платье, которое я когда-либо видела, и подарила мне со словами "моя грудь после некоторых изменений в него больше не помещается".

Платье кремового цвета с открытой спиной было очень коротким. Две узкие шёлковые ленты образовывали спереди что-то вроде лифа, кое-как прикрывая мою грудь. Сбоку всё было выставлено напоказ. Юбка длиной около восьми сантиметров не могла полностью прикрыть мою попку, однако край платья был обработан с помощью шёлковой тесьмы, так что я оголяла все, что можно, при каждом шаге.

Моё плечо украшал плетённый золотой браслет, в ушах были висячие серьги, образ завершали тонкие каблукы а-ля "трахни меня". Я собрала волосы в пучок, чтобы открыть спину.

Иванна даже дала мне расшитую бисером сумочку, подходящую к платью. Её последней инструкцией было:

— Окрути его, Кэт. Что бы ты ни сделала с ним раньше — сделай это *ещё раз*.

Что другим женщинам не удавалось, а мне удалось? Ну, я вроде как всё время строила из себя стерву, отказалась "преклоняться". Я решительно добивалась *собственного* удовольствия.

Эти три вещи я определённо могла бы повторить! С этой мыслью в голове я нажала на кнопку звонка.

— Ты опоздала, — рявкнул он, открыв дверь. — Сказала, что в девять... — Он умолк, скользя по мне взглядом. — Охуеть.

— *Hola*. — Я надеялась, что мой голос прозвучал нормально, ведь мужчина передо мной выглядел ещё сексуальнее, чем в прошлый раз. На нём был строгий серый костюм, воротник белой рубашки расстёгнут. — *Qué pasa?* — Я прошла мимо него в гостиную. И сразу же остановилась.

Там был второй мужчина, гигант. Крупнее и даже выше Севастьянова, с лысым черепом, квадратным подбородком и поросшей жёсткой щетиной бульдожьей челюстью.

Сердце в панике затрепетало.

— Я этим не занимаюсь.

— Чем? — нахмурился Севастьянов.

— Сразу двоими. — Я инстинктивно сделала шаг назад — внезапно осознав, что отступила не к двери, а в сторону Севастьянова.

— А. Василий глава моей службы безопасности и моя правая рука. Он со мной уже больше десяти лет.

Я мгновенно почувствовала облегчение.

Василий сказал что-то по-русски. Севастьянов ответил. Я не понимала ни слова, но, без сомнения, тон Севастьянова был из разряда "*со мной шутки плохи*". Он обнял меня рукой, притянув ближе, чем несказанно удивил Василия.

Это что, очередное подтверждение тому, что Севастьянов не любит прикосновений?

Или это дело прошлого?

Он ответил по-английски:

— Василий как раз уходит.

Тот, проходя мимо, бросил на меня колючий взгляд.

Когда мы остались наедине, я сказала:

— Он явно меня невлюбил.

— Он подозрителен, потому что не смог найти о тебе никакой информации. На любого человека, контактирующего со мной более одного раза, заводится увесистое досье.

Это настораживало, но мне предстояло провести здесь всего-то пару часов, а потом — *adiós*.

Я отложила жакет и сумочку.

— Не могу сказать, что мне нравится в последнюю минуту вынужденно перекраивать своё расписание. У меня есть своя жизнь, знаешь ли.

— По моему опыту большинство эскортниц не перекраивают своё расписание "вынужденно", если им светит свидание с миллиардером.

— Ой, малыш, — я *понимающе* ему подмигнула, — сегодня ты не вполне миллиардер, верно?

Его губы изогнулись.

— Неудачный день на бирже. Значит, ты искала про меня информацию? И всё равно ведёшь себя как не знаю кто?

Я серьёзно ответила:

— Мне не нравятся вторжения в мою жизнь. Когда в понедельник я сказала, что мой личный номер должен остаться личным — именно это я и имела в виду.

— Неужели ты действительно злишься из-за этого? Я знаю, как поднять тебе настроение. — Подойдя к портфелю, он достал из него пачку сотенных банкнот, перетянутых банковской лентой. — Пять тысяч. Я решил, что после нашей первой ночи ты не станешь торговаться.

Проследовав за ним, я взяла деньги. Это будет двенадцать штук за две ночи! Плюс оплата за телефонный номер! И всё равно, вспомнив, какой униженной я себя чувствовала последние пару дней — и его сегодняшнее самоуправство, я поймала себя на том, что говорю:

— Никакой торговли. Со штрафом за поздний вызов сумма составит десять тысяч. Или же мы с моим крошечным платицем отправимся куда-нибудь ещё.

Я догадалась, что продешевила, когда он вручил мне ещё одну пачку денег так, словно я попросила передать соль.

Мой гнев утих. Я могу себе позволить оформить ещё один номер. И мне не придётся копировать огромное количество телефонных номеров друзей и членов моей семьи — поскольку у меня нет ни того, ни другого. Покинув город, я всё равно выброшу телефон.

Будто во сне я подплыла к сумочке и сложила наличку.

Когда я вернулась, он смотрел на меня так, что мне немедленно захотелось подуть на себя. Соски выпирали сквозь шёлковую ткань.

— Помнится, я просил надеть тебя что-нибудь сексуальное. — Русский так шутит? — Почему в прошлый раз ты не пришла в таком платье? Я же от тебя почти отказался, так благовоспитанно ты выглядела. По крайней мере, спереди.

— Я не была уверена, поведёшь ли ты меня куда-нибудь. Теперь я знаю, что нет.

Он подошёл и встал прямо передо мной, предпринимая явные усилия, чтобы смотреть мне в глаза.

— Может, я и повёл бы, если бы не был ограничен во времени.

— Это же ты позвонил в последний момент.

— Звонить я начал ещё с обеда.

Я постучала по подбородку.

— Похоже, это *твоя* проблема.

— Где ты была сегодня?

— Я же сказала. И там, и сям.

— Ты работала с другим?

— Не переходи границы, Севастьянов. Это не твоё дело.

— Моё, когда твоё расписание влияет на мои планы.

Эти планы состояли в наполнении презервативов спермой и последующим крепким сном. Какой приятной, должно быть, была его жизнь.

— Идти вторым — не в моём стиле. — Он подошёл ещё ближе.

— Ты не второй, окей? Но ты, конечно, мне не поверишь. У меня давно уже ни с кем не было секса, кроме тебя.

— Ты думала обо мне?

— Едва ли.

И вновь его губы изогнулись. Неудивительно, улыбка у него была сексуальной. Для меня в нём всё было сексуальным. Такой очаровательный и милый — сейчас он казался просто другим человеком. Тем, кто был для меня опасно привлекателен.

Он притянул меня ближе, склонив голову. От его запаха по телу побежали мурашки.

— Думаю, ты по мне скучала, Katya.

Ох, от имени, произнесённого с акцентом, у меня просто подвернулись пальцы на ногах!

Он произнёс на ухо:

— Я думаю, ты вспоминала то, что мы делали, и от этого твоя маленькая мягкая киска потекла.

Его хриплые слова завели меня так быстро и так сильно, что я ахнула. Его рот склонился к моему. Я ощутила вкус водки, когда он чувственно лизнул мои губы.

Вот так проверка моих стен и границ. Я с удовольствием приняла его поцелуй, обнимая в ответ. Словно по команде, вспыхнул огонь, пальцы вцепились в его плечи. Он задрал моё колено себе на бедро, я подалась вперёд.

Он прервал поцелуй, чтобы спросить:

— Ты скучала по этому, — его твёрдый член толкнулся в меня, — целых два дня?

Я застонала, кивая, и прижимаясь к нему.

— Довести тебя до оргазма будет проще простого, верно? — Он уткнулся мне в шею. — Потру твой сладкий клитор большим пальцем — и ты кончишь.

— Попробуй...

В животе у меня заурчало. Громко.

Он отстранился, отпустив моё колено.

— Ты не ужинала?

Я помотала головой.

Будто сделав мучительный выбор — процесс которого включал пожирание глазами

моих ног, губ и твёрдых сосков — он вздохнул и сказал:

— Пойдём, перекусим в баре.

Почему же не вызвать обслуживание номеров?

— Ты хочешь меня накормить или же всем продемонстрировать в этом платье?

— Может, и то, и другое.

В лифте его мощная фигура и почти осязаемая энергия заняли собой всё свободное пространство. Кончиками пальцев он провёл вдоль моей спины, и я снова вздрогнула.

— Такая чувственная.

Внизу, пока мы шли в бар на открытом воздухе, он продолжал по-хозяйски меня обнимать. Ростом выше всех остальных мужчин, он шёл, задрав подбородок и расправив плечи — совершенное высокомерие. Что мне, скорее, нравилось, когда не было направлено в мою сторону.

От живописной территории "Селтейна" с огромными пальмами, бесчисленными маленькими бассейнами и роскошно оформленными романтичными альковами просто дух захватывало. Он увлёк меня подальше от людей, поближе к океану. Вокруг освещённого свечами столика было расположено два диванчика, и на один из них мы уселись.

Нашей официанткой — *Тиффани!* — оказалась высокая блондинка с потрясающей внешностью. Я думала, Севастьянов на неё слюной изойдёт, но он был ко мне очень внимателен. Выбрал винтажное белое вино, наверное, очень дорогое, потому что брови Тиффани взлетели кверху. Себе он заказал мартини с водкой, сообщив ей:

— Нам хотелось бы перекусить чем-то, что быстро приготовят. Попросите шеф-повара нас удивить.

Пока мы ждали напитки, я откинулась на спинку диванчика, намереваясь насладиться обстановкой. Мои веки отяжелели, когда я ощутила легкий ветерок, танцующий с пламенем свечей. Луна, теперь уже полная с жёлтым оттенком, окрашивала в такой же цвет океанские волны.

Я смотрела на океан, а он разглядывал меня.

— Что?

— Не могу тебя понять. Я способен прочитать *кого угодно*. Встречались мне шпионы куда менее скрытные, чем ты.

Шпионы? Занимаясь политикой или имея связи с мафией — он говорил об этом буквально? — Ты такая скрытная, потому что опасаясь очередного одержимого клиента? Уверен, ты немало таких встречала.

Я поддразнила:

— Тебя мне тоже стоит опасаться?

— Ты читала про меня в интернете — сама как думаешь?

— Тянущийся за тобой хвост из брошенных блондинок говорит о том, что твоё сердце неприступно. Как и моё. — Я сказала об этом так уверенно, однако *чувствовала*, что мой интерес к нему усиливается — если он по-прежнему будет таким обходительным.

Тиффани вернулась с напитками.

Как только она удалилась, я отпила новой наркотической амброзии. Сказала сквозь край бокала:

— Для того, кто не пьёт вино — ты прекрасно в нём разбираешься.

— Для меня только самое лучшее.

Как я и думала. Я начала подозревать, что он предпочитал высоких блондинок, потому что они символизировали достаток. И его совершенно не смутила моя внешность ни в понедельник, ни сегодня.

— Вернёмся к нашей теме, — сказал он. — Могу я уговорить тебя за дополнительную плату рассказать о себе...

— Нет.

Он поднял брови.

— Я не могу спрашивать ничего личного, зато ты всё обо мне нагуглила?

— И я должна всему прочитанному верить?

— Конечно, нет, — он покачал головой. — Тебе известна сумма моего дохода, но обращаешься ты со мной как с нищевродом.

— В понедельник я была от тебя в восторге — но потом ты повел себя грубо.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, закрыл его, потом попытался ещё раз.

— Тем вечером всё было по-другому. — Его взгляд был направлен на волны, — я ожидал, что ты применишь все эти эскортские штучки, которые меня раздражали. Мне не требовалось никаких новых красок.

Что значит "по-другому"? Он явно хотел, чтобы я об этом спросила, поэтому я не стала.

— Да, сумма твоего дохода мне известна. Молодец, возьми с полки пирожок. Но на моё поведение это не оказывает никакого влияния.

Он посмотрел мне в глаза.

— Да неужели? — его слова были покрыты коркой льда.

Мужик думал, что я заискиваю перед ним ради денег. Какая ирония!

— Твоё богатство абстрактно, для меня оно — как золото леприкона.

К чему мне мечтать о его деньгах, а не о собственном капитале? У меня должно было оставаться в ликвидных активах нескольких миллионов, но Эдвард, скорее всего, потратил большую часть, охотясь за мной. Он по-прежнему владел особняком, но Матинез бич ему не достался.

Каждые десять лет защита земельного траста слабела, юрист вроде него мог придумать, как обвести управление вокруг пальца. Поскольку отели наступали с обеих сторон, цена этой земли взлетела до небес.

Многие пришли к такому же выводу. Застройщики вечно преследовали мою мать, и эта была одной из причин, по которой она вела затворническую жизнь.

— Я почти тебе верю, — наконец произнёс Севастьянов. Когда я пожала плечами, он спросил, — что из твоей биографии на сайте правда?

— Немногое.

— Не любишь танцевать, заниматься йогой и ходить по магазинам? Как ты развлекаешься?

— Танцевать я не умею, йога меня смешит и я терпеть не могу ходить по магазинам. Я занимаюсь бегом, а времени развлекаться у меня нет.

На его широкой скуле запульсировала жилка. Конечно, понял он всё на свой лад: *"Ведь я постоянно в постели"*.

— У меня самого мало свободного времени. Большая часть жизни посвящена работе.

— Хм-м-м.

— Что "хм-м-м"?

Я прошлась пальчиком по краю бокала.

— В понедельник ты мог повеселиться. Но упустил свой шанс.

— Неужели? Расскажи, что бы мы делали?

— Веселье началось бы сразу после того, как ты вытрахал из меня дух на диване.

Вместо того чтобы вышвыривать меня вон, когда я тебя подбодрила, ты бы рассмеялся. Может, даже пощекотал бы меня. Дальше последовала бы весёлая возня, и я даже дала бы тебе выиграть. Потом бы мы снова выпили и пошли бы поплавать. — Я притворно изучала свои ногти. — К твоему сведению, зрелище того, как я голая ныряю в воду — перевернёт твою жизнь.

— Правда? — Его голубые глаза оживились. Харизма просто зашкаливала. — Продолжай.

— Потом бы мы снова занялись сексом. В воде. Потом, выпив ещё, я оседлала бы тебя в гостиной на кресле так, что у тебя закатились бы глаза.

Он низко прохрипел:

— МУВ?

Многочисленный удар по воротам.

— Порой я забываю, какой ты профи.

— Профи и его куртизанка. Сколько ты этим уже занимаешься?

— Проверишь, если я скажу, что ты был первым?

— *Нет.*

— Ух ты. Даже не стал раздумывать над ответом?

— Я "вынудил" эскорт-девушку приехать ко мне и выкупил её личный номер за десять тысяч долларов. А перед этим скачал её чёртову фотку себе на телефон. Если я так низко пал, то только не из-за новенькой.

Моего раздражения как не бывало.

— Неужто это комплимент?

Он действительно скачал мою фотку?

— Только профессионалка может так классно трахаться.

— Типа, спасибо? — Наверное, ему нравилось думать, что я профессионалка. Если убедить его в обратном, запал может пропасть.

Но разве это имеет значение, если я больше его не увижу?

— Кэт — это сокращение от Кэтрин? Или Катарины, или Каталины?

— Я просто Кэт.

— Назови своё настоящее имя.

— Даже не обсуждается.

— Как я уже говорил, со мной всё обсуждается. Скоро я его у тебя выпытаю.

Сколько, по его мнению, всё это будет длиться?

— Лучше поспеши. Тебе ведь скоро возвращаться в Россию, так?

— Я решил задержаться до двадцать восьмого. В эти выходные у моего старшего брата свадьба в Небраске, так что в Штатах я останусь до этого времени.

Связано ли это решение как-то со мной?

Он отпил из своего бокала, ожидая ответа. Пауза затянулась...

— Тут ты склоняешь меня к нескольким встречам, обещая показать город.

Склоняю? Вот Эдвард поступил бы именно так. Я натянуто улыбнулась и хлопнула Севастьянова по плечу.

— Я уверена, ты что-нибудь придумаешь. Повеселись.

Его рот открылся.

— Я забросил тебе наживку, а ты от неё отказалась. Думаю, ты очень необычное создание.

Я рассмеялась.

— Я — необычная? Тссс, но не я кончаю после того, как выпорю незнакомую девушку.

Он одарил меня своей УНВ-улыбкой.

— Вот об этом я и говорю. Ты прекрасно знаешь, чего я стою, но всё равно мне перечишь. Это удивительным образом бодрит.

Ну, хоть раз моё ослиное упрямство (как говаривала моя матушка) сыграло мне на руку!

— В отличие от всех других эскорт-девиц, которые у меня побывали, ты не стала набивать себе цену после секса, а просто *забрала* мои деньги.

Я вздёрнула подбородок.

— Ты это заслужил.

— Может быть, — признал он. — И ты не изображала фальшивую страсть. Ты даже сфокусировалась на собственном удовольствии.

— Ты симпатичный парень. Не верю, что рядом с тобой никто из них не завёлся. — Я бросила взгляд вниз. Как мы оказались так близко друг к другу? Теперь наши бёдра соприкасались.

— У каждой была своя причина. Некоторые признавались, что всегда в этом смысле держат себя на расстоянии от клиентов. Другие, по моим наблюдениям, были так заняты набиванием цены или желанием меня окрутить, что просто не могли расслабиться.

— Ой, да ладно! — мне пришлось подавить смешок.

— Или вот, девушка заявляет о себе как о Нижней, хотя она на эту роль совершенно не подходит. У меня перебивало немало тех, кто клялся, что обожают наказание и бондаж, хотя никаких признаков этого я не замечал.

Иванна рассказывала мне, что сначала это дело ей нравилось. Но как-то раз она получила пять вызовов в один день, и ей пришлось вытерпеть бондаж и порку от пяти дилетантов. После этого энтузиазм у неё как-то пропал.

— Настоящую Нижнюю найти непросто, — продолжал русский. — Красивых и свободных быстро расхватывают.

Хоть я и начала подозревать, что такой опыт с Максимом снесёт мне крышу, подписываться под это я пока не собиралась.

— Как ты открыл в себе такой интерес?

Со стаканом в руке он откинулся назад.

— Мой бизнес связан с информацией. На протяжении многих лет я торговал ею. Как-то собирал данные на одного человека (которого, как мне казалось, я хорошо знал), и обнаружил в нём тёмные... наклонности. Мне захотелось понять, как он пришёл к такому образу жизни. И чем больше я узнавал, тем больше меня это интересовало. Я попробовал сам и обнаружил, что эта тема полностью отвечает моим потребностям.

Он не выглядел, как человек, который обнаружил свою тайную страсть. О БДСМ он говорил как бы механически.

— Значит, тебе понравилось.

— Это отвечает моим потребностям, — повторил он.

— Тогда что тебя заставило сегодня вызвать меня?

— Вчера я оказался на яхте, на вечеринке, устроенной в мою честь. Среди гостей было много бизнесменов и ещё больше девушек из эскорта. Поскольку я не собирался тебе звонить — тем самым подтверждая твою правоту — то занялся привычным делом. — Он покрутил кубики льда в стакане. — Но на этот раз блондинки не сработали. Подумав, что мой вкус

изменился, я перенёс внимание на маленькую латиноамериканку. Что тоже не сработало. И всё равно я подавлял желание тебе позвонить. Я сделал это только сегодня вечером. Когда я достал твою фотографию, то решил, что получу то, что мне действительно требуется.

Он переспал с латиноамериканкой? Я — в понедельник, она — во вторник, я — в среду вечером?

— Значит, у тебя было испытание вкусов? Полагаю, в постели я её превзошла?

— Я не трахался там ни с кем.

Я выдохнула, вновь почувствовав облегчение.

— И на той вечеринке никто не пользовался постелью.

— Звучит так, словно там проходила оргия. — *Dios mío* — Ты часто их посещаешь?

— Я бы не сказал, что *часто*. — Он вернул мне вопрос: — а ты?

— Никогда ни на одной не была. — В плане секса я всегда была непредвзятой, но оргию для себя даже не рассматривала. — Не моя скорость.

— Ты когда-нибудь спала более чем с одним мужчиной за раз?

— У меня никогда не было секса более чем с одним мужчиной. — Он подумает, что я имею в виду "за раз". И, конечно, всё равно не поверит. — И я этого не хочу.

— Сегодня ты упорно сопротивлялась встрече. Это необычно для твоей сферы работы, разве нет? Тем не менее, я могу тебя понять.

— Почему?

— Держу пари, твои клиенты с трудом могут держать тебя в узде, так что к чему добавлять кого-то ещё.

— Спасибо. Наверное. — Я выпила.

— Ты когда-нибудь пробовала БДСМ?

Я покачала головой.

— Избиение — это не для меня.

— Этим всё не ограничивается, — сказал он. — Пороть женщин — не самый мой любимый вариант.

— Тогда почему в твоём сценарии фигурировал хлыст? — Может, потому, что он ещё больше ограничивал прикосновения?

— Если ты никогда ничего такого не пробовала, то откуда знаешь, что тебе не понравится? — он уклонился от ответа на мой вопрос.

Из-за своей непереносимости лжи я увиливала и уклонялась, увёртывала и хитрила, так что легко разгадывала подобную тактику у других.

— Вечер понедельника мне понравился, — сказала я, уходя от его собственного вопроса. — Понравилось, как на меня давил вес твоего тела, как соприкасалась наша кожа, как ощущались движения твоих мышц. — Я подалась вперёд, желая оказаться поближе к исходящему от него жару. Потом, на ухо, прошептала, — когда твоя грудь потёрлась о мои соски, а член вошёл глубоко, я кончила так, что у меня в глазах потемнело.

Он резко втянул воздух.

— Нам надо вернуться. Немедленно.

— Мы оставим...

— Вот и я! — провозгласила Тиффани с подносом в руке. И, наверное, удивилась, почему мы оба скривились.

Но моё лицо разгладилось, когда она открыла тарелки. Салат из лобстера с цитрусовым соусом и гигантские креветки с трюфельным ризотто на гарнир. Бутылка вина перешла в моё

распоряжение.

Съев первый кусочек, я застонала. Я наслаждалась этой едой, поскольку до этого не думала ни о чём круче консервированного супа.

— *Está como para chuparse los dedos.* Просто объедение.

— Сначала я не был голоден, но теперь... Наверное, ты возбудила мой аппетит, — в его голосе отчётливо прозвучал намёк. Но когда я встретилась с ним взглядом, мне показалось, что он подразумевает что-то ещё. Приступив к еде, он спросил, — помимо бега, чем ты ещё увлекаешься? Это не считается личным вопросом.

Что мне нравилось *делать*, пока моя жизнь коренным образом не изменилась?

— Люблю готовить. — Меня мама научила. Казалось, мы ладили только когда вместе что-то готовили, обе молчали, из радио доносилась лёгкая кубинская музыка. Хотя я и была очень на неё похожа, в остальном мы являлись полными противоположностями. Она редко улыбалась или смеялась, тоскуя по религиозной жизни, которую оставила ради моего отца. — Люблю плавать, читать и тусоваться с друзьями. — Прошедшее время. Мне не хватает друзей.

В Джексонвилле у нас была классная группа — все шумные и пробивные. Мне не хватало наших грязных шуточек. Не хватало смеха и доверия.

Выйдя замуж, я постепенно от них отдалилась. Чтобы спрятать голову в песок от неудачного брака, я с головой погрузилась в учёбу, собирая до двадцати одному кредиту за семестр, снова и снова.

— О чём ты задумалась?

Эдвард, Эдвард, Эдвард. Я пожалала плечами.

— Не могу перестать гадать, что же происходит в этой хорошенькой головке.

— *Nada*, — в прошлый раз он назвал меня "*сногшибательной*".

— Тебе правда не нравится шопинг?

— Я его ненавижу. И платье это я одолжила. — *Gracias, Иванна.*

Моим единственным еженедельным развлечением была уборка её квартиры. Пока я мыла окна, она красила свои длинные ногти и рассказывала мне об эскорте. Каждую неделю я получала отчёт о буйных ночах, ненормальных клиентах и проверенных приёмах.

Но о себе я ей не рассказывала никогда. В Украине у неё оставалась семья, которую ей отчаянно хотелось перевезти сюда. Если она поймёт, что информацию обо мне можно продать, то между мной и семьёй она выберет, конечно, семью. Я ей не завидовала, но и ничего лишнего не говорила.

Севастьянов спросил:

— Пошла бы ты со мной, если бы я предложил прямо сейчас закупить безделушек? Чтобы ради нас открыли магазин?

Теперь он надо мной издевался. Интересно, вёл ли он себя подобным образом и с другими людьми?

— Отложить секс ради еды — это одно. Но ради ужина *и* шопинга? Глупый *Ruso*.

— Ты привела важный довод.

К тому времени, как мы покончили с едой, я уже выпила два бокала вина, приказав себе на третьем сбавить обороты.

— Не буду спрашивать, понравилась ли тебе еда, — сказал он. — На твоём лице написан восторг.

— Я просто как открытая книга, правда? — Но не это было причиной. Всякий раз рядом

с русским всё для меня усиливалось многократно. Вкус вина или еды. Ощущение от его пальцев, скользящих по спине. Удовольствие от поцелуя — и от оргазма.

— Мне нравится, что я могу угадать, о чём ты думаешь или что чувствуешь, *dushen'ka*.

— Что это за слово?

— Это способ сказать "дорогая". — Он обнял меня одной рукой, и я обнаружила, что лежу у него на груди. Нас охватило неожиданное ощущение безопасности. Почти *déjà vu*, будто я уже ощущала с ним это.

Последнее, что мне нужно — это увлечься. Мы находились в деловых отношениях, которые не могли нас никуда завести. *Помни о границах, Кэт. Возведи стену.*

Он провёл кончиками пальцев по моей руке.

— Не думал, что встречу женщину, у которой секретов больше, чем у меня. — Его голос звучал низко и расслабленно. — И обо мне ты почти ничего не спрашиваешь.

— Что я должна спросить? Что бы спросил ты на моём месте?

— Во-первых, зачем я приехал в Майами. По политическим и криминальным вопросам. Наверное, ты читала о связях моего синдиката.

— Не думаю, что хочу знать о разборках *la mafia Rusa*.

— Ты уверена? — Голос его звучал так, будто он подманивал добычу. *Снова насмежается.* — Я готов поговорить о своих делах.

Я же с ним проведу всего лишь пару часов, так какая разница?

— Ни разу у меня не было девушки, которая бы не пыталась коснуться этой темы.

Актрисы или модели? Или оплаченной помощницы? Я подалась назад и скучающе на него посмотрела.

— Нет, спасибо. Однажды я посмотрела "*Крёстного отца*". Уверена, его ты превзойти не сможешь.

Он наклонил голову.

— Полагаю, это опровергает подозрения Василия.

— О чём? — я взяла бокал и сделала глоток.

— Он уверен, что тебя заслали враги или таблоиды, чтобы раскопать информацию. Думаю, я с гордостью ему сообщу, что я тебя практически не интересую.

Я нахмурилась. Эдвард заставлял мою гордость рыдать от боли. Я вспомнила, как кричала ему: "Как ты мог жениться на женщине, которую не хочешь? Почему не хочешь пойти к семейному психологу?" Не отрываясь от компьютера, Эдвард отвечал: "Прости, Ана-Люсия, ты *что-то* сказала?"

Так что русскому я сообщила:

— Не могу сказать, что *не* заинтересована, Максим. Но я очень закрытый человек. И чем меньше буду спрашивать о тебе, тем меньше ты спросишь обо мне.

В его глазах появилось упрямое выражение.

— Хочу узнать что-то такое, о чём ты не рассказывала ни одному клиенту. Что-то, чего больше никто не знает. Не отпущу тебя, пока не скажешь.

О чём рассказать? *Я единственный ребёнок единственного дитя, все родственники уже умерли, так что мне приходится самой заботиться о себе. Последние три года меня преследует очень больной человек. Он ни перед чем не остановится, чтобы меня убить, потому что я пролила кровь. Очень много крови...*

Хотя он пролил её первый.

Я открыла было рот, чтобы увильнуть от ответа, но Севастьянов попросил:

— Хоть одну вещь.

Неужели я так изголодалась по общению, неужели я так одинока, что готова нарушить правило? Это правда мне так сильно нужно? И если не говорить ничего, что поможет меня выследить. Слова уже сорвались у меня с губ...

— Я увлечена экономикой.

— Это на сленге означает деньги? Я уже догадался.

— Нет, *экономикой*. Например, теорией. Я читаю об этом всё, до чего могу дотянуться. — Так и было, начиная с девятнадцати лет, с моего первого курса по экономике. Профессор всё время твердил о стимулах, что заставило меня задуматься, что могло стимулировать такого богатого, взрослого и утончённого Эдварда на мне жениться.

От моего разговорного испанского у него болела голова. Он хотел, чтобы я сидела на диете. Он высмеивал мои веснушки на носу. Даже секс со мной ему не нравился, и на мои фишки, которые сводили других парней с ума, он никогда не отвечал. Немало парней в колледже преждевременно кончали, только лишь полапав мою попку, но Эдвард никогда меня там не трогал.

Верным мог быть только один ответ. Его интересовали лишь деньги.

Следовательно, что у него самого их не было. Следовательно, он просто мошенник.

Следовательно, моя мама была права на его счёт. Я узнала про него и Джулию всего пару недель спустя.

Я посмотрела на Севастьянова.

— Когда-нибудь моей эпитафией станет, — увлекшись, я начала тараторить, — "Я поняла, что экономика — это строительные кирпичики жизни"

— Я думал, это про ДНК.

— Значит, тебе надо подключить воображение. Во время наших свиданий мы разыграли несколько экономических сценариев.

— Объясни, — я колебалась, и он добавил, — я хочу это услышать.

— Ты сам напросился, — пробормотала я, прежде чем начать, — выбирая высоких развратных блондинок из эскорта, ты обозначаешь *устойчивое предпочтение* — способность покупателя полностью определять желаемые услуги. Хотя я могу возразить — основываясь на твоей реакции на меня — что высокие блондинки являются для тебя *предметами роскоши* и нужны только для повышения твоего статуса. Когда я появилась на пороге твоего номера, ты испытал *кризис предложения*, так как неожиданное явление вызвало перебои в поставке предметов потребления, что спровоцировало внезапное изменение цены. С тобой я могла использовать стратегию *максимизации прибыли*, поскольку обладала *рыночной властью*.

У него рот открылся.

— И в понедельник, когда гадал, почему я всё ещё в номере, хотя ты меня уже оттрахал, и смотрел так, как смотрят на использованный презик, ты достиг *насыщения* — то есть того уровня потребления, при котором покупатель полностью удовлетворён на рассматриваемый период времени.

Изумление на его лице проступило сильнее. Он, уставившись на меня, молчал.

Так что я, словно куколка, накрутила локон на палец, прошепелявив:

— Шла Шаша по шоссе.

Ничего.

— Про насыщение я пошутила. Практически.

— *Blyad'*, - пробормотал он, и вновь воцарилось молчание. Его расслабленность совершенно исчезла, и я не понимала почему.

— Видишь, поэтому нам и не стоит вести диалоги. Общаться языком тел у нас выходит гораздо лучше, разве нет?

Он выглядел почти... подозрительным.

— У тебя высшее образование?

— Нет. — Тема становилась рискованной.

— Но в колледже ты училась?

Удар.

— Мой текущий работодатель не считает это перспективным.

Уклон.

Он хотел продолжить расспросы, но тут Тиффани принесла счёт и, тем самым, спасла положение.

— Пойду загляну в дамскую комнату, — я схватила сумочку и зашагала вперёд, чувствуя, как бахрома на юбке щекочет ляжки.

Когда я проходила мимо барной стойки, сидящие за ней парни вытаращились на меня, догадавшись о роде моих занятий. Или им так показалось.

В туалете я уставилась на своё отражение в зеркале. Кэт Марин, эскорт-девица.

Бледное подобие того, что было когда-то моей целью: Люсия Мартинез, магнат. С младых ногтей я развлекалась идеей мирового господства, планируя заняться, быть может, как отец, политикой. Даже не вылезая в средней школе из вечеринок, я умудрялась получать одни пятёрки, зарабатывая одновременно кучу кредитов. Я собиралась закончить колледж в двадцать один год со средним баллом 4.0

Но всё же, чем упорнее я трудилась, тем сильнее отдалялась от своей мечты. Что, вообще-то, никак не стимулировало! Ну, хотя бы нужный средний балл был по-прежнему в пределах досягаемости. Оставалось сдать последний экзамен на «отлично».

Сколько я себя помню, мать всегда говорила, что школьное образование мне не пригодится, поскольку я выйду замуж и нарожаю детей. Но как только на горизонте появился Эдвард, она вдруг сменила пластинку: "Девушки твоего возраста должны упорно учиться, а не ходить по свиданиям! В этой стране принято сначала делать карьеру, а выходить замуж — после тридцати. Просто тут так заведено. Так что сначала доучись."

Она не слишком-то преуспела в приобщении меня к католицизму, однако концепцию искупления я усвоила. Моим искуплением была школа. Каждый заработанный кредит был чем-то вроде средневековой индульгенции, которую покупали, чтобы смыть грехи.

Вздыхнув, я заправила локон за ухо и одёрнула платье.

Когда я снова проходила мимо бара, парни были уже подготовлены. Трое попытались сунуть мне свои визитки. Я вскинула руку.

— *Спасибо, нет.*

Все парни выглядели состоятельными и даже симпатичными, но никому из них я бы не позвонила. Моя карьера на этом поприще началась — и закончится — Севастьяновом.

Когда я вернулась, он был в ярости.

— Если ты со мной, не подбирай потенциальных клиентов.

— Я не подбирала! — возмущённо глянув на него, я села. — Эти визитки меня удивили.

— Ты носишь такое платье в баре Майями и удивляешься, что мужики хотят тебе заплатить, чтобы трахнуть? Они знают, кто ты такая — с одинаковым успехом можно было

носить табличку.

На которой бы не значилось "магнат". Что меня просто взбесило. Я уже достаточно выпила, чтобы ляпнуть:

— Гениально. Табличку я спроектирую по примеру такси. "Свободна, не работаю, занята"

— Сегодня ты определённо занята, — обхватив мой затылок, он притянул меня для поцелуя. Губы у него были твёрдыми, и, Боже, он точно знал, как ими пользоваться.

Вскоре мы уже не отрывались друг от друга, целуясь у всех на виду. Мои соски почти болезненно упёрлись в ткань платья.

Я вздрогнула, ощутив его ладонь у себя на внутренней стороне бедра. Рука поднималась всё выше. И выше. Платье никак не могло этому препятствовать, край юбки находился почти на уровне трусов.

Наконец... контакт. Он прохрипел, не отрываясь от моих губ:

— Мокрая. Почти вибрируешь от возбуждения.

Я поёрзала на месте.

Он чуть отстранился, и наши губы оказались в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Я сделаю вид, что с другими клиентами ты так себя не ведёшь. Что только я влияю на тебя таким образом. Его палец проник за шёлк трусиков и скользнул вдоль моих влажных губок. Бёдра и киска послушно раскрылись в ответ. — Промурлыкай своим акцентом, что это — правда, и тогда я, может быть, в это поверю.

Я приблизилась к нему.

— Я прошепчу тебе на ухо. — Он наклонил голову, и я прикусила его мочку, *сильно*. - Только ты так на меня влияешь, высокомерный *pendejo*.

— Чертовка. — Он улыбался, вновь овладевая моим ртом. Погружая в меня палец, он продолжал поцелуй, пока я практически не оседлала его руку. Я приближалась к точке невозврата, когда он внезапно отстранился.

Его глаза были полуприкрыты, волосы после моих рук — в беспорядке.

Можно было только догадываться, как выглядела я сама. Тяжело дыша, я сжала бёдра вокруг его руки.

— Почему ты остановился?

Он смотрел на меня проницательным взглядом своих голубых глаз. Цвета подсвеченного солнцем океана.

— Ты хочешь, чтобы я оказался внутри, Катя? — такой хриплый голос заставил меня задрожать.

Это казалось каким-то поворотным моментом. И я снова задала себе этот вопрос: "*пересплю ли я с ним бесплатно?*"

Мой ответ:

— *Разумеется.*

В лифте Максим прижал меня к стене, нависнув сверху.

Я повернулась, нарочно выставив грудь с торчащими сосками. Он поднял было руки, но тут же опустил, сжав кулаки.

— Камера, — процедил он, отступая. Потом зло на меня посмотрел, словно я была виновата в его неудобстве.

Как будто я не чувствовала то же самое. Если он не окажется во мне в ближайшее время, я просто на стену полезу.

Он вылетел из лифта. В лобби притянул меня к себе. Я подпрыгнула, чтобы обвить ногами его талию, и он поймал меня, издав одобрительный звук, поддерживая мой зад горячими ладонями.

Между поцелуями он произнёс:

— С момента твоего ухода я не переставал о тебе думать. Не мог сконцентрироваться на делах, вообще *ни на чём*, целых два ебучих дня.

Я застонала, впитывая эти слова. Врёт? Смутно я понимала, что у него нет намерения меня обманывать. Он стопудово займётся со мной сексом. И знал, что я ничего собой не представляю.

Ощущение дарило... свободу.

— Я тоже не могла перестать о тебе думать, Максим.

— Мне нравится, когда ты так меня называешь.

— Лучше на моих губах будешь ты, а не твоё имя.

Он застонал.

— Я поклялся, что никогда больше тебя не закажу. Твердил себе, что твоё тело не существует как факт.

Я произнесла прямо в его губы:

— Я поклялась, что буду вечно тебя ненавидеть.

Удерживая меня на весу, он открыл входную дверь и захлопнул её за собой. Потом вернулся к поцелую. Вскоре этот процесс вышел из-под контроля, наши тела двигались и толкались. Когда он отстранился, я жадно потянулась к нему, требуя продолжения.

— Стой! Я теряю контроль. Ты своим ртом такое вытворяешь...

Я подалась к нему и проделала своим ртом «такое». Издав очередной стон, он свободной рукой разорвал лиф платья, что меня уже не заботило. Я желала, чтобы он обнажил моё тело, готова была на всё, лишь бы вернуть его губы. Он ласкал мою грудь так, что я вонзила в его плечи ногти.

Но потом он вдруг отклонился, качая головой.

— погоди, *lapochka*. Сейчас мы расслабимся, не будем торопиться. Нам надо кое-что обсудить.

Я едва его слышала. Соски скреблись о его рубашку, сводя меня с ума.

— Обсудим, *после* того как ты окажешься во мне.

Я плотнее обхватила его ногами.

— Я не собираюсь трахать тебя на диване.

— Тогда трахни меня у стены! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста.

— Чёрт, Катя, — прорычал он, вытаскивая из кармана презерватив. — Не хочу сделать

тебе больно.

— Не сделаешь. Всё будет нормально. — Я вытянулась вперёд, дразня его рот, посасывая язык.

Как он умудрился натянуть презерватив, поддерживать меня и одновременно целоваться — я никогда не узнаю, но его головку я уже чувствовала у самого входа.

Когда он вошёл на пару сантиметров, мне пришлось чуть растянуться, чтобы принять его, но ощущения отличались от тех, что были в понедельник. Не было никакой боли, только совершенная наполненность, когда он погрузился глубже. Проникнув максимально глубоко, он заставил себя остановиться.

— Тебе больно?

— Нет, Максим!

— Я официально... заказываю тебя... на всю ночь, — выдавил он.

— Я официально умираю от желания вновь с тобой трахнуться. Это прекрасно. Так прекрасно чувствовать тебя внутри. Не сдерживайся!

Он распустил мои волосы, пропуская локоны сквозь пальцы свободной руки.

— Хочешь ещё?

— *Por Dios*, да! — Я, издав стон, впиалась в его шею над пульсирующей жилкой.

— Тогда я хочу покрыть свой член твоим соком. Хочу погрузиться в тебя. — Только тогда он отвёл бёдра назад и сделал рассчитанный толчок вперёд.

От удовольствия у меня перехватило дыхание. От нового толчка я издала низкий стон. Он то подавал бёдра вперёд, то чуть покачивал ими из стороны в сторону.

Он погружался языком в мой рот одновременно с движениями члена. Мои ноги свободно свисали, икры покоились на его твёрдых ягодицах. Я чувствовала, как двигаются эти тугие мышцы, в то время как он трудился над моим телом.

Эти размеренные толчки приближали меня к оргазму.

— Сильнее, *querido!*

Пальцами стиснув мою задницу, он каждый раз с новой силой прижимал меня — так что с очередным ударом у меня начали клацать зубы.

Я вжалась в него, подгоняя каблуками. Он почти обезумел, яростно погружаясь.

— Кончи на мне, Катя! — На его лице была маска агонии, тело молило о разрядке. — Два дня я ждал, чтобы ты выдоила из меня сперму.

От этого мрачного голоса, акцента и грязных словечек я со свистом втянула воздух. В тот момент я хотела дать ему всё, о чём он просил.

— Я так близко!

Его ладонь полностью покрыла мой затылок, сильно стиснув.

— Вчера я дрожил, фантазируя о тебе. Даже в понедельник ночью я трахал кулак, вспоминая, что мы творили.

Когда в ответ у меня внутри сжались мышцы, его глаза округлились.

— Представляя, как я отсасываю тебе, я трахала себя пальцами. В моих фантазиях твой член двигался у меня между губ. Ты бурно кончил, а я выпила всё до капли.

Руки у него начали дрожать. Сведя брови, Максим прохрипел:

— Правда?

— Правда. Это была *mi fantasia*, только фантазия. Но, кончая, я облизывала губы, желая большего.

Максимо шокадо. В этот момент его член раздулся так, что он едва мог им двигать.

— Это и моя фантазия. Женщина, ты заставляешь меня думать о таком...

Глубоко внутри меня зарождалась дрожь.

— Ты забрал у меня свой член, и с тех пор я мечтала его вернуть. — Ещё один толчок и я улечу.

— Я буду возвращать его тебе всю ночь. — Он вышел до основания и со всего маху вонзился обратно...

— Да-да-да! — Оргазм прорвался сквозь меня, я запрокинула голову назад и выкрикнула его имя.

Он остановился и прохрипел мне прямо в шею:

— Твоя тугая маленькая киска — ммм! — горячая, влажная... жадная! — Он принялся насаживать меня на член, продлевая этот невероятный оргазм. — Ты примешь от меня... *семя!* — Кончая, он издал надломленный вскрик.

Русский сотрясался и стонал с каждым опустошающим толчком, ещё и ещё, до последней капли.

Пока мы переводили дух, он по-хозяйски обнял меня обеими руками.

— И снова я не добрался до кровати.

Я не переставала покрывать благодарными поцелуями его щёки, губы и шею.

— Ты жалеешь?

Прижавшись к моему лбу своим, он, казалось, наслаждался этим.

— Ни в коем случае.

Наши взгляды встретились, и он вновь начал напрягаться.

— Первая сытость долго не продлится. — Выругавшись, он вышел из меня и опустил на пол. Потом снял презерватив, застегнул брюки и направился в ванную, чтобы избавиться от резинки.

Слишком хорошо это было. Надо убираться отсюда — пока я окончательно не попала под чары.

К его возвращению я уже надела жакет, перехватывая его поясом поверх испорченного платья.

— Что ты делаешь, чёрт побери?

— Я же сказала, что не смогу надолго остаться.

— Ну, нет. Я имел в виду то, что сказал. Я заказываю тебя на всю ночь. — Командный голос. *Так приказал король.*

Он направился к бару и начал выбирать шампанское.

— Что-то празднуешь?

— Праздник будет у нас. Ты мне покажешь, как надо веселиться.

Я поколебалась. Можно остаться здесь, попивая шампанское, или же вернуться домой, прокраившись сквозь тёмную парковку в свою жалкую квартиру.

Целая ночь вместе? *Границы. Я могу сделать это.* Всё равно в следующий понедельник я уеду из города. *Должна.* Я никогда не нарушала третье правило, оставаясь дольше, чем нужно. Только по этой причине я всё ещё была жива.

К тому же, Севастьянов лишь облегчил мне задачу. После совместной ночи этот игрок устанет от меня и отправит собирать вещи.

— А, всё-таки решила остаться, — сказал он, легко меня разгадав.

— Да, хотя и беспокоюсь немного. Не знаю, выдержишь ли ты мои представления о веселье.

Его широкая открытая улыбка была *сногшибательна*. Лучше, чем на фотках.

— Есть только один способ выяснить.

Я скинула туфли и жакет. Расстегнула то, что осталось от платья. Когда я выскальзывала из трусиков, он, как мне показалось, был очень увлечён этим зрелищем.

В чём мать родила, я продефилировала к нему, покачивая сиськами. Шагая к бассейну, я провела пальчиком по его груди.

— Вот-вот твоя жизнь изменится.

Потом разбежалась и прыгнула в воду.

Вынырнув на поверхность, я все ещё слышала, как он стонал.

— Ты почти не пьешь, — там, где я находилась, уровень воды был ниже. — Собираешь меня спойть, что ли?

Одетый лишь в расстёгнутую рубашку и серые трусы-боксеры, подчёркивающие его сильные ноги и выпирающую эрекцию, он сидел рядом на краю бассейна, поставив ноги на верхнюю ступеньку. Почему-то, кроме штанов, он больше ничего с себя не снял.

— Плачу тысячу долларов, если расскажешь о себе ещё что-нибудь.

Я плыла, лёжа на спине, наслаждаясь подогретой солёной водой.

— Что, например?

— Чего ты хочешь от жизни?

Очень многого! Первая фаза — искупление, вторая — исчезновение. В третьей фазе — законно сделать карьеру, завести друзей и общественную жизнь. Может, если я получу новую личность, все эти вещи станут возможными. Мировое господство являлось отдалённой фазой номер четыре.

Я вновь повернулась к нему лицом, пригладив волосы.

— Дом. Садик. Бегающая в саду собака. Кухня с кучей приправ, расположенных так, как я люблю.

— Очень высокие запросы, правда?

— Ха. — Ежечасно я желала освободиться от Эдварда.

— План не подразумевает мужчину?

Я никогда не искала отношений, поскольку была занята выживанием. К тому же, обжёгшись на молоке, я дула на воду. Но даже до того, как Эдвард явил своё истинное лицо, я уже была разочарована в мужчинах — и поражена собственным дурным вкусом в их отношении.

Любовь, которую, как мне казалось, я чувствовала, исчезла настолько бесследно, что я сомневалась, любила ли вообще.

Я подплыла к Севастьянову, сидящему на ступеньках.

— Любой мужчина в моей жизни должен будет полюбить мой дом. А собака должна будет полюбить этого мужчину. У меня будет очень разборчивая собака.

Он прыснул. О, как мне нравился этот звук.

— Убедительные условия.

— А ты? — спросила я.

— Когда-то мне нужна была только власть. Сейчас я уже не уверен. Мой политический срок подходит к концу, и продолжать я не собираюсь.

— Почему?

— Из-за этого мне приходится находиться в России дольше, чем мне бы хотелось.

— Тебе там не нравится?

— Зимой? Ненавижу, — ответил он, и его слова, казалось, отразили то, что было у него на душе. — Я мог бы остаться в Майями, покупая и перепродавая этот город. Мне здесь нравится.

Он собирается остаться, когда я должна уехать? Нечестно. *Притормози, Кэт!*

— Ты могла бы научить меня испанскому.

Ладно, сейчас он просто меня подкалывает.

— Конечно. Скажи *cállate la boca*.

Он повторил выражение.

— Что это значит?

— Заткнись.

— Ты учишь меня, как приказать тебе заткнуться?

— *Por Dios, нет*. Но ты должен понять, когда я скажу об этом тебе.

Он громко рассмеялся и притянул меня к себе, так что я оказалась между его согнутых ног.

— Мне нравится твоё чувство юмора, твоя игривость. Ты как *kotyonok*...

У бассейна неожиданно появился Василий, держа руку на кобуре.

Максим развернулся, загораживая меня, я переместилась ему за спину. Раздался новый взрыв смеха.

— Он просто не привык к тому, что я веселюсь, вот и примчался проверить.

— Он нас слышал? — прошептала я.

— Наверное, делал обход. Для Василия и его команды я снял два этажа вниз. Так что он приглядывает сразу за тремя уровнями.

— О. - небольшая армия криминальных *субъектов* — это, наверное, мило. Всё, на что я могла полагаться — это постоянные переезды, засов и молитва. — Тебе действительно необходимо столько охраны? Или это больше для антуража?

— Не думаю, что сейчас есть реальная угроза. Но демонстрация силы отпугивает недоброжелателей, так что дополнительные люди могут быть полезны. — Севастьянов произнёс что-то по-русски и Василий ушёл. — Вид оружия тебя беспокоит?

— Не знаю, — мой собственный опыт с оружием был кошмарным.

Желая узнать, какого туза Эдвард прячет в рукаве, я достала наградной пистолет отца — подарок кубинского правительства. Зарядила его, собираясь стрелять в потолок, чтобы привлечь внимание Эдварда, как обычно это происходит в кино. Ещё для храбрости я схватила мамины чётки.

И на исходе той ночи, вся покрытая кровью, спасалась бегством от безумца.

Я сглотнула. *Выбрось это из головы, Кэт*. Севастьянову я сказала:

— Должно быть, такая защита внушает уверенность... — я осеклась. Намочив ткань Максимовой рубашки, я смогла разглядеть следы на его спине. Не в силах остановиться, я медленно стянула рубашку с одного плеча.

Пробормотав что-то вроде:

— *Придётся с этим смириться*, — он сдёрнул её совсем.

Я ахнула. Всю спину от шеи до талии покрывали шрамы — наслаиваясь друг на друга, будто его секли — и секли часто. Что, чёрт возьми, с ним случилось? Кто мог сделать такое? Неудивительно, что он не выносит прикосновений!

Он встал и повернулся, расправив плечи, глаза горели опасным огнём.

— Спроси, что случилось, — прорычал он.

Я последняя в этом мире могла бы задать столь личный вопрос.

— Это не моё дело. — Порой мне хотелось придушить тех, кто совал нос в мою жизнь. — Если захочешь, то сам расскажешь, а я послушаю.

Он прищурился.

— Лишь несколько человек видели мою спину. Если узнаешь, что скрывается за этими шрамами, то сможешь продать историю таблоидам. Получить уйму денег.

Я закатила глаза.

— Теперь ты меня просто бесишь, *pendejo*.

Он наклонил голову на бок. Наверное, ожидал, что я прижму ладони к груди и поклянусь, что *никогда никому не продам его историю!*

— Слушай, Севастьянов, я не против проблем — я с ними справляюсь — но *терпеть не могу*, когда их создают на ровном месте. Пожалуйста, не надо так со мной.

— Ты не планируешь делать умозаключения?

— Какие умозаключения?

— Что я люблю пороть женщин, потому что меня пороли.

— Причина не в этом...

Он поднял брови.

— Удиви меня предположением.

Я молчала.

Он запустил пальцы в шевелюру.

— Не знать, что происходит в твоей голове, сводит меня с ума.

Я не могла унять его боль, но вполне была способна её принять. Дать ему понять, что он по-прежнему для меня великолепен.

— Я лучше тебе *покажу*. — Выбравшись из бассейна, я подошла к нему. — Повернись, пожалуйста.

Он колебался. Когда, наконец, повернулся, то затаил дыхание, гадая, что же я буду делать.

Поднявшись на цыпочки, я нежно поцеловала самый верхний шрам, потом легко потёрлась о него щекой. Судорожно выдохнув, он пробормотал:

— *Lapochka*.

Я поцеловала и ткнулась носом в следующий шрам, и в то, что под ним, постепенно опускаясь к талии. Добравшись до мускулистых ягодиц, я стянула с него трусы. Куснула одну безупречно вылепленную половинку и начала обратную дорогу наверх.

Развернувшись, он глядел на меня, сведя на переносице брови.

Я сказала ему то, что всегда говорила себе, когда вина становилась невыносимой.

— Это случилось. Было больно. Но дальше всё будет только лучше.

— Что, например?

— Например, льющееся по моей груди шампанское, которое ты будешь пить прямо с сосков. Когда я буду сверху. Это ждёт тебя впереди, если захочешь.

Он сглотнул.

— По мне — прекрасная перспектива. Я и так слишком заждался.

Он достал из бара очередную бутылку.

Пока я скакала на нём в большом кресле, он всё пил и пил.

Ещё шампанское...

Мы чокались бокалами. Он меня щекотал. Когда я попыталась улизнуть, он прижал мои запястья над головой и играл с грудью, пока я не принялась извиваться.

— Если я ещё не говорил, — прохрипел он, — твой размер мне нравится так же сильно, как и тебе. — Потом *он оседлал меня*.

И снова шампанское...

В номер нам доставили обжаренные на сковороде гребешки, говяжьи стейки и чёрную икру. Пока мы друг друга кормили, он обвинял меня в том, что чуть не умер с голоду.

— Икра — это такое декадентство! — сообщила я.

— Не могу поверить, что ты её никогда не ела. — И добавил сердито, — я могу познакомить тебя со многими вещами.

А потом опять шампанское...

Я лежала животом на надувном матрасе, а он катал меня по всему бассейну, наши лица находились так близко друг к другу. В воде мы обсуждали книги и теорию бизнеса до тех пор, пока у меня на пальцах не сморщилась кожа.

И, конечно, шампанское...

Мы прислонились друг к другу плечами, лёжа под одним одеялом, и разглядывали звёзды и полную луну. Я *реально* захмелела. Но мне нравилось это лёгкое головокружение, казалось, что звёзды плывут по кругу.

— О себе я рассказал гораздо больше, чем ты, — голос звучал расслабленно. — Не могу описать, насколько это необычно.

— Спроси меня что-нибудь не слишком личное, и я отвечу.

— Ладно. Какой у тебя был первый домашний питомец? Собака?

— Золотая рыбка. У меня никогда не было собаки.

— Но если ты хотела её, то почему не завела?

Я вытянула руки над головой.

— Ах, стать бы Максимом Севастьяновым на денёк. Получишь всё, что захочешь.

— Я хочу от тебя ответов, но не получаю.

Увиливать и уклоняться.

— А кто был *твоим* первым питомцем?

— Мерин.

— А я никогда не ездила верхом. — На побережье было полно ферм, но особняк отца стоял в отдалении. До самых старших классов я росла в одиночестве. В итоге потом я могла думать только о вечеринках.

Он посмотрел так, будто у меня выросло две головы.

— Это неприемлемо. Ни один из клиентов тебя не брал покататься? Даже любовник?

Я вновь пожалала плечами.

— Я тебя покатаю. Тебе понравится.

Уверена, что понравится. Хотя этого никогда не случится. Я осушила бокал и протянула его для новой порции. Эту штуку я могу пить вечно.

— А ты часто берёшь любовниц кататься?

— Любовниц? У меня их никогда не было. — От его слов повеяло холодом, — предыдущие отношения у меня были с блондинкой из эскорта и продлились ровно один час. Я пожелал ей всего самого наилучшего. — И уж совсем ледяным голосом он добавил, — я бы спросил, когда ты в последний раз с кем-то встречалась, но не сомневаюсь, что ты встречаешься с кем-то и сейчас.

— Что? Нет.

— Пару раз сегодня я замечал, что твой взгляд был устремлён в никуда. Обычно это означает, что женщина думает о мужчине.

Так и было. Я думала об Эдварде. Что если я не его видела в Майами? Что если я пожертвую такими же вечерами, как этот, сбежав просто так?

Или, что если он здесь, чтобы исполнить последнюю данную мне клятву?

— Я ни с кем не встречаюсь, Максим. — Разве смогу я снова поверить мужчине? Мне

всегда будет казаться, что меня используют. *Если только он сам не будет миллионером, в шутку подумала я. Пришлось себя одёрнуть. Притормози. БЫСТРО.*

— А ты? Тебе нужны отношения?

— Всё зависит от того, удастся ли найти правильную женщину. — Он повернулся на бок, чтобы посмотреть на меня. — Какое у тебя самое первое воспоминание?

У меня осталось яркое воспоминание об отце. Он был кубинским атташе и человеком с прекрасным чувством юмора. Иногда у меня получалось вспомнить карие глаза с морщинками в уголках и запах сигар.

— Наиболее чёткое? Как я помогала маме и бабушке готовить паэлью. Мне поручили добавить в блюдо пригоршню приправ, и я улыбалась. Мама требовала поумерить мою гордость.

Если уж у неё не получилось с ней справиться, то у Эдварда за год его необъяснимого презрения — и по давню. Моя гордость лишь ненадолго уснула, чтобы вернуться с планами мести, взывая к жизни.

И всё равно я решила исчезнуть вместо того, чтобы нанести ответный удар — и с последствиями этого решения до сих пор борюсь. Было ли оно правильным?

Или я просто струсила?

Максим спросил:

— Ты близка со своими родителями?

— Мой отец давно умер. — Погиб в автокатастрофе на Кубе в безлюдной местности, где до больниц было непросто добраться. — И я бы хотела сблизиться с мамой перед тем, как она умерла.

Она не "умерла", Кэт.

Никогда не забуду, как всё сжалось в животе, когда я узнала, что её убили. Какую в тот миг почувствовала ярость...

— Ты уверен, что Ана-Люсия будет молчать? — спросила Эдварда Джулия. — Она импульсивна и приносит одни неприятности.

— Что она скажет в полиции? — спросил он. — Что подозревает, будто я как-то причастен к смерти старой карги? Больше года я был идеальным мужем, пуская пыль в глаза всякому, с кем она контактировала. Я играл в теннис с её юристом. Кто ей поверит? И даже если её мать эксгумируют, кейс лежит в банковской ячейке Аны-Люсии, которую она арендовала сама, на своё собственное имя.

Он попросил арендовать её для коллекции монет, которую он передал мне в запертом кейсе. *Mierda, ведь ключ у него! Что там на самом деле? Что у него за туз в рукаве?*

Эдвард продолжал:

— Никто не касался этой вещи, кроме неё, и на кейсе только её отпечатки. Она без конца ругалась с матерью и была единственной наследницей всего состояния. Намерения, мотив, возможность и орудие убийства. Одно лишь слово полиции — и с Аной-Люсией всё будет кончено.

Они убили мою мать и подставили меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Когда они прекратили разговаривать и начали целоваться, я решила получить ответы, так или иначе...

— Катя? — Максим изучал моё лицо, словно пытаюсь прочесть мысли.

Я заставила себя улыбнуться.

— Просто задумалась. — *Это случилось, было больно...* Я стряхнула с себя воспоминания и сказала, — мама у меня была очень строгой.

— Так ты взбунтовалась? Поэтому пошла работать в эскорт?

Нет, поэтому я впустила в нашу жизнь монстра. Я прочистила горло:

— Это история для другого раза. А ты был близок с родителями?

Его взгляд скользнул в сторону.

— Оба они умерли, когда я был ещё ребёнком.

— Мне очень жаль, — сказала я. — Какое у *тебя* первое воспоминание?

— Как пела моя мама. Она редко это делала, но голос у неё был прекрасный. — Меняя тему, он спросил, — в школе ты хорошо училась?

— На одни пятёрки. Мне не хватало уроков математики, так что я для развлечения разгадывала ребусы. А ты? Какой был твой любимый предмет?

— Ораторское мастерство.

— Уже имел склонности к политике? — Я повернулась на бок, посмотрев ему в лицо. Теперь наша беседа казалась ещё более интимной.

— Больше меня это не интересует. Возможно, я займусь бизнесом вместе со старшим братом, если он согласится.

— А он может не согласиться?

— Мы друг для друга были почти чужими. Он ушёл из дома, когда я был ещё очень юн, и за это я его ненавидел. Долгие годы он подозревал, что я строю козни против него. И не скажу, что он был совсем уж неправ.

— Жалко. Но сейчас всё изменилось?

— Мы разговариваем, это уже достижение. У меня более близкие отношения с младшим братом, — сказал он. — А у тебя есть братья или сёстры?

Я поколебалась. Мне представлялось порой, как подробности моей жизни загружаются в поисковик. А на выходе он выдаёт моё имя, если набралось достаточно данных.

Севастьянов уже кое-что знал. Испано-говорящая женщина, около двадцати шести лет, без высшего образования, оба родителя умерли.

Могу ли я добавить тот факт, что была *единственным ребёнком*?

— Уверена, что моя семья совсем не интересна, если сравнивать её с твоей. Давай поговорим о чём-нибудь менее скучном. — Я снова подняла бокал. Неужели там уже пусто?

Он с готовностью его наполнил.

— О чём, например?

— О сексе?

— Я собираюсь сделать исчерпывающее заявление — наш секс мне нравится. Уверен, что и тебе тоже. Сегодня ты несколько раз прикасалась к моей спине. Даже царапала её.

— *Perdón!* — Прости меня! — Я сделала тебе больно? С тобой я просто забылась. — *Полный отказ системы.* — Но вдруг я снова так сделаю, Максим?

Левый уголок его рта пополз вверх.

— Я не сказал, что ты должна это прекратить. Я думал, меня это будет раздражать, но нет. Я знаю, что ты забылась, и я наслаждался в тот момент каждой секундой.

Я выдохнула.

— Ты меня напугал. Думала, заставишь меня носить перчатки.

— Этого ты боялась? — Под одеялом он положил ладонь на моё бедро, лениво поглаживая большим пальцем. — Я думал, шрамы тебе будут неприятны.

— Это не так. К твоей спине я привыкну, чего *не могу* сказать о твоей заднице.

Он одарил меня широкой победоносной улыбкой. Протянув руку, я обхватила ладонью его лицо.

— Мне нравится твоя улыбка.

— Все говорят, что я очарователен, но мой смех или улыбки неестественны. Я спрашиваю себя "*уместно ли сейчас на моём месте выказать радость?*" И заставляю себя отреагировать соответствующим образом, как делают люди, случайно попадающие в объектив видеокамеры. Но с тобой всё происходит непроизвольно. Я просто отвечаю.

— Правда? — в жизни его улыбка *отличалась* от фотографий. Там она никогда не затрагивала глаз. Я наклонилась, чтобы его поцеловать, но как только закрыла глаза, мир вокруг вдруг накренился. Я отодвинулась назад. — Ух, ты. Наверное, мне пора остыть. Я поднялась, пошатываясь, затем прыгнула в бассейн.

Вскоре он последовал за мной, заключив меня в кольцо своих рук, прижав спиной к краю бассейна. От воды поднимался пар, размывая огни, заставляя его глаза цвета морской волны сиять.

— Когда ты двигаешься, попка и бёдра у тебя так покачиваются... это словно откровение.

Я сглотнула, положив руки ему на плечи, обхватив ногами его бёдра.

Он медленно на меня накатился.

— Почему я не могу перестать дотрагиваться до тебя?

Мы молча смотрели друг на друга, когда он вошёл в меня. Что-то между нами происходило. Больше, чем секс. Что-то, чего раньше я никогда не испытывала. Мне хотелось кончить; хотелось плакать; я должна была разгладить его брови и стереть это поражённое выражение с его лица.

— Максим?

Он смог только медленно кивнуть, принимая... *что-то*. Не ускоряя темпа, он сказал:

— Произнеси моё имя со своим акцентом.

Потёршись о его щёку, я промурлыкала:

— Максим.

— Скажи, что хочешь, чтобы я трахал тебя именно так.

Я прошептала, тяжело дыша:

— Мне нужно... чтобы ты трахал меня... именно так, Максим.

— Скажи, что я трахаю тебя лучше, чем любой другой в твоей жизни.

— Максим, ты трахаешь меня... лучше, чем любой другой в моей жизни. — А затем он это доказал. И, потом, уткнувшись губами в его шею, чтобы заглушить крик, я гадала, можно ли в кого-то влюбиться всего за одну ночь.

Уже светало, когда я проснулась, лёжа на мужской груди.

Моргнула, не понимая, где нахожусь. Какого чёрта...

Глаза у меня округлились. Я лежала в постели русского! Прошедшая ночь была словно в тумане. Я едва сдержала стон, поклявшись, что никогда больше не буду пить.

Я приподнялась на локте, чтобы на него посмотреть. Он спал на спине, одной загорелой рукой обнимая меня, вторую подложив под голову. Я едва не всхлипнула. *Un hombre magnífico.*

Каким будет Максим этим утром? Станет ли вести себя так, словно ничего не случилось? Будет ли смущён тем, сколько лишнего мы выпили и сказали? И что я увидела его шрамы?

А может быть, он бросит на меня тот взгляд, как в день нашей первой встречи, когда он процедил "ты ещё здесь?"

Я осторожно встала, нашла в ванной халат, затем на цыпочках выбралась в гостиную. Уборщица во мне досадливо поморщилась при виде царящего бардака. Казалось, там пронёсся ураган.

Я поплелась на кухню и обнаружила апельсиновый сок. Который и проглотила с жадностью. С полным стаканом в руке я вышла к бассейну.

Осушив и вторую порцию, я нахмурилась. Мне казалось, что похмелье будет куда сильнее. Разве перебор шампанского не вырубает напрочь? Я чувствовала себя *прекрасно*. Может, это потому, что мы закусывали?

Или я всё ещё пьяна?

Пожав плечами, я озаботилась более важными вещами. Несмотря на туман в голове, эмоции я ощущала предельно чётко. Максим Севастьянов свёл меня с ума.

Нет, мне не нужны были отношения. Но общение с этим чувственным мужчиной в романтической обстановке заставило меня задуматься, каково будет жить с кем-то и любить кого-то типа этого русского.

Похоже, моё сердце оказалось не таким уж непробиваемым.

Но раньше мне казалось, что и Эдварда я люблю. Очевидно, доверять себе в этом вопросе я *не могла*.

Я смотрела на океан. Небо затягивали грозовые тучи, подсвеченные восходящим солнцем. Терпеть не могла грозу.

Может, Эдвард в городе до сих пор и сейчас тоже наблюдает рассвет? Выдохнув облачко пара, мыслями я перенеслась к нашей с ним последней ночи.

С пистолетом в руке и чётками на шее я взялась за ручку двери в спальню, готовясь дерзко потребовать ответы на вопросы — мне надо было узнать, что находилось в том кейсе. Когда я вошла, мой муж как раз трахал Джулию, проявляя куда больше страсти, чем он когда-либо выказывал со мной...

— *Значит, к праздникам я буду уже мертва, cabrón?*

Он резко вышел из неё и вылез из кровати, болтая членом.

— *Ана-Люсия! Я могу всё объяснить!* — на середине фразы его акцент сменился с британского на южный. Он натянул штаны, я позволила ему это сделать. — *Пожалуйста, успокойся! И, ради бога, убери пистолет.*

Сверкнула молния, полностью соответствуя моему настрою. Теперь мне стало понятно выражение "красная пелена". Я ткнула пистолетом в сторону замершей на кровати женщины:

— Это кто, чёрт возьми?

Эдвард вскинул ладони.

— Говори со мной. — Ему не нравилось, что я уделяю внимание Джулии?

— Она — просто давняя подруга, которая оказалась в городе проездом. — Он выжидающе на меня посмотрел, сведя вместе светлые брови. — Это ничего не значит. Я так по тебе скучал, дорогая — это была просто минутная слабость. Это было глупо. Но вместе мы с этим справимся. Я люблю только тебя.

Он был хорош.

Джулия встала, замотавшись в простыню. Она была высокой и худой, с длинными песочно-рыжими волосами и фарфоровой кожей.

— Я могу взять свою одежду?

Вновь сверкнула молния.

— Нет. Подойди ближе к нему. БЫСТРО, сука. — Я взмахнула пистолетом, и она поспешила к нему. Даже в такой ситуации они хорошо смотрелись вместе, как настоящая пара.

Я повернулась к Эдварду.

— Снова мне соврёшь — и я отстрелю твой тощий член. Итак, ты убил мою мать?

— Что ты такое говоришь? Ты с ума сошла? — В его зелёных глазах читалось такое потрясение, словно я внезапно обрушила на него страшные новости — просто, из ниоткуда. — Твоя мать умерла от естественных причин. Ты это знаешь.

Как он мог быть таким убедительным? В какой-то миг я подумала "да, я это знаю". Потом потрясла головой.

— От естественных причин? Мою смерть ты тоже собирался организовать естественно?

Эдвард был в ужасе.

— Ты обвиняешь меня в убийстве? Когда я ни разу на тебя руку не поднял? Я даже ни разу не повысил голос. Все знают, как я тебя обожаю. Все наши друзья говорят о моей преданности.

Другими словами, если я закричу "убийца!", мне просто никто не поверит.

— Что в кейсе в той банковской ячейке?

— В кейсе? А это тут причём, дорогая? Как мы перешли от моей — признаю, совершенно глупой — измены к убийству? — и вновь убедительный голос.

Сколько раз он подобным образом манипулировал мной и раньше?

— Я слышала ваш разговор, *sabrón*. Никто не будет праздновать мою смерть в Аспене в этом году.

Джулия впадала в истерику.

— Я говорила, что от неё одни неприятности!

Я усмехнулась:

— Неприятности с большой буквы "Н", Джулия. — Я повернулась к Эдварду, — как ты убил мою мать? И что в кейсе? — Как в кино, я взвела курок и прицелилась ему в грудь, — давай, попробуй снова мне солгать.

Он прищурился.

— Ты меня не застрелишь. Если выстрелишь — все твои деньги (теперь это и мои деньги) перейдут к моим наследникам. Ты всё подписала больше года назад.

— Значит, ты прав. Нет смысла тебя убивать. — Я перевела дуло в сторону Джулии. — Я могу застрелить её. Ведь это она твоя наследница, верно?

— Ана-Люсия! — Воздух словно выпустили из его лёгких, голос взвился до визга, — не трогай её. Пожалуйста.

Самое шокирующее открытие того дня? Это чудовище действительно её любило.

— Тогда не заставляй меня! Отвечай на вопрос.

Уставившись в дуло пистолета, Джулия сказала:

— Я тебе отвечу. Мы можем об этом поговорить. В этом случае был шприц. Последняя инъекция, которую получила твоя мать. Она всё равно умирала, мы просто ускорили дело.

У меня рот открылся. Джулия призналась в убийстве.

Она продолжала:

— Ты нам нужна была из-за земли. Чарльз — Эдвард — знает, как обмануть траст.

Шок путал мои мысли, но я должна была сохранять ясность. С какой целью Джулия в этом призналась? Сквозь слёзы я смотрела на них. Теперь они стояли дальше друг от друга. Она не двигалась, а он подбирался к гардеробу!

Наверное, там у него пистолет.

— Стой, где стоишь, Эдвард. — Продолжая удерживать их на мушке, я боком двинулась к шкафу. — Там у тебя пистолет? Я возьму его в дополнение к ключу от банковской ячейки.

Дёрнув на себя верхний ящик, я на короткий миг отвела от них взгляд...

Сверкнула молния; он швырнул в меня лампу. Всё произошло так быстро.

Я отбила её рукой. Старый пистолет выстрелил. БУМ!

В мою сторону ударил фонтан тёмных брызг, покрыв лицо и грудь. Кровь? Из горла Джулии?

Её руки стиснули горло, чтобы унять струю, которая продолжала бить маленькими порциями. Её тело осело на пол.

Эдвард упал на колени рядом с ней, лихорадочно зажимая рану, будто собираясь загнать кровь обратно. Весь в красном, он проорал через плечо:

— Что ты наделала? — Я автоматически отметила, что его акцент вновь изменился. — Сука! Что ты НАДЕЛАЛА? — Джулия издавала жуткие, влажные звуки. Д тех пор, пока... не замолкла.

Мертва.

Я только что кого-то убила. Шесть часов назад я надеялась, что не пойдёт дождь, и забег не отменяют. Я покрыта чужой кровью. Она капает с подбородка и пальцев, с пистолета. Я должна протереть глаза рукавом.

Он взвыл от горя, баюкая на коленях её голову, всхлипывая.

— Она была для меня всем. Она была моей ЖИЗНЬЮ! Ты её УБИЛА!

Эдвард уже был готов расправиться со мной за одно преступление. Теперь он проследит, чтобы за два убийства меня поджарили.

Я попятилась от этой кошмарной сцены. Когда я выбежала из комнаты, он орал:

— Тюрьма — это для тебя слишком легко!

Я споткнулась, чуть не свалившись с лестницы. Всё ещё сжимая пистолет в руке, я

кинулась к своему "Мерседесу". Словно тикающую бомбу, опустила оружие на пол.

Объезжая "Ягуар" Джулии задним ходом, я увидела в свете фар лицо Эдварда. Оживший кошмар. Безумные зелёные глаза сияли на залитом кровью лице, которое омывали струи дождя.

Он поднял пистолет! Чёрт! Я не могу ехать задним ходом по извилистой дороге. Трёхочковый поворот. Чёрт-чёрт!

Он в меня выстрелил! В тишине машины раздался мой оглушительный крик.

— Я выпотрошу тебя! Ещё живую порублю на кусочки! — взревел он. Снова прицелился, промахнулся.

Вперёд, вперёд! Покрышки буксовали на гравийной дорожке, не двигаясь с места. Набирая скорость, я слышала, как он орал:

— Пойдёшь в полицию и попадёшь прямо в тюрьму! Я найду тебя, жёнушка...

Небо над океаном разрезала молния; я заморгала.

Нет, я не оказалась снова там. Мои вспотевшие ладони не сжимали руль так, что побелели костяшки. Я в безопасности в этом небоскрёбе с могущественным любовником и кучей телохранителей. Через некоторое время моё дыхание выровнялось, и пульс замедлился.

Когда Эдвард клялся меня выпотрошить, я видела в его глазах безумие. Видела, что со мной будет, если я ему попадусь.

Той ночью, чуть придя в себя, чтобы подумать, я взвесила возможные сценарии. В лучшем случае он сдаст меня полиции, чтобы поджарить за два убийства. В худшем — он выполнит своё обещание.

Какой оставался выход? Бороться, чтобы выжить. Так что я исчезла.

Скрыться от властей оказалось легко: только и нужно было, что бросить всё своё имущество, уничтожить документы и пожертвовать всеми старыми связями.

Приближаясь к Техасу, я стала гадать, должна ли бороться, чтобы вернуть свою жизнь назад. Хотя я всегда считала себя смелой, всё же позволила убийце матери *жить в её проклятом доме*.

Надо было, по крайней мере, понять, какие у меня были варианты. Так что я заложила часы и золотое обручальное кольцо, чтобы нанять приличного адвоката. Женщина была совершенно сбита с толку моей историей. На моё имя не было выписано ордера на арест. И о моей пропаже не сообщалось. Как и о смерти женщины по имени Джулия. Эдвард всё скрыл.

Он действительно собирался меня преследовать.

Так что перспективы рисовались мрачные. Чтобы попытаться вернуть моё наследство, юрист потребовала большую предоплату. Чтобы развестись с Эдвардом, мне придётся оставить зацепки. Я не смогу от него скрыться — от уважаемого тайного серийного убийцы, одержимого мстью.

К тому же, оставалась ещё та банковская ячейка. Он не сможет добраться до неё без меня; я — не смогу без своего паспорта и ключа. Всё это представлялось мне минным полем, по которому мы оба кружили.

Вывод из анализа рисков и выгод: *ты в жопе. И лучше придумать какие-то правила, позволяющие оставаться в живых. Удачи.*

Я помотала головой, чтобы вытеснить воспоминание о той ночи, хотя бы ненадолго. Хотя бы до следующей грозы.

Это случилось. Было больно. Но дальше всё будет хорошо. Когда-нибудь. Эй, может, я

переживу Эдварда.

Глубоко вздохнув, я вернулась в комнату, вытащив мобильник из набитой купюрами сумочки. Разблокировав телефон, я проверила сообщения. Иванна никогда не писала смс — её длинные ногти делали эту задачу невыполнимой — но от неё было голосовое сообщение: "Позвони! Я умираю!"

От Энтони тоже кое-что было: "Привет, Кэт, это дядя Энтони! Добро пожаловать в агентство, золотце. Позвони насчёт вечера". "Позвони дяде Энтони, детка." "По-прежнему жду звонка"...

С этим разберусь потом.

Также было угрожающее сообщение от миссис Эбернати. "Кэт, подтверди уборку на тридцать первое. У меня будет вечеринка, и ты мне понадобишься. Не хочу слышать эту ерунду про увольнение, иначе мне придётся сделать звонок."

В иммиграционную службу. *Bésame el culo, puta*. Поцелуй меня в задницу, сучка.

Проходя мимо журнального столика в гостиной, я нахмурилась, заметив кейс Севастьянова. Разве мы не сидели тут вдвоём поздно ночью, перебирая документы? Мои глаза округлились. Он показал результаты своих анализов, подтверждающие, что он здоров. Мои собственные анализы лежали рядом. Высланные, чёрт побери, ему по электронке!

Иванна настояла, чтобы я обратилась к "терапевту при агентстве". Я думала, так было дешевле или типа того. Но разве можно ожидать конфиденциальности, если я просто оплаченная покупка? Никогда ещё я не ощущала такого сходства с товаром.

Севастьянов говорил:

— Это я и хотел обсудить. Я хочу, чтобы мы могли делать друг с другом всё, что угодно и когда угодно безо всяких барьеров. Умираю, как хочу отведать тебя на вкус. Ты позволишь?

— Не знаю, — отвечала я, пьяная и раздражённая. — Надо это обдумать. — Но раздражение испарилось, когда я поняла, что могу ему отсосать без резинки — и проделать все трюки, которых нахваталась в старшей школе, о которых читала или узнала из рассказов Иванны.

МБРГ? *Gracias*, да.

Лицо вспыхнуло. По-моему, я сказала:

— Я тоже очень хочу тебя попробовать. Если и существует на свете член, заслуживающий орального почитания.... - он привлёк меня для поцелуя, а дальше в памяти зияла чёрная дыра.

Я попыталась припомнить что-то ещё, но добилась только головной боли. Так что, пройдя в гостевую ванную, я умылась и почистила зубы гостиничной щёткой. Был соблазн свалить, избежав столкновения с последствиями прошлой ночи. Но когда я пробралась обратно в спальню, то обнаружила, что Максим лежит на боку, вытянув в сторону одну руку — будто пытаюсь дотянуться до меня.

Я юркнула к нему под одеяло. Во сне он обнял меня рукой, обхватив обе груди, и притянул к себе. Когда он так меня обнимал, моя сила воли растворялась, как и все страхи, все покрытые кровью воспоминания...

Какое-то время спустя я вновь проснулась от шёпота на ухо:

— Теперь я понял прелесть пробуждения рядом с любовницей. — Сделав длинный выдох, он скользнул в меня.

Глава 13

— Я проспал *пять* часов? — После секса он встал и, хмурясь, посмотрел на часы. — Это рекорд. Чувствую себя обновлённым.

— Выглядишь на десять лет моложе, — сказала я, потягиваясь. — Сейчас я бы дала тебе лет двадцать пять.

— Мне недавно исполнился тридцать один.

— Да, но раньше ты выглядел на тридцать пять.

Он поднял бровь.

— Ты не спросишь, почему я не сплю? Уже много лет страдаю бессонницей.

Я вздохнула.

— *Неудивительно*. У тебя очень напряженная работа — которая, к тому же, может быть опасной — и ты управляешь миллиардной империей.

Он ущипнул меня за подбородок.

— Не знаю, действительно ли я миллиардер сегодня, *querida*.

Пока он шёл к шкафу с одеждой, эти линии на его спине снова меня расстроили. Он вернулся одетый в рваные джинсы, держа в руке футболку для меня. — Вот. Подними руки.

Спрыгнув с кровати, я сделала, как он велел, и он натянул на меня футболку. Я в ней почти утонула.

Он улыбался.

— Почти так же соблазнительна, как и в том платье.

— Портье внизу явно обрадуется, увидев меня. Колтуны в волосах и торчащая из-под кардигана футболка.

— Ты не уходишь.

— Извини?

— Я решил заказать тебя до двадцать восьмого.

Остаться здесь с ним на десять дней? Каникулы в раю с богом секса?

Нет-нет-нет! Я нарушу первое, третье, четвёртое и, в какой-то мере, шестое правило.

— О. Это серьёзное решение.

Не считая того, что мой отъезд был запланирован на двадцать второе, я боялась привыкнуть к этим полуприкрытым голубым глазам и крышесносящему сексу.

Пока он просто наслаждался обычной девушкой, моя привязанность к нему раскручивалась, словно по спирали, грозясь выйти из-под контроля. В конце концов, этот профи со мной распрощается, а я буду совершенно раздавлена.

— Может, будем всё делать постепенно? По одной ночи?

— *Nyet*. Хочу быть уверен, что твоё роскошное маленькое тело будет принадлежать только мне. — Он усадил меня к себе на колени гораздо агрессивнее, чем прошлой ночью, более по-хозяйски. — Я готов к бурным переговорам — и даже приветствую их — но будет *так*, как я сказал, Катя.

— У меня уже есть планы на следующую неделю.

— Какие, например? Расскажи, я всегда действую в разумных пределах.

Исчезнуть. Я пожала плечами.

Его взгляд потемнел.

— Так ничего и не скажешь? — Затем он предпринял попытку смягчить обстановку: —

Кто ты на самом деле? Беглая каторжница?

— Ха. Звучит интригующе.

— Тогда кто?

— Ты понимаешь, что скоро Рождество? — Разве ему не с кем его отпраздновать? С братьями, например?

Вдруг его лицо осветилось пониманием.

— Твои планы связаны с другим. Ну конечно. — Говорил он спокойно, но его лицо напряглось.

Я даже не представляла, как проведу эти праздники. Я едва сойду с автобуса. Новое начало. Ни одного знакомого.

Эта мысль меня утомила. Может, получится остаться здесь вплоть до двадцать второго и заработать побольше для безопасности? С такими деньгами я смогу мигом добраться до Калифорнии.

Но для того, чтобы остаться с Максимом, мне придётся вернуться домой и взять кое-какие вещи — и при этом не дать понять, где я живу. И завтра мне придётся придумать способ попасть на занятия.

Разве что придётся прогулять. *Никакого раскаяния?*

Он ссадил меня с колен, потом встал.

— Будешь кататься на лыжах с постоянным клиентом? Или, может, твой парень собирается познакомить тебя с родителями? — сейчас его ревность сомнений не вызывала

— Ни то, ни другое, — сказала я. — Вечером я вернусь и мы составим расписание, ладно?

— Да что у тебя такого важного? Другой заказ, который ты не хочешь отменять? Собираешься из моей постели прыгнуть к другому, а потом вернуться ко мне? Это неприемлемо.

— Всё не так.

— Расскажи как.

— У меня есть собственная жизнь, Максим. Даже если у меня нет заказов — или бойфренда — всё равно остаются запланированные дела. А ты думаешь, что за пределами моей работы я ничем не занимаюсь.

— Сколько заплатить, чтобы ты *передумала*?

Я свирепо на него посмотрела. *En serio?*

— Этого нельзя отменить. — Я почти испытывала соблазн рассказать ему об учёбе, но всё-таки сдержалась.

Во-первых, я этого парня *не знала*. Толком. И *дорого* заплатила за урок, научивший меня не доверять мужчинам. Нарушу это правило — и моя плата канет в Лету. Это уж не говоря о втором правиле: если в моей жизни есть какое-то связующее звено, то это именно колледж.

— Расскажи, что там такого важное — или отмени всё.

Отменить? Возможно, я могу пропустить это жалкое пятничное занятие, посвящённое повторению. Это даже не регулярная пара. А потом я могу позвонить мисс Гиллеспай и попросить перенести экзамен на время после отъезда Максима. Она может это разрешить.

Риски/выгоды. Риски: мой к нему чрезмерно глубокий интерес. Поблизости бродит Василий. Выгоды: деньги. Опять же, отличный секс. После прошедшей ночи эта конкретная выгода была крайне весомой.

Мне не нравилось, что придётся остаться там, где я смогу встретить Эдварда, но здесь, с

Максимом, я определённо буду в безопасности.

— Тогда мне нужно позвонить, — я подошла к туалетному столику, взяла телефон и разблокировала его.

— Умница.

— Без свидетелей. — Когда он и ухом не повёл, я сказала, — этот раунд за тобой. Ты добился, чего хотел. Пожалуйста, выйди.

— Я выйду. Но только потому, что мне нужно переговорить с Василием.

Когда он ушёл, я позвонила своей преподавательнице.

— Здравствуйте, мисс Гиллеспай, извините, что беспокою, но существует ли возможность перезаписать меня на другой день вместо понедельника?

— Полагаю, и на занятия, отведённые для повторения, вы тоже не явитесь? — Её голос звучал строго, — я сделаю для вас *единственное* исключение, Кэт. — Время, которое она смогла выкроить — два часа дня тридцать первого декабря.

Мне придётся пробыть в Майями значительно дольше, чем я ожидала. Максим уедет. И всё равно я согласилась. В канун Нового года я отчалю из города под залпы фейерверков.

Отключившись, я едва верила, что только что отложила Святой Грааль. Придётся раскрутить русского на достаточное количество *динеро*, чтобы оно того стоило.

Я вышла из ванной со словами:

— Окей, всё в порядке. Начинаются бурные переговоры...

Они с Василием о чём-то горячо спорили. Оба развернулись ко мне, с обвинением во взгляде.

— Что? — внутри вспыхнула тревога, и первым порывом было удрать.

Ко мне быстро подошёл Максим.

— Ты предохраняешься?

Я закусила губу.

— Почему ты спрашиваешь?

Было ли об этом сказано в присланных ему документах?

— Ты должна как-то предохраняться.

— Я собираюсь. — Врач сказал дожидаться следующих месячных, до которых ещё была пара недель. Как быстро заработают таблетки? — У меня есть рецепт. Это не проблема.

Он провёл пятернёй по волосам.

— Ты хочешь сказать, что работаешь каждый месяц только три недели?

Как это связано с предохранением?

— Повторяю, это не проблема. — Это вообще-то должен быть интимный разговор, но Василий по-прежнему стоял здесь с каменным выражением лица.

— Ты хотела меня подловить?

— Подловить? О чём это ты?

— Ты сказала, чтобы я кончил в тебя! — он почти орал.

Я сказала? Мой взгляд заметался.

— И ты... *кончил*?

Снова подуло ветром из Арктики.

— С полдесятка раз. Ты будто не помнишь!

Мои лёгкие сжались. Он ведь мог меня обрюхатить! *Preñada*? Беременна?

— Я-я этого не помню! — Я помнила удовольствие и близость. Но мы так долго сидели в бассейне, а потом всё было как в тумане. — Не могла я такого сказать!

— Если ты собиралась подловить меня с помощью ребёнка, то сильно ошиблась.

Ну и наглость!

— Теперь это проблема. Ребёнок мне не нужен, тем более от тебя.

— Тогда скажи, что сейчас у тебя не самое подходящее время, чтобы забеременеть.

Когда у тебя были последние месячные?

Я сплотнула, во рту пересохло. *Por Dios*, у меня вот-вот будет овуляция. Или уже случилась.

Севастьянов понял всё по моему лицу.

— *Blyad'!*

Василий говорил что-то по-русски, но я постоянно слышала только одно слово, которое звучало как "*prostitutka*".

Я поставила себя на их место. Шлюха во время овуляции, не предохраняясь, заставила самого завидного холостяка Европы кончить в неё.

Пять раз.

Севастьянов рывкнул в ответ по-русски, и Василий быстро вышел из комнаты.

Мне он сказал:

— Другие девки планировали ту же схему! Поздравляю, ты оказалась ближе всех к удаче, — несмотря на ранний час, он подошёл к бару и плеснул себе водки.

— Понимаю, как всё это выглядит, но мы всё исправим. — Мои глаза округлились. — Постинор! Я ещё могу его выпить!

Он, не слушая меня, принялся мерить шагами комнату.

— Впервые в жизни я расслабился настолько, чтобы трахнуть без презерватива, а ты тут же этим воспользовалась.

Меня обвиняли в том, что я пыталась кого-то развести на деньги. *Я!* Зажав рот тыльной стороной ладони, я пыталась сдержать истерический смех.

Он продолжал вышагивать.

— Связаться с русским криминальным авторитетом? О чём ты вообще думала?

Я закусила щёку изнутри, чтобы не заорать "я *никого* не обманываю, все обманывают *меня!*" Сколько ещё мне сдерживаться? Когда-нибудь я просто взорвусь, как вскипевший бойлер.

Эта мысль меня напугала; мысленно я вновь вернулась к правилу номер один.

— Я думал, ты умнее, — сказал он. — С другой стороны, ты любишь деньги.

Жадная проститутка. Вот как он про меня думал. Мне здесь совершенно не было места. Я выпью таблетку и оставлю всё это позади.

Когда я направилась к двери, он загородил мне дорогу.

— Думаешь, я дам тебе уйти? Когда ты уже можешь носить моего ребёнка?

— Я собираюсь принять постинор.

— И я должен поверить тебе на слово? — Схватив за руку, он потащил меня обратно в спальню. — Мы это исправим, а затем придумаем, как преподать тебе урок. — Он вырвал у меня телефон.

— Отдай! Что ты, чёрт возьми, делаешь?

— Сейчас приедет врач.

— Приедет *кто?*

Севастьянов лишь угрожающе улыбнулся, а затем запер дверь.

Следующие два часа я пребывала в смятении, и мутило меня всё сильнее. Утром я ещё была пьяной, а теперь похмелье врезалось в меня с силой локомотива.

Я колотила в дверь и кричала:

— Мне плохо, Севастьянов! Мне нужна таблетка.

Он не пришёл. Мне оставалось только свернуться калачиком, чувствуя, как выворачивается желудок. Я как раз копила силы, чтобы застучать на пост в туалете, как дверь распахнулась.

Севастьянов сказал:

— Он здесь.

Я села в кровати, и комната немедленно начала вращаться. Пришлось прилечь.

— Мне плохо.

— Ах-ха. Конечно. Прямо когда врач приехал? Как удачно, что мы можем его попросить взглянуть на другое твоё недомогание.

Схватив за руку, он заставил меня встать.

Я покачнулась.

— *Севастьянов...*

Он взглянул на моё лицо и скривился.

— Чёрт, — он отпустил меня, — иди.

Я бегом помчалась в туалет и упала на колени как раз когда меня начало рвать. Ублюдок стоял прямо за спиной, прислонившись к дверному косяку.

— Уходи!

Запах шампанского вызывал новые приступы, казалось, из меня вышло обратно несколько бутылок.

Наконец, он ушёл.

Я опустошала желудок, пока не оказалась измучена вконец. Кое-как поднявшись на ноги, я спустила воду. Воспользовалась его зубной щёткой, которую потом выбросила. Я чувствовала себя грязной и никак не могла избавиться от этого тошнотворного запаха шампанского.

Если залезу под душ, то смогу уснуть прямо под струями воды? *Надо* там поспать.

Я бросила полотенце на пол, включила душ, а потом уселась, подтянув колени к груди. Это сработало! Мутить стало гораздо меньше по мере того, как меня окутывал сон. Прислонившись головой к стене, я вырубилась...

— *Что ты, чёрт возьми, делаешь?*

Моргая, я смотрела на Севастьянова. Сколько я проспала? Он был в ярости, впрочем, как обычно.

Выключив воду, он рывком вытащил меня из душа. Грубо вытер, затем облачил в другую футболку.

— Покончим с этим, и потом делай что хочешь.

— Теперь доволен? — спросила я, когда врач ушёл.

Я разрешила "лучшему гинекологу для богачей" в Майями сделать мне контрацептивный укол и поставить спираль, препятствующую оплодотворению. Это русский придумал? Офигенная степень паранойи.

Он удобно устроился на диване в гостиной. Несмотря на вероятность дождя, он открыл все окна и двери.

— Доволен? Нет. Удовлетворён, что твой план не сработал? *Da*.

Угнетало одно то, что меня осматривал какой-то незнакомый мужик, но Севастьянов всё это время оставался в комнате! Он был там, когда врач говорил, например "определённо могла произойти овуляция", "у кого-то явно была бурная ночь" и "узкая шейка, будет больно".

То, что Севастьянов всё это слышал, было куда хуже, чем боль от вмешательства. И в довершение всего, эти двое после процедуры ушли пошептаться. О моём теле!

Я протянула руку.

— Верни мой телефон. Хотела бы я сказать, что было приятно познакомиться.

— Тебе так просто не уйти. Я минимизировал ущерб, но тебе придётся заплатить за свои делишки. Останешься здесь, пока я не решу, что с тобой делать.

— Ты не можешь так просто меня здесь *держат*!

— Вот увидишь. Такая лживая девочка вроде тебя должна понять, что не надо связываться с опасными мужчинами вроде меня.

— Знаешь что? Оставь телефон себе на память, — я схватила сумочку, жакет, туфли, устремила к двери и распахнула её.

В коридоре Василий разговаривал с двумя мужчинами в костюмах, под которыми выделялись кобуры.

Хотя я ожидала, что они меня остановят, но всё равно дотянулась до кнопки вызова лифта, безостановочно на неё нажимая.

Ничего не происходило. Я нажала снова. Тогда я начала подозревать, что для вызова лифта на этот этаж требовался ключ. Я толкнула дверь, ведущую на лестницу. Заперто?

На ломаном английском Василий сказал:

— Не уходить.

Ещё двое замерли, как статуи. Здесь мне не помогут.

Я прошагала обратно к Севастьянову.

— Ты не можешь так поступить!

— Почему же нет?

Я быстро подошла к одному из стационарных телефонов, находящихся в номере, и нажала девятку, чтобы выйти на внешнюю линию.

— Я звоню в агентство. Энтони этого не допустит!

— Ни один из телефонов не соединяет с номерами вне отеля. Нет ни вай-фая, ни интернета. Для тебя нет ни одного способа связи. О, *Энтони*? Вряд ли можно было продать твоё тело быстрее, чем это сделал он.

— *En serio?! Hijo de puta cabrón!* — я ущипнула свою бровь, — я придумаю, как вырваться отсюда. Если только ты не собираешься круглосуточно держать меня на цепи.

Он замер.

— Не забывай, что у меня есть мотив — и намерение — связать тебя на моей кровати.

Атрибуты его сценария.

— Что заставит тебя поверить, что я не пыталась тебя обмануть? Я бы никогда не забеременела от такого как ты. И уж точно не стала бы затевать такое. И я никогда не строила планов, как бы заполучить чужие деньги! — Самой себе я пробормотала «этого не происходит». — Я стала шагать из стороны в сторону. — Слушай, тебе надо кое-что про

меня понять.

Он откинулся на спинку дивана.

— Жду не дождусь.

— Я никогда раньше не пила столько шампанского и не знала, что это так на меня подействует. Не помню, что имен я тебе говорила, но уж точно не упоминала, что предохраняюсь.

— И почему ты не предохранялась?

Я остановилась, решив открыть часть правды.

— У меня давно не было секса. Ты был моим первым клиентом.

— Если ты хочешь, чтобы я поверил в то, что ты новенькая, не надо было вести себя как профессионалка. Когда ты раздвинула передо мной ноги, мурлыкая "как тебе разнообразие сейчас, *querido?*" я начал беспокоиться, достаточно ли у меня самого опыта, чтобы сравниться с такой эскортницей, как ты.

— Ты *был* моим первым! Спроси Иванну! Она подтвердит. Она послала меня вместо себя, потому что заполучила аллергию на ботокс, а мне нужны были деньги. Я почти решилась уйти.

Он горько усмехнулся.

— Ты имеешь в виду первый клиент — в Майями? В твоём агентстве мне сказали, что ты профи из Тампы! Это не говоря о том, что прежде чем я тебя выкупил, Энтони расписал очередь твоих заказов до бесконечности.

— Ты не можешь меня купить, я никогда не продавалась! — С моих губ полились испанские ругательства — все, какие я знала. — Если ты не хотел попасться, то зачем в меня кончал? Почему сам не предохранялся?

— Я хотел обойтись без барьеров. И обсудил с тобой это заранее! Я должен был заподозрить неладное, когда ты не попыталась взять за это дополнительную плату!

Вспыхнув, я сжала кулаки.

— Что нужно, чтобы ты прозрел?

— Твоё имя.

Я со свистом втянула воздух.

— *Jamás.* — Никогда.

— Тогда будешь сидеть здесь.

— Сколько?

— В моём окружении тех, кто пытается украсть деньги у других, жестоко наказывают.

В моём тоже. По крайней мере, так произошло с Джулией.

— Останешься до тех пор, пока я не решу, что ты сполна заплатила за свою жадность.

Скорее всего, Севастьянов устанет от меня уже завтра, максимум через пару дней. Ощущение новизны пройдёт. Но даже если нет, моё заключение продлится самое большее ещё десять дней. Потом он уедет обратно в Россию.

Хорошая мина при плохой игре, Кэт. К преимуществам можно отнести то, что здесь я буду защищена от Эдварда лучше, чем где бы то ни было. Теперь, когда я застряла в Майями до самого Нового года, этот небоскрёб стал мне казаться настоящим бастионом.

Никогда бы не подумала, что пребывание с русским бандитом и его вооружённой охраной станет моим безопасным прибежищем. Более того, я буду жить в самом дорогом номере в Майями. Никаких жутких слизняков, чешущих яйца, пялясь при этом на меня. Никаких консервированных супов, протекающих крыш и грубых простыней из секунд-хенда.

Больше всего на свете я боялась влюбиться в Севастьянова из-за самого лучшего секса. Сейчас, когда он явил свою настоящую сторону, это перестаёт быть проблемой.

Я прищурилась, глядя на него, и подумала *"О, нет, Ruso! Только не бросай меня в терновый куст!"*

Я решила, что отдохну здесь — скоротаю время и подзаряджу батарейки. Проблема имела решение, всё к тому и шло. А значит, я с этим справлюсь.

— Похоже, мне никуда не деться, — беспечно сказала я.

Такая перемена в моём поведении заставила его нахмуриться. Севастьянов только что заполучил "заключённую" и сам остался в дураках.

Я сидела в своей новой комнате — смежной с его спальней — пытаюсь припомнить больше подробностей. Какой бы пьяной я ни была, не могла я сказать ему, чтобы он в меня кончил; может, он всё это придумал, чтобы оправдаться?

Прямо перед тем, как говно полетело в вентилятор, он обиделся, что у меня нашлись свои дела, предполагая, что я собираюсь встретиться с другим мужчиной. И вдруг, ни с того ни с сего, Севастьянов придумал причину, чтобы оставить меня навсегда? *Qué coincidencia.*

Но вспомнить прошедшую ночь не получалось, а все попытки лишь приводили к головной боли. Хоть меня больше не мутило, чувствовала я себя отвратительно, кровь стучала в висках.

Кровать с большим числом подушек казалась одним большим облаком, число нитей в простынях стремилось к бесконечности. Я легла на спину и повыше натянула мягкое одеяло, наблюдая за океаном сквозь панорамное окно. Через несколько минут я уже спала.

Мне снилось, что я лежу у бассейна, а полуприкрытые глаза Севастьянова наблюдают, как моя кожа покрывается загаром.

Проснувшись я на его голой груди, закинув одну ногу ему на бедро. Уставившись на воду, но лежал, напрягшись, заведя обе руки за голову. Это напомнило мне нашу первую ночь, когда он вытянул руки вдоль спинки дивана, только бы не коснуться меня.

Солнце уже садилось. Неужели я проспала целый день? Я нерешительно привстала. Голова не болит? И живот тоже нет? Я вытянула руки за голову.

Он тоже сдвинулся, прислонившись к спинке кровати.

— Ты проспала несколько часов.

Объясняя ему, как ребёнку, я сообщила:

— Это потому, что я отходила от *жесточайшей попойки*. А оказалась я в этом состоянии потому, что *ты* всё подливал и подливал мне шампанское. Я доверилась взрослому спутнику и пустилась во все тяжкие, а в следующий момент оказалась не с той стороны гинекологического зеркала, пока в меня впихивали спираль — и это после того, как мне сообщили, что я теперь узница.

— Забавно, что ты назвала меня взрослым спутником. Доктор сказал, что тебе едва исполнилось двадцать.

— А я и не говорила, что мне двадцать шесть.

— Ты выглядишь очень молодо, но твоя самоуверенность заставляет меня верить, что ты старше. — Он сжал переносицу. — Скажи хотя бы, что тебе уже можно в этой стране законно употреблять спиртное.

— Расслабься, старичок. В тюрьму за спаивание тебя не отправят — только за всё остальное.

— Тебе двадцать два, не так ли? Когда мне было двадцать два, ты была тринадцатилетней.

— *Твои* проблемы. — Затем я нахмурилась. — Почему ты лежишь в моей кровати?

Другую тему он не стал развивать.

— Потому что могу.

— И поэтому ты притянул меня к себе?

— Я не притягивал. Ты сама придвинулась, обняв меня, потому что привыкла спать

рядом со своим партнёром.

Как скажешь.

— Ты закинул руки за голову, потому что боролся с искушением погладить мои волосы, ведь так? Хм... Тебе нравится гладить мои волосы.

Он не ответил.

— Спорим, ты вспоминал нашу ночь, и это вскружило тебе голову. Что только доказывает мою теорию.

Он прищурился.

— Какую теорию?

— Что я нравлюсь тебе больше, чем ты мне. Ты предпочтёшь меня похитить, нежели отпустить. — Я снова вытянулась. — А кормить будут во время отсидки? Я просто умираю, как есть хочу. Даже в тюрьме меня бы дважды покормили, выделив отдельные нары.

Мрачно на меня посмотрев, он снял трубку и вызвал обслуживание номеров.

— Что ты хочешь?

Перегнувшись через него, я выхватила трубку, наслаждаясь шокированным выражением его лица.

— *Hablas español?* — спросила я женщину.

— *Si.*

Я мысленно изобразила дьявольскую усмешку.

— Мне нужны пиццы. Шесть штук. Больших. Макароны с сыром. Суп из лобстера и всё что ещё у вас есть из лобстера. Вообще-то, лобстера, выложенного на лобстере. Хочу "колу". Не диетическую, нормальную. В стеклянных бутылках, если сможете их раздобыть. Также, если принесёте десять кубинских полуночных сэндвичей с дополнительной порцией солёных огурчиков, мистер Севастьянов наградит вас щедрыми чаевыми. Пожалуйста, включите эти чаевые в общий счёт. Замечательно. Большое спасибо! — когда я повесила трубку, мой желудок с готовностью заурчал.

— Думаю, ты всегда спишь днём, — съехидничал Севастьянов. — Издержки профессии.

Я вздохнула.

— Ты всё думаешь, что что-то обо мне знаешь. Но всякий раз ошибаешься так, что я просто диву даюсь.

— Например?

Обманутую наследницу обвиняют в обмане другого!

— Ты мне никогда не поверишь. Рассмеёшься в лицо. Но однажды, когда всё это забудется, я пришлю тебе открытку — со списком. И когда ты всё проверишь, то сгоришь от стыда.

Он открыл рот для ответа, так что я быстро встала и ушла в ванную.

Размерами ванная была больше моей квартирки. Во время пребывания в башне Севастьянова я буду наслаждаться бесплатными туалетными принадлежностями, неограниченной горячей водой и всеми полотенцами, какими только пожелаю воспользоваться. Никаких походов в прачечную. Настоящая жизнь!

Стянув волосы в узел на макушке, я умылась. Почистила зубы очередной гостевой щёткой.

На обратном пути, проходя мимо него, я даже не удосужилась заговорить. Не зная, чем заняться в ожидании прибытия моего изысканного пиршества, я взяла к бассейну, который теперь был моим тюремным двориком, один из его бизнес-журналов. Я растянулась на

диване прямо под обогревателем.

Я заметила, что везде было убрано — кем-то, кто не являлся мной. Хотя бы раз! Что там про золотую клетку?

Услышав звонок, я помчалась внутрь, не заботясь о том, как выгляжу. Три официанта вкатывали в гостиную нагруженные тележки. Эти парни прилагали отчаянные усилия не пялиться на мою грудь под футболкой.

Севастьянов надел рубашку. Кинул на мою грудь хмурый взгляд, затем сказал:

— Что это?

— Ты не уточнил, что я должна заказать. А потом, нам ведь надо накормить наших телохранителей? Они смогут съесть всё, что останется после меня. *Если* что-то вообще останется.

Как только все тарелки были расставлены и официанты удалились, Севастьянов сказал:

— Это просто смешно.

— Раз уж я теряю в деньгах, ужин будет моим утешительным призом. Неужели ты пожалеешь для меня один незначительный щедрый ужин, раз уж нарушил все мои планы по зарабатыванию миллионов? *Миллионов!* — я театрально закусила кулак.

— Думаешь, это смешно?

— Когда-нибудь ты начнёшь воспринимать юмор так, как это делаю я. Надеюсь, что окажусь поблизости, чтобы увидеть выражение твоего лица, — я принялась искать свой сэндвич. — А, вот он!

Он нехотя спросил:

— Что это?

Я понюхала.

— *Medianoche*. — Полуночный сэндвич. — Поедается после вечеринок.

Он достал ещё один, попробовал.

— Вкусно, — откусил еще кусок.

Я попробовала свой. Не так вкусно, как готовлю я, но сойдёт.

— Чур, всё, что с лобстером — моё!

Схватив "Колу", я открыла бутылку. С едой и напитком в руке я направилась к бассейну.

Он может держать меня здесь в качестве пленницы — ха! — но это не означает, что я буду проводить всё время с ним. Я вернулась на диван, чтобы поесть.

За едой я пришла к заключению, что должна ценить этот барьер, воздвигшийся между русским и мной. Он нравился мне до такой степени, что я могла выкинуть какую-нибудь глупость, например, *действительно* довериться ему. Я могла бы подумать, что раз он связан с *мафией*, то мог бы помочь мне решить проблемы с законом — и никогда бы не осудил за пролитую мною кровь. Теперь же я понимала, что он, скорее всего, использовал бы мою щекотливую ситуацию для собственных манипуляций.

Поведение Севастьянова подтверждало, что в мужчинах я совершенно не разбираюсь. Стоит мне что-то почувствовать к парню, как он наверняка окажется в розыске ФБР, а мне придётся уносить ноги. Это было так же неопровержимо, как научный факт.

Всё к лучшему.

Покончив с едой, я откинулась на спину и закрыла глаза. Перебирая воспоминания о прошлой ночи, я припоминала всё новые подробности наших разговоров. В обсуждении секс-секретов я сообщила ему, что никогда не выполняла "глубокую глотку" и не занималась анальным сексом, хотя нередко фантазировала и о том, и о другом.

Он же признался, что лишился девственности уже в довольно взрослом возрасте — он был даже старше, чем я сейчас. Сказал, что ни разу не занимался сексом без презерватива, но часто задумывался, на что это будет похоже. Он также признался, что фантазировал, как партнёрша будет глотать его сперму, от чего по мне пробежала дрожь (тогда и сейчас). Неудивительно, что его так завело моё упоминание о мастурбации в начале вечера.

Он сказал что-то ещё об оральном сексе, что просто снесло мне крышу. Это было...
Севастьянов никогда не делал этого сам!

— Зачем бы? — спросил он. — Мне было всегда плевать на чужое удовольствие. Но я готов восполнить этот пробел. Вообще-то, я должен с тобой кое-что обсудить. Пойдём в гостиную.

Значит вот как мы подошли к тому разговору. Отличный манёвр, *Ruso*.

У меня глаза округлились. Ночью он делал мне куннилингус, целых три невероятных раза! Я откинулась на диван, вспоминая самый первый.

Он уткнулся в мои бёдра, разводя их в стороны, оставляя сочные поцелуи всё выше и выше. Прямо перед тем, как он лизнул меня в первый раз, в его взгляде зажглось любопытство. Впервые ощутив вкус, он крепко зажмурился. Я всхлипнула, а он пробормотал про себя:

— Никогда не смогу насытиться, — и потом с жадностью приступил к делу. Тыкаясь членом в диван, он рычал, распространяя вибрацию на мой чувствительный клитор. Я кончила, бесстыдно толкаясь в его рот. Потом я попыталась его оттолкнуть, но он перехватил мои запястья. Издав низкий стон, он слизал мой оргазм до последней капли.

Мои щёки порозовели от воспоминаний о своей бешеной реакции. Я толкнула его в грудь, чтобы он лёг на спину, затем *завладела* его членом. Я лизала повсюду, посасывая его яйца, стонала, пока он бормотал "*блядь, блядь*" снова и снова.

— Прими моё семя! Выпей всё, *lapochka!* — кричал он.

Мы смотрели друг другу в глаза, пока я глотала толчок за толчком. Когда извергаться он перестал, я рукой попыталась выдавить ещё немножко.

— *No más?* — надула я губки, пока он ловил ртом воздух. *Максимо шокадо*.

— Наяву лучше, чем в мечтах, — заявил он, переводя дух. — Через пару минут мы продолжим. Ты делаешь меня *ненасытным*.

Я вспомнила, как неспешно целовала его член, пока он снова быстро твердел. Он толкнул меня в кресло, нависнув сверху. Установил член у меня между ног, потирая клитор своей твёрдой плотью.

Я неумолимо приближалась к полной забастовке на фабрике, не волнуясь и не думая ни о чём, кроме оргазма.

Моя голова откинулась, а он сказал:

— Хочу трахать тебя именно так. Со мной всё обсуждается.

Выгнув спину, я молила о его члене, упрасывая, чтобы он вошёл в меня.

О, он вошёл. Без презерватива.

Я вспомнила удивление в его голосе:

— Твоя киска, — толчок, — такая, — толчок, — горячая! — Когда я застонала, он добавил, — мне нравится трахать маленькую печь.

Значит, вот как всё случилось. Да, стоило ему сразу сказать, что я не принимаю таблетки. Но за отсутствием опыта я просто забыла. Честно говоря, о чём-то подобном я говорила лишь однажды, и было мне тогда *семнадцать* лет.

Севастьянов усадил меня, чтобы обсудить дальнейшие действия, но я была тупой и пьяной — не только из-за шампанского, но и, главным образом, из-за секса. Я только и думала о том, получится ли ему отсосать, не обращая внимания больше ни на что.

Океанский бриз трепал мои волосы и сквозь футболку ласкал торчащие соски. Словно по команде, я немедленно вспомнила, как лизал их рот Севастьянова. Разве я могу по-прежнему желать человека, который обращается со мной, как с пленницей? Наверное, у меня *скоро* овуляция, поэтому я просто горю.

Пойду снова приму душ — и расслаблюсь вручную. Пока я шла в комнату, при каждом шаге моя грудь тёрлась о футболку, материал скользил по тугим вершинкам.

Он по-прежнему сидел на диванчике. Склонившись над столиком, просматривал бумаги. Когда я вошла, он замер, ничего не говоря.

От одного взгляда на его великолепное лицо моё дыхание сбилось. Я, словно во сне, поплелась мимо него. То, что он увидел на моём лице, заставило его напрячься и раздуть ноздри.

Я смотрела в сторону, не в силах встречаться с ним взглядом.

Мрачная усмешка.

— Ну и кто теперь вспоминает, чем мы занимались? От этого ты потекла так же сильно, каким сильным был мой стояк. Но предупреждаю тебя, малышка, не смей себя удовлетворять — даже думая обо мне — иначе последствия будут серьёзными.

Думая о нём! Ну и наглость!

— Если ты со мной, то должна соблюдать два правила. Не лгать и не прикасаться к себе. Если только я этого не прикажу для собственного удовольствия.

Я крутанулась на месте.

— Вот это эго! Откуда ты знаешь, что я не думала о другом мужчине? О своём партнёре? Также, имей в виду, что каждый, кто пытался мне "приказывать", потерпел унижительное поражение, — я оставила его, направляясь в свою комнату.

Встав под душ, я продолжала думать о нём. Он был прав: если я кончу, то думая о нём. Ну уж нет! Стараясь не обращать внимания на зуд в некоторых частях тела, я вымылась и высушила волосы.

Стащив очередную футболку, я забралась в кровать и включила телевизор. Я не смотрела его уже целую вечность, но почти не замечала происходящего на экране, вновь вернувшись к воспоминаниям о прошедшей ночи.

Как он откинул назад голову и взревел, кончая в меня.

Манящий запах его спермы.

То, как собственнически он лизал мою киску, словно лакомство, которое у него собирались забрать.

Ругнувшись, я сдалась на волю похоти, задрала футболку и опустила руку вниз. Уже выгнувшись под пальцами, услышала:

— Ты действительно горишь, правда?

Mierda!

— Не могла удержаться? — встав коленями на кровать, он схватил меня за запястья. — Если нужна разрядка — зови *меня*. — Притянув мою руку к губам, он втянул в рот указательный и средний палец.

Он облизывал их, прикрыв глаза. Я дрожала, чувствуя, как каждое движение языка отзывается в сосках и промежности. Неужели я кончу прямо так? Мне хотелось сказать, чтобы он проваливал, что мы так договаривались. Но воспоминания...

Он вернул мои влажные пальцы на прежнее место.

— Поласкай себя.

Я колебалась, пока он не снял рубашку и не расстегнул молнию на джинсах — его твёрдый, как кусок стали, член, гордо выскочил вперёд.

Игра окончена. Я должна ощутить его ещё раз. Мои пальцы вернулись к прерванному занятию.

Раздевшись, он принялся гладить свой толстый ствол, а я — мастурбировать быстрее. Этот большой кулак. Огромный член.

— Нравится смотреть?

Я молча кивнула.

— Может, попозже я разрешу тебе понаблюдать. А сейчас хочу снова попробовать твой вкус.

Схватив лодыжки, он по кровати подтащил меня к себе.

— Разведи ноги. — Когда я подчинилась, он уставился на мою киску. — Теперь это моё. — Наши взгляды встретились. — *Я владею* этим. Так же, как и тобой. Я теперь твой хозяин, *Katya*.

Почему меня это так заводит? Вообще-то, я независима и не хочу никому принадлежать...

Зарывшись лицом в промежность, он простонал прямо в мои губки.

— *Ruso!* — Даже раскинув колени в сторону, я не отрывала взгляд от его члена, головка которого блестела от капелек влаги. — Мне тоже нужен твой вкус.

— Хочешь мне пососать?

— Да!

Очередная усмешка. Он передвинулся, поднявшись надо мной на коленях, и его член оказался прямо у моего рта.

Я ещё ни разу не оказывалась в позиции 69, но с готовностью раскрыла губы, коснувшись головки языком. Он продолжал свои чувственные поцелуи, но мне пришлось приподнять голову, чтобы хотя бы дотянуться до него. Почему он медлит?

— *Más, Ruso.*

— Ты говорила, что никогда не занималась глубоким оральным сексом, — прохрипел он, продолжая лизать. — Хочешь, осуществить свою фантазию?

— Не знаю... наверное, можно попробовать?

Он отпустил меня, и встал рядом с кроватью. Подтянул меня к самому краю так, чтобы свешивалась голова, которую он расположил прямо между своих мускулистых ног. Учитывая высоту кровати, член и тяжёлая мошонка оказались прямо надо мной.

— Максим?

Направляя член к моим раскрытым губам, он сказал:

— Делай вдох между моими толчками.

Qué?

Его член вошёл в мой рот, а ладони переплелись сзади на шее.

О! Эта позиция была мне известна, Иванна называла её "горловой тампон". Так его член скользил под более удобным углом. И глубже, чем я когда-либо пробовала.

Но когда головка проникла слишком глубоко, я напряглась, отпрянув назад. Ноги инстинктивно согнулись в коленях.

Он сразу подался назад.

— Расслабься, *lapochka*. Ты справишься, — сказал он, поглаживая меня большим пальцем по щеке.

Каким-то образом это мимолётное прикосновение — на контрасте с развратным сексом последних суток — подействовало на меня сильнее всего. И когда он снова вошёл, я приказала себе расслабиться.

— Хорошо. Вот так. — Он вышел. — Дыши. — Когда я вдохнула, он медленно погрузился вновь.

Мы проделали это дважды, а его руки продолжали, будто колыбелью, обхватывать мою шею. Большие пальцы легонько поглаживали горло, направляя, увлекая... пока головка не проскользнула вглубь.

Я это сделала! В таком положении всё было куда легче! Или дело было в мужчине?

— Вот ты и делаешь мне "глубокую плотку", Катя, — в его голосе звучала гордость, и это пугало мои мысли, наращивая возбуждение до невыносимых пределов. Я застонала.

— Так хорошо всё делаешь. — Он отстранился, расставив ноги пошире. — Дыши.

Я вдохнула, готовясь продолжать. В следующий толчок я приняла его ещё глубже, заведя руки назад, чтобы обхватить его ягодицы. Вскоре мы выработали идеальный ритм, синхронизировав его толчки и моё дыхание.

— Вот так... вот так... такая умница... — Он наставлял меня, восхвалял, и это делало меня просто ненасытной. — Моё семя устремится прямо в тебя.

Я вновь простонала...

— Тебе нравится. Я чувствую твои стоны так же хорошо, как и слышу. Дыши, детка.

Я смутно помнила, что Иванна рассказывала мне об одном трюке, сводящем некоторых мужчин с ума. Пока рот у меня был занят, а руки обхватывали его ягодицы, пальчиками я проникла прямо между половинками.

— *Lapochka?* — хрипло произнёс он. — Ты решила пошалить?

Мой указательный палец обвёл самую серединку. Ободрённая его стонами, я усилила давление в центре.

И, наконец, проникла внутрь...

— *Ooo!* — у моих ушей содрогнулись его сильные ноги. — Моё семя ты получишь раньше, чем я буду готов!

Я лишь застонала, а он закричал:

— *Katya!* — его член, прижатый к моему языку, начал своё извержение. Севастьянов трахал мой рот, выстреливая кремовые струи.

Я глотала, а его пальцы помогали сперме проходить вдоль горло, и эта хозяйская хватка на шее казалась... нежной.

Он содрогнулся в последний раз. С финальным залпом горячего семени.

Длинный измученный стон...

Освободив мой рот, он перебрался на другую половину кровати. Пытаясь совладать с дыханием, произнёс:

— Теперь твой черёд. — Он вновь за лодыжки подтянул меня к себе. Он склонился ко мне, и его резкие выдохи согрели мой выступающий клитор, набухшие губки и чувствительную дырочку. — Ты уже на грани. После "глубокой глотки" твоя киска стала ещё мокрее? Или, может, тебе нравится исследовать тело твоего хозяина? Спроси разрешения кончить.

Несмотря на невероятную нужду, повиноваться я не собиралась.

— Можно мне кончить — я толкнула бёдра вверх, раскрываясь, — так я должна сказать? Но разве ты сам не *хочешь* подарить мне оргазм?

Его акцент усилился:

— За это я накажу тебя потом. Тебе ведь этого хочется? А сейчас полижу твой ноющий маленький клитор. — Его язык скользнул один раз, другой, третий — я и закричала.

Накопившееся напряжение прорвалось на свободу. Вцепившись в простыни, я мотала головой из стороны в сторону. Своим горячим ртом и ненасытным языком он вынуждал мою ноющую киску сокращаться вновь и вновь.

Он продолжал меня целовать. Слишком чувствительно! Чересчур! Мне пришлось скрестить ноги, чтобы он меня отпустил.

Сев на кровати, он обнял меня. Завладев губами, поделился со мной моим вкусом, отведав собственный, в то время как наши языки неспешно переплетались.

Вскоре я уже была готова для второго захода, но он вдруг отстранился. Нежно заправил за ухо прядь волос, отчего я невольно вздохнула.

— Ты сделала минет и не спросила о цене. Думаю, что начинаю тебе нравиться.

— *Pendejo!* — я выкрутилась из его объятий.

— Может, завести статью расходов "благотворительность"?

— *Bésame el culo!* — я ринулась в ванную. Там уставилась на своё отражение в зеркале, пытаюсь осмыслить произошедшее.

Никогда ещё я не чувствовала себя с мужчиной такой защищённой — и такой дешёвой. Разве можно быть сперва таким нежным — а потом настолько жестоким? Всё связанное с ним было как экстрим. Экстремальным было и *удовольствие*.

И моя любовная история. От первого любовника, заявившего "я собираюсь убить тебя при первом же удобном случае" я перешла ко второму с его "я владею тобой".

Последнее меня *немыслимо* возбуждало. Почему? Почему? Почему?

Я чувствовала, и это чувство отзывалось в груди, что Севастьянов был единственным мужчиной, способным заставить меня ощутить страсть такой силы. И то недолгое время, пока я с ним, может, не стоит обращать внимание на его дурацкие подколки, а лучше исследовать собственную сексуальность? Испытать как можно больше этого сумасшедшего эротизма?

На всю оставшуюся жизнь.

Умывшись, я вернулась в спальню. Он сидел на кровати, голый и восхитительный, вертя в руках какую-то блестящую металлическую штуковину.

— Ты трогала себя, не дождавшись приказа, и кончила без разрешения.

Я сглотнула.

— Что это?

— Твоё вступление в мир БДСМ.

Я отступила на шаг.

— Ты сделаешь мне больно.

Он разозлился.

— Я не тот, кто делает женщинам больно.

— Тогда что это?

Он поднялся и подошёл ближе.

— Это пояс целомудрия. Который не даст тебе кончить.

— Ты шутишь? — Это же доисторическое приспособление! — Ты что, постоянно практикуешь такие штуки?

— Едва ли. Мне плевать, кончит партнёрша или нет. К тому же, я не с кем не общался достаточно долго для того, чтобы вообще использовать эту игрушку.

Блестящий металл так и притягивал мой взгляд.

— Где ты это достал? — И почему я не могу отвести глаз? *Intrigante*. Очень интригующе.

— У частного мастера. Срочный заказ.

— Почему я?

— Потому что твоё тело принадлежит мне. Я его купил и владею им за всё, что ты натворила. Над этим телом мне нужен полный контроль.

Моя спина встретилась со стеной.

— Ты имеешь в виду контроль над моей сексуальностью?

Уперев руку в стену над моей головой, он склонился ко мне.

— *Да*. — Я была готова сообщить ему, куда он может засунуть этот пояс, когда он добавил. — Будет только справедливо, раз ты сама контролируешь меня до такой степени.

— Что это значит?

— От одного твоего взгляда у меня встаёт и начинает капать, как у озабоченного подростка, хотя раньше я ничего такого не испытывал. Делаешь со мной такое *ты*. Считанные минуты назад я кончил тебе в горло так, что у меня глаза закатились, а теперь... — Он дёрнул подбородком на проявляющуюся эрекцию. — Так почему бы мне не контролировать тебя в свою очередь?

От такого признания у меня рот открылся. Значит, я на него влияю. Я. Мужчина с его опытом, познавший столько женщин по всему миру, нашёл во мне что-то особенное.

Как и я в нём.

— Я надену это на тебя, и тебе понравится. — От того, что сулил его взгляд, моё сердце в предвкушении забилося сильнее. Его голос звучал уверенно, так, словно он знал обо мне что-то особенное, то, чего не знала я *сама*.

Поспешно проведя анализ рисков, я решила всё же опробовать эту штуку. В конце концов, я всегда могу её снять.

— Раздвинь ножки, *lapochka*, — попросил он, прекрасно угадав мои мысли.

Глядя ему в глаза, я обнаружила, что раздвигаю ноги.

Вещица, которую он просунул между ног, была полоской металла, широкой спереди и узкой сзади, таким образом напоминая стринги. Выстланный изнутри бархатистой тканью, металлический пояс накрывал клитор, оставляя губки торчать немного снаружи, и уходил дальше между ягодиц. Оба конца пристёгивались к металлическому обручу вокруг талии. Я

удивилась, насколько туго он сидел и как безупречно облегал.

Он подёргал пояс, чтобы убедиться, крепко ли тот сидит. И прежде чем я смогла возразить, быстро защёлкнул сбоку маленький замочек.

— Ты, дьявол, не сказал, что здесь замок!

— А ключ будет у меня. — На шею он повязал тонкий кожаный шнурок, с которого свешивался ключик.

Я резко вздохнула, ошеломив себя тем, что эти ключик и замочек выглядели так сексуально. словно эротический медальон, обе половинки которого, соединяясь, точно подходили друг другу.

Мне было просто необходимо сейчас кончить. Без доступа к клитору все мысли в голове крутились именно вокруг этой маленькой точки.

— Каждый твой оргазм принадлежит мне, Katya. И я подарю их тебе, если захочу. — Он вернулся в кровать — в *мою* кровать — и растянулся под одеялом.

— Ты будешь сегодня спать со мной?

Не открывая глаз, он ответил:

— Это не обсуждается.

— И я должна носить это до утра?

— Если хочешь, чтобы я это снял, уверен, придумаешь способ меня убедить, — и со смешком добавил, — Приятных снов.

Как только его дыхание стало ровным и глубоким — бессонница, как же! — я упёрлась ладонями в переднюю поверхность пояса и качнула бёдрами, отчаянно пытаюсь потереться о внутреннюю поверхность. Тщетно. Я ощутила лишь совсем небольшое давление, которого было явно недостаточно, чтобы кончить.

Его тело излучало волны жара, запах сводил с ума. Вида этого кожаного шнурка вокруг шеи так меня возбуждал, что моя киска, запертая в клетке, начала подрагивать. *Просто агония!* Перевернувшись на живот, я вжалась в матрас, подавляя стон.

Когда измучившись, я, наконец, уснула, то в продолжение дневной пытки продолжала видеть русского во сне. Его потерянный взгляд, когда он впервые дотронулся до меня языком. Хрипловатые слова благодарности, когда я глубоко заглатывала его член.

Проснулась я уже после заката с пульсирующим клитором и сосками, торчащими сквозь простыню, как две стрелы. А прямо рядом со мной лежал лучший из мужчин. Почти два метра мускулов, силы и скрытой сексуальности.

Ночью он перевернулся на живот, согнув одно колено. Закусив губу, я стащила с него покрывало. Как я и предполагала, шрамы на его спине больше меня не беспокоили, чего нельзя было сказать об остальном теле. Вид его задницы, твёрдого сплетения мышц с чёткими впадинами по бокам заставил меня застонать. При этом его член покоился на кровати, вытянувшись вниз. Тяжёлая мошонка выглядела тёплой и расслабленной.

Аппетитной. Я подумала, а не воспользоваться ли мне всеми преимуществами ситуации? Когда я смотрела на него спящего, ответ казался очевидным. *Конечно*, стоит. Надо ли вообще спрашивать?

Я устроилась у него между ног. Положив ладони на ягодицы, опустилась ниже и провела языком по твёрдой головке. Севастьянов, застонал и проснулся. Из щели выступила капелька влаги, которую я слизнула. Сразу же выступила вторая; *más para mí*.

Член встал так, что мужчине пришлось перевернуться на спину.

— Не могу решить, какая из твоих сторон мне нравится больше: вспыльчивая Кэт с выпущенными коготками или моя сладкая Катя, которая устроилась между ног, чтобы насладиться моим членом в своё удовольствие.

Я поднялась на колени, бесстыдно лаская свою грудь.

— С этой штукой я больше не выдержу, Максим.

— Тогда поздравляю, твой язычок только что меня убедил. — Он снял ключ и открыл замок с таким чувственным нетерпением, что я ахнула. Может, я рискну снова пережить несколько мучительных часов, чтобы потом увидеть этот первобытный мужской взгляд. К тому моменту, когда он меня освободил, от нетерпения я уже просто мурлыкала.

Он снова решительно лёг на спину.

— Оседлай меня.

Русский выглядел очень сосредоточенным.

Я облегчённо вздохнула. *От счастья*. Но когда передвинулась, чтобы оседлать его член, он сказал:

— Мне ещё нельзя в тебя войти. До вечера я ни разу не смогу тебя "энергично" трахнуть.

Это врач так сказал? Тогда что я должна оседлать?

Обхватив мои бёдра, он усадил меня прямо себе на лицо.

— Оу!

Вытянув руки, он накрыл большими ладонями мои груди, ущипнув чувствительные соски.

— Покажи, где болит.

Всхлипнув, я уронила руки и раскрыла киску прямо над его ртом. Это входит в моё наказание за "обман"? *Más, gracias.*

Он потёрся лицом о внутреннюю поверхность бедра, пощекотав меня утренней щетиной. Потом убрал мои пальцы, заменив своими.

Широко развёл складочки. Я чувствовала на себе его жадный взгляд.

— Вот здесь болит? — Он лизнул самый краешек плоти у входа.

Я чуть мгновенно не кончила.

— А-а! Да, *Ruso! М-м-м!* — Стонала я, уткнувшись в тыльную сторону ладони.

— А здесь? — Его сильный язык скользнул по пульсирующему клитору.

— *О — Dios — mio!* — Я выгнула спину.

Он остановился, словно о чём-то раздумывая. А потом, без предупреждения, втянул клитор между губ.

От удивления мои глаза широко распахнулись, а из лёгких вырвался вскрик.

— Максим! Я кончаю! — Совершенно забывшись, я вцепилась ему в волосы, пока он высасывал меня досуха. Рот его не знал пощады. После ночи, проведённой в страдании, я ёрзала в забытьи прямо на его лице.

Снова и снова.

Выдав всевозможные стоны, я попыталась с него слезть, но он крепко меня удерживал, продолжая вылизывать.

— Нет, пусти! — мои ноги дрожали. — Это слишком!

Он не обращал внимания на мои протесты. Словно в агонии наслаждения, его глаза закрылись, а из груди доносилось низкое рычание. Затем он резко увеличил скорость, подталкивая меня к новому оргазму. Одно касание его зубов...

— Это слишком! — Я вцепилась в изголовье кровати, пытаюсь вырваться.

Его загорелые руки обвили мои бёдра и крепко прижали к себе. Как только киска оказалась вновь напротив его рта, он напряг язык — и принялся им меня трахать.

— *А-а-а!* — Не в силах сопротивляться, я вновь расположилась над его ртом, принимая этот горячий язык. Севастьянов, словно забывшись, сильно стиснул мои бёдра. Мысль о том, что я вызываю в нём такую неконтролируемую реакцию, лишь взвинтила желание.

— Ты заставишь меня снова кончить, *Ruso*. Не могу сдерживаться. — Ощущения переполняли. Вибрации от его рычания в моей киске. Сильный язык, врывающийся в самую серединку вновь и вновь. То, как его щетина покалывает беззащитные губки. — Пусть я кончу, пусть я... мне это *НУЖНО!*

Меня накрыло оргазмом, даже сильнее, чем в первый раз. Я стиснула его лицо, плавясь на его языке, утапливая в нём мою плоть.

Когда дрожь утихла, я взмолилась:

— Пожалуйста, Максим, не надо больше. *Por favor.*

Он меня отпустил. Сразу обмякнув, я сползла на бок.

Тяжело дыша, он качнул бёдрами, отчего его член гордо взвился вверх.

— Хочешь посмотреть? — Взяв увитый толстыми венами ствол в кулак, он принялся

мастурбировать. Слизывая с губ мой сок, он продолжал дрочить, его бицепсы бугрились, тяжёлая мошонка с каждым толчком раскачивалась.

Я свернулась рядом клубочком, расположив для лучшего обзора голову на его животе. Я ещё ни разу не видела, как мужчина, мастурбируя, кончает.

Приближаясь к кульминации, он согнул колени. Мышцы пресса под влажной кожей напряглись.

— Если не хочешь... чтобы я кончил на тебя... возьми в рот головку.

Я наклонилась вперёд и обхватила головку губами. Принялась сосать, впившись ногтями в его бёдра, пока он двигал рукой.

— Моя красотка собирается выпить всё до капли? — Я согласно простонала.

— Я вылью в тебя всё. Заполню до краёв. — Свободную руку он положил мне на затылок, удерживая голову на месте — словно боялся, что я передумаю и отстранюсь.

Практически вне себя, он воскликнул:

— Когда ты вдавливала в мой рот свою сладкую киску, я чуть не обкончался. Ты оседлала мой язык, да, Катя? Чтобы свести меня с ума. Ты скакала на нём, пока не кончила.

Я всхлипнула, на отрываясь от головки. Желая на практике испробовать то, о чём я читала раньше, я вытянула язычок и кончиком нырнула прямо в щель на головке. Вкус пресемени я ощутила ещё до того, как капелька выступила на поверхность.

— АА! Ждёшь — не дождёшься? Ты небесически сводишь меня с ума. — Его член скользил между моих ненасытных губ, вдоль занятого язычка. Он воскликнул: — Выпей меня, Катя! — Его пятки вонзились в матрас, спина выгнулась, и он начал изливаться. — *Бери... бери всё...*

Я пила его подношение, поглощая всё так же жадно, как раньше он вылизывал меня. Снова и снова, снова и снова.

Его конвульсии начали ослабевать, и он прокричал что-то по-русски. Когда он меня отстранил, вакуум во рту из-за плотно сжатых губ произвёл хлопок.

— Никогда не думал, что услышу этот звук, — натянуто усмехнулся он, притягивая меня к себе на грудь. — Никогда не думал, что буду обладать женщиной настолько охочей до моего члена, что мне придётся буквально оттаскивать её от себя.

Обняв за шею, он прижал меня крепче. Другая рука закрыла лицо, мне в ухо бухало его сердце.

Зачем признаваться в таких чувствах, если он всё ещё на меня злился? Может, это было выше его сил? Или мы вернулись туда, где остановились прошлой ночью?

Как только мне в голову пришла эта мысль, он отодвинул меня в сторону. Потом, не оборачиваясь, поднялся с кровати, оставив одну на смятых простынях.

Я по-прежнему сидела в замешательстве на кровати, когда он вернулся, уже приняв душ, побрившись и обернув вокруг бёдер полотенце.

— Как бы мне ни нравилось кормить тебя завтраком и обедом — напрямую из крана — тебе нужна и нормальная еда.

Я бросила на него гневный взгляд.

— Теперь ты снова ведёшь себя как козёл. Вечно этот твой кнут и пряник, Ruso. Как мне тебя убедить, что я не собиралась никого обманывать? Мне не нужен ребёнок, ни твой, ни чей-либо ещё — по крайней мере в ближайшие годы. Может, повзрослею до твоих лет — тогда и задумаюсь об этом.

— Значит, всё произошедшее — просто совпадение?

— Ты *сам* мне позвонил и заставил прийти!

— А ты воспользовалась моей слабостью! Я прекрасно понимаю, что являюсь лишь одним из многих твоих клиентов. И эта ночь была лишь одной в череде многих других. И ты хочешь, чтобы я поверил, будто ты была настолько беспечна? Хотя это — твой хлеб?

Мне хотелось завизжать, что всё не так. Но разве я сама не согласилась взять деньги уже за второе свидание подряд?

— А это — твоя жизнь! День, когда у меня будет ребёнок от кого-то вроде тебя... — я осеклась. — Этот день *никогда* не настанет. С твоим богатством существует лишь одна проблема, Севастьянов, к нему прилагаешься *ты*.

— Расскажи об этом кому-нибудь другому. Я обеспеченный, привлекательный мужчина в мои лучшие годы. И у тебя уже зависимость от моего члена.

— Может, и так. Но это не означает, что я буду привязана к тебе до конца своих дней. — Мои нервы были уже на пределе. — Зачем тебе общаться с женщиной, о которой ты так плохо думаешь? Раз ты считаешь, что я использовала бы ребёнка — *ребёнка!* — для шантажа.

— Может, я заслужил такую лживую женщину, которой всегда опасался. Может, я оставлю тебя навсегда. Будешь моей Нижней, а я — твоим Верхним. Пока мне не надоест.

— *En tus sueños*, ты, псих-параноик! — В твоих снах!

Он раздражённо фыркнул.

— Думаешь, мне нравится быть таким параноиком? — С каждым словом его голос звучал всё громче и громче, пока не перешёл практически в крик. — Знаешь, как, блядь, бесит, когда всем от меня что-то нужно? Когда верить никому нельзя?

— *En serio?* Всем от всех что-то нужно! — проорала я в ответ. — Так уж устроен мир! Думаешь, ты один испытываешь трудности с доверием? Я — сама — не — верю — никому! Бедненький богатенький мальчик, если ты богат — это не значит, что у тебя больше проблем — они у тебя просто другие!

— И какие же твои проблемы могут сравниться с моими? Ты молода и красива. Зарабатываешь на жизнь ёблей и минетом. Наверное, не можешь выбрать, каким цветом покрасить ногти перед очередным свиданием?

— Ты даже понятия не имеешь! *No tiene idea!*

— Расскажи!

Сверни тему, Кэт!

— Моих секретов ты не узнаешь! Ты не заслуживаешь от меня ничего, и в последнюю очередь — ребёнка!

— Нет? Значит, всё, что я о тебе узнал, это что ты собираешься решить эти проблемы, продавая собственное тело. Bravo. Замечательная идея.

У меня челюсть отвисла.

— *Hipócrita!* Собираешься попрекать меня работой в эскорте, хотя сам поддерживаешь эту индустрию собственным членом? Малыш, прочесть тебе лекцию о законе спроса и предложения?

— Да, у меня есть недостатки, но ты ещё так молода... — Он провёл ладонью по лицу. — Ты могла бы найти другую работу. Могла бы подать заявку на стипендию или кредит, поступить в колледж. Америка — это же, чёрт возьми, страна студенческих кредитов! Деньги можно одолжить у родственников или друзей, пока свои не накопишь. Да всё, что угодно, кроме торговли собой.

— Удивительно. Думаешь, что всё про меня понял.

— Сколько мужчин знали твоё тело? Сто? Двести? Тысяча? Должен был быть другой способ.

Я изобразила на лице удивление.

— Действительно, как это я раньше не подумала! — Стерев удивление с лица, я добавила зло: — с чего ты вообще перешёл на эту тему? Я, вроде, тебе ни на что не жаловалась.

— Нет, зато развела с будущим отцовством!

— Я знаю, зачем ты меня здесь держишь, и это не имеет ничего общего с мстостью. Очень удачно ты выдумал все эти обвинения. Ты пойдёшь на что угодно, лишь бы держать меня здесь для собственного наслаждения. *Именно* меня.

— О чём это ты?

— Ты нанимал эскортниц и разработал сценарий, потому что не хотел ни к кому прикасаться. Ты порол девушек не потому, что тебя били в детстве, а потому, что *не хотел до них дотрагиваться*. — У него заходили желваки. В яблочко. — А потом появляюсь я, залезаю на тебя верхом, и выясняется, что ты это терпишь. Тебе даже *понравилось*. Я для тебя особенная. Что-то есть во мне такое, что заставляет твой член указывать на север. Неудивительно, что меня ты хочешь сильнее, чем я тебя — я способна но то, что неподвластно больше никому.

Он подошёл ко мне, обхватив одной рукой за шею. Лихорадочный блеск его глаз должен был бы заставить меня нервничать.

Но я не смутилась ни на секунду.

— Будешь отрицать, *Ruso*?

— Нет. Как только я впервые к тебе приблизился, то понял, что мне пиздец. — Он усилил хватку. — Я увидел веснушки у тебя на носу и что глаза у тебя цветом напоминают новые монетки. Ты пахла, как само наслаждение.

Я медленно выдохнула.

Он уронил руку.

— Так что я *буду* держать тебя здесь до тех пор, пока не смогу избавиться от этого наваждения. — Конечно, это рано или поздно *пройдёт*. — И если думаешь, что мои яйца у тебя в руках, значит, ошибаешься.

Я постаралась, чтобы мои слова прозвучали как можно высокомернее:

— У меня монополия на *саму себя* — я контролирую предложение того, но что у тебя есть спрос. Так что твои яйца действительно у меня в руках! О, *querido*, от такой тяжести мои руки уже затекли.

— Я закончу с тобой, — пообещал Севастьянов. — Дай лишь время.

После ссоры я включила радио и нырнула в бассейн в купальнике, ну как в купальнике — в одних стрингах.

Я обнаружила их в маленьком пакете с логотипом отеля — свежестырированными. Шёлковые трусики были полностью закрыты спереди и вполне могли сойти за купальные. Отсутствующий верх? Сделаю вид, что я из Европы.

Я больше часа плавала кругами. Без ежедневных пробежек, уборок в домах и погонь за автобусами по всему городу во мне скопилось слишком много энергии.

Плюс четвёртое правило — я не могла позволить себе размякнуть. Начинать с нуля в новом городе всегда непросто. Я буду готова.

К несчастью, моё возбуждение никуда не делось, и соски всё ещё были твёрдыми. Без лифа по ним свободно струились потоки воды, ещё сильнее меня заводя и волнуя. Порочный круг.

— Следишь за фигурой для сладких папиков, — заметил Севастьянов, выходя к бассейну. На нём был угольно-серый с иголочки костюм и выражение лица "*все подчиняются мне*". — Очаровательно. — Он уменьшил звук радио с помощью водонепроницаемого пульта.

— Кто знает, когда я тебе надоем? — Я покачивалась на поверхности воды. — Ты можешь отправить меня к моим папикам прямо сегодня, в их потные цепкие объятия.

Он сжал челюсти, вновь заходили желваки. Ревнуешь, *Ruso*?

— Я уйду и не вернусь до вечера.

— И что я должна целый день делать?

— Думай, как я тебя накажу.

— А ГУЛАГ есть в списке? Или колония, в которой содержат Pussy Riot? Сэр, я бы предпочла ГУЛАГ, пожалуйста.

Проигнорировав моё высказывание, он спросил:

— Ты нарушишь мой приказ и будешь ласкать себя, когда я уйду?

Стану ли мастурбировать? После крышесносящего утреннего орального оргазма, не говоря уж о ночи, проведённой в поясе верности? Не зная, чем себя занять?

Да, чёрт побери.

В его глазах появился тот самый дьявольский блеск. И моё сердце сразу же пустилось вскачь. Мы оба знали, что я собираюсь выпустить пар, но он думал, что я солгу, лишь бы избежать пояса.

И хотя этот пояс сводил меня с ума, я практически *жаждала* ощутить его снова. Я жаждала увидеть в его взгляде это сексуальное предвкушение, когда он запирает этот замок — и когда потом отпирает.

Я была уверена, что пояс будет пыткой не только для меня, но и для него тоже. Я подозревала, что русский целый день только и будет думать о женщине, которой "обладает", о любовнице, запертой и страдающей в поясе целомудрия.

О своей первой любовнице.

Кожаный шнурок обовьёт сильную мужскую шею — словно я сама надена на него ошейник. Металлический ключ будет жечь кожу на груди.

С этими мыслями я вздёрнула подбородок и сообщила:

— Собираюсь весь день медленно ублажать себя руками.

Максимо шокадо. Кулаки сжались, ноздри раздулись, глаза... зажглись восторгом.

Я только что сделала русского очень счастливым.

— *Вот ведьма!*

— *А ты чёрттов дьявол!*

Когда спустя всего два часа Севастьянов вернулся, мы столкнулись друг с другом, сцепившись в объятьях, целуясь и стаскивая друг с друга одежду.

Прежде чем уйти, к поясу он добавил толстое короткое дилдо. Кончить с ним я не могла, так как глубоко оно не проникало, а лишь дополнительно сводило меня *с ума*.

Он пробормотал прямо в мои губы:

— Не мог больше ни о чём думать

— Ты не предупреждал о том, что делает это дилдо!

— Пришлось досрочно прервать эту чёрттову встречу. — Его акцент был сейчас гораздо заметнее. Он пинком скинул туфли. А когда стаскивал носки, я чуть не задушила его галстуком.

— Я страдала, катаясь по кровати и пытаюсь кончить, щипая себя за соски.

Он застонал, посасывая мою нижнюю губу.

— Я чуть не передёрнул в туалетной кабинке.

— Я целый час трахала твою подушку.

— *Блядь!* — Стянув рубашку через голову, он приказал, — Сними с меня эти чёрттовы брюки! — Я сдёрнула их вниз. Увидев на его серых боксерах в центре влажное пятно, стянула и трусы тоже.

Оставшись голым, он схватил ключ и потянулся к моему дрожащему телу. Открыв замок, вынул из меня дилдо, а пояс отбросил на кровать. К ноющей киске сразу же устремились мои пальцы — одновременно с его. Посмотрев друг другу в глаза, мы оба казались ошарашены тем, насколько там было влажно и горячо.

Он поднес дрожащую руку ко рту, принимаясь лизать пальцы, а его член запульсировал, подпрыгивая, будто стремясь к моим трепещущим губкам. Головка покрылась влагой, которую я, протянув руку, тут же растёрла большим пальцем.

— Ведьма. — Его пальцы вернулись к своей работе.

— Дьявол, — простонала я, задыхаясь.

— Скажи, что не хочешь никому принадлежать.

— *Только после тебя.* Я носила твой замок. А ты — мой ключ, не правда ли? Сколько раз ты до него сегодня дотронулся? — Я взяла его за член и повела к постели, опять ошарашив Севастьянова.

Но затем его большие ладони накрыли мои бёдра и приподняли над полом. Он бросил меня на матрас так, словно я совсем ничего не весила. Стоя рядом с кроватью, он подтянул меня к себе за лодыжки, и моя попа оказалась на самом краю.

— Раздвинь ноги.

Я согнула колени, позволяя им свободно раскинуться в стороны. Рука опустилась между ног, пальцы раздвинули губки так, что я ощутила, как прохладный воздух покалывает меня внутри.

— Здесь тебе хочется быть, *querido*?

Его трясло от желания, голос, надломившись, стал звучать ниже:

— Твоя киска — *prekrasna*.

Я задохнулась.

— Вся твоя.

Когда он поместил головку прямо у входа, я застонала.

Головка только нырнула, но я уже принялась извиваться. Я могла кончить просто так. Буквально через несколько секунд. Я измучалась, сходя с ума по сексу. Его член — обжигающий, пульсирующий и готовый ублажать — был просто сокровищем по сравнению с тем дилдо.

— Не заставляй меня ждать, *Ruso!*

— Поиграй сиськами. Ущипни снова эти пухлые сосочки.

Я обхватила груди, выкручивая нежные соски, выгибаясь под собственными прикосновениями.

Он издал тот самый рык, сводящий меня с ума.

— Посмотри на себя. — Взгляд из-под полуприкрытых век скользил по мне. — Такого тела, как у тебя, просто не существует. — Его большие руки сжали щиколотки, подняв мои прямые ноги в виде галочки. Он потёрся щекой о лодыжку, затем поцеловал нежную кожу.

Я радостно застонала, не подозревая, насколько чувствительное у меня там место.

Потом он чуть присел, будто собираясь что-то поднять — или же войти в меня куда сильнее, чем прежде.

Я сглотнула.

— Будешь трахать меня изо всех сил? — От предвкушения у меня пальцы на ногах подогнулись.

— Да. И ты меня примешь. — Его огромное тело ринулось вперёд, до основания вгоняя в меня член. — *A-a!*

— *Максим!* — вскричала я.

— *Детка?* — простонал он. — Уже?

Когда я ощутила внутри взрыв наслаждения, мой стон превратился в крик.

— *О, Боже!*

С каждым спазмом я сжимала его глубинными мышцами.

— Чувствую тебя! — Он скрежетал зубами. — Сейчас я... *тоже*. — Он остановил вхождение, и, вместо того, чтобы погружаться в меня, принялся вращать членом по кругу.

Я стонала и извивалась, а он вызывал во мне волну за волной, отчего я снова и снова уносилась куда-то за облака. Наконец, постепенно, я успокоилась. Из-под полуприкрытых век следила, как он изо всех сил сдерживает своё извержение.

Его мышцы бугрились, давление на мои щиколотки усилилось.

— Когда кончаешь, я должен быть *внутри* этой хватки... — Он осёкся, словно эта фраза уже довела его до пика. Он задрожал, и его пресс, покрытый капельками пота, прижался к задней стороне моих бёдер.

Он резко тряхнул головой. Несколько напряжённых секунд пытаюсь восстановить контроль. Я могла поклясться, что чувствовала, как его семя отступило обратно.

— Ты не спросила разрешения, *Katya*. — Он свёл мои ноги вместе, придерживая одной рукой. Потом приподнял за щиколотки так, что моя киска оказалась на одной высоте с его членом. Я касалась кровати только плечами и головой.

Расположив меня по собственному желанию, он вышел до самой головки, а потом всем телом загнал член обратно. Снова. И снова. Каждый раз мошонкой шлёпая по моей попке.

Кровь прилила к голове, руки раскинулись в стороны. Я только и могла, что лежать,

принимая его страсть. Только принимать, осознавать и чувствовать. По мне пробежала дрожь, и в эйфории я вытянулась назад.

— Ты улыбаешься, красотка, — прохрипел он. — Нравится, как тебя трахают? — Его бёдра работали, словно отбойный молот! — Мой член делает тебя счастливой?

Я простонала:

— Да.

Эти движения и моя беспомощность, его напористость и вид этих мощных работающих мускулов — всё вместе опять несло меня к кульминации. Я пыталась выгнуться навстречу его рывкам, подстёгивая оргазм.

— Ты вновь готова кончить? Спроси моего разрешения, Katya!

Я помотала головой.

— Нет!

Гневно толкнувшись, он приказал:

— Задай этот чёртов вопрос!

— Хорошо, хорошо... Сколько раз сегодня ты трогал этот ключ?

— Непослушная ведьма! — В наказание он вцепился в мои ноги и вошёл в меня со всего размаху.

— *Максим!* — Я рухнула в пропасть. Меня охватил раскалённый добела восторг, проникая в каждую клеточку тела. С каждым спазмом киска сжималась вокруг его ствола, вынуждая последовать за моим удовольствием.

— *A-a!* Ты просто вытягиваешь её из меня! Сейчас уже не сдержусь! Ты всё получишь...

Его спина резко изогнулась, мышцы пресса напряглись. Откинув назад голову, он закричал:

— *Katya!*

Семя ринулось из него такой мощной струёй, что я всхлипнула; эта горячая жидкость омывала всё изнутри, словно бальзам. Я наблюдала за его конвульсиями, замороженная точёными очертаниями его тела, его натянутыми сухожилиями. Хриплый вопль, вырвавшись из его груди, эхом отразился от стен.

Потрясённая случившимся, я смотрела на Севастьянова, шепча его имя.

Но как только наш оргазм поутих, он вновь начал двигаться, оставаясь по-прежнему твёрдым, погружаясь в наши перемешанные соки. Значит, он только-только разогрелся.

Вес его тела навис надо мной, придавив колени к груди. Глядя прямо в глаза, он произнёс:

— Я трогал этот ключ *непрерывно*.

На пятый день моего пребывания в этой роскошной тюрьме горничная тайком передала мне телефон от Иванны. К счастью, Севастьянов отлучился по делам.

Я сразу же ей позвонила.

— Я готова тебя расцеловать!

— Так это правда? Севастьянов не разрешает тебе никому звонить?

— Ага, держит меня взаперти. — Найдя в кабинете водостойкий маркер, на зеркале над раковиной я нарисовала пять чёрточек, словно отмечая дни, проведённые в тюрьме. Севастьянов обиделся: "Другая бы просто убила, лишь бы оказаться на твоём месте!"

Ходить в футболке, не зная, чем заняться и носить пояс целомудрия?

Сегодня утром он вновь надел на меня эту штуку. Потом уверил меня, что посетит все свои запланированные встречи и не вернётся до заката. Он не подозревал, что всё это время неосознанно тербил висящий на груди ключ.

— А почему он... держит тебя взаперти? — спросила Иванна.

— Потому что он абсолютный параноик! Думает, что я пыталась заарканить его с помощью беременности. — Он всё ещё так думал.

— Почему, ради всего святого?

Я прочистила горло.

— Потому что у нас был незащищённый секс во время моей овуляции, а противозачаточные я не принимала. *Однако.* Я признаю, что выглядит всё это не очень, но я никогда не пыталась никого заарканить. Я никогда не пила столько шампанского — я была пьяна в стельку. — Я потёрла виски. — Я не просила его кончать в меня, но не сказала ему этого не делать.

— Всё нормально, Кэт. У многих моих подруг из эскорта "случайно" рвался презерватив — после того, как они прокалывали иголкой всю пачку.

— *En serio?* Ужас.

— Это не общепринято, но когда доживёшь до моих лет и осознаешь, что впереди осталось всего два или три года нормальной работы... Я же не ходила в техникум и не откладывала на пенсию. Если я не выйду замуж за состоятельного мужика, мне придётся проедать сбережения, вместо того, чтобы перевезти сюда свою семью.

И всё равно я была шокирована.

— Ты бы так поступила? Заарканила бы клиента?

— При удачных обстоятельствах.

— Нет, ты бы не смогла. Не говори так!

— Не суди меня, Кэт. У меня семнадцатилетняя сестра и больная мать, живущие в бедности, они каждый день ложатся спать под звуки выстрелов. Ради них я готова на *всё*. Заарканить мужчину? В мгновение ока. Разве ты не сделаешь того же для своих близких?

Я выдохнула.

— Извини, что была *criticono*. Что осудила тебя. — Как-то я увидела футболку с надписью: "*Кто больше всех судит, тот меньше всех проживёт*" — Но, для протокола, я не устраивала специально *preñada*.

— У тебя всегда есть этот способ, знаешь ли. Всегда будет следующий месяц.

Мысль об этом вызывала тошноту.

— Иванна, когда я решила, что могу оказаться беременна, мне словно врезали в солнечное сплетение. Я никогда ни перед кем не рыдала, но в тот момент была к этому близка. Я только и твердила "*постинор, постинор*" — как молитву.

— Так вот как ты с этим справилась?

— Нет, явился врач, поставил мне укол и всунул спираль — чтобы уж совсем наверняка. Каждый из способов даёт девяносто с чем-то процентную гарантию. Сложи их вместе и получишь — одного русского-параноика. Впрочем, я вздохнула с облегчением. Забеременеть было бы самой большой глупостью. Севастьянов, наверное, думает, что я идиотка. — Я подтянула колени к груди, словно защищаясь. Почему-то я считала само собой разумеющимся, что он в это не поверит. — Почему бы ему так не думать? Я вылакала несколько бутылок шампанского и потеряла бдительность с незнакомцем. Я *никогда* не теряла бдительность. И не потеряю впредь.

— Очевидно, он также потерял бдительность. Ты вообще задумывалась, с чего ему быть параноиком? Он связан с криминалом И занимается политикой — разве найдётся человек, менее склонный к доверию? Наверняка он убедился, что, доверившись другому, навлечёшь на себя беду. — *Примерно в 100 % случаев!* — И, может, спираль тебе поставили именно для того, чтобы Севастьянов мог и далыт с тобой развлекаться?

Я прищурилась. Ничего такого я не просила.

— Тогда, возможно, он не такой *paranoico*, а куда больший *manipulador*, чем я думала.

— Говоря о манипуляции, тебе стоит знать, что мне звонил доверенный человек Севастьянова и задавал о тебе разные вопросы.

Василий!

— Что ты ему сказала?

— Почти ничего, потому что было понятно, что ты задумала — и это сработало! Будь уверена, что я буду держаться твоей версии. Впрочем, я в любом случае почти ничего не знаю. Я сказала, что у тебя нет машины, и что ты много поёшь. Сообщила, что, уплетая эти кошмарные наборы пирожных, ты пребываешь на седьмом небе от счастья и лыбишься потом до самого вечера. Также упомянула, что меня ты обожаешь и обещала всегда обо мне заботиться.

Я с облегчением выдохнула.

— Спасибо.

— Так что там у тебя с Севастьяновым? Раз уж вы стали жить вместе.

— Мы много ссоримся. — После секса, как только мы встаём с кровати — или с дивана или с пола — он вновь покрывается коркой льда.

Вчера, как только мы немного перевели дух, он притащил меня в кабинет и усадил за компьютер. Без доступа в интернет, естественно.

— Займись кое-чем полезным. — На экране возник пятнадцатистраничный документ на испанском. — Переведи и распечатай. У тебя три часа.

В документе шла речь о панамском канале. Я начинала подозревать, что в Майами он приехал, чтобы воспользоваться преимуществами будущего расширения канала. Интересно.

Три часа спустя я обнаружила его в гостиной разговаривающим по телефону с братом Дмитрием.

После каждого разговора с братом его настроение резко портилось, и ничто, казалось, не могло это исправить. И всё равно он разговаривал с ним очень много. Иногда я даже слышала, как Дмитрий кричал в трубку, но Севастьянов ни разу не повысил голос и не

разозлился в ответ. Будь я Максимовой девушкой и не будь мне на него наплевать, я бы эти разговоры урезала.

Когда я бросила ему на колени распечатку, он завершил разговор. Словно приступая к неприятной работе, он выдохнул и перевернул первую из пятнадцати одинаковых страниц.

ИДИ НА ХУЙ! ИДИ НА ХУЙ! ИДИ НА ХУЙ! ИДИ НА ХУЙ!

ИДИ НА ХУЙ! ИДИ НА ХУЙ! ИДИ НА ХУЙ! ИДИ НА ХУЙ!

Развернувшись на каблуках, я удалилась в свою комнату.

— Не может же всё быть так плохо, — проговорила Иванна.

— Нет, не всё. Иногда мне здесь даже нравится.

С Севастьяновым и целым этажом вооружённой до зубов охраны я впервые за много лет чувствовала себя в безопасности. На вершине этого небоскрёба я привыкала к роскоши, к отсутствию необходимости драить туалеты, к изысканной пище, к видам из окна, которые можно разглядывать вечно. Из зеркала на меня смотрела другая женщина — светящаяся кожа, чистые глаза, никаких тёмных кругов.

Я официально подзарядила батарейки и начинала... скучать. Я не скучала целых три года!

Я исследовала имеющуюся в пентхаусе библиотеку (потому что номер площадью в тысячу квадратных метров подразумевает наличие библиотеки). У бассейна я проглатывала книгу за книгой. Потом обнаружила доступ к видео-программам по запросу. Нашла уроки йоги. И даже как-то умудрилась выполнить все упражнения. После этого я решила, что никогда больше не буду посмеиваться над йогой.

— А секс хорош? — спросила Иванна.

— Он надел на меня... он надел на меня пояс целомудрия. — При обычных обстоятельствах я бы никогда ей такого не рассказала, но сейчас просто должна была выговориться.

Она издала грудной смешок.

— Как неожиданно!

— Разве ты согласишься моё негодование? Это же такой архаизм! И я либо ношу его футболку, либо хожу голышом. Так что, вообще говоря, я всегда готова к его услугам.

— Твой акцент усилился, а голос сделался бархатистым. Значит, не только он получает от этого удовольствие.

Я легла на спину, уставившись в потолок.

— Я могу думать только о нём. О его теле. Словно я постоянно под кайфом. Мозг впал в рекурсию, раз за разом проигрывая то, чем мы занимались, и воображая то, чем нам ещё предстоит заняться. Я всё время будто в сладострастном тумане.

— Звучит завораживающе.

— На тебя хоть раз мужчина надевал пояс целомудрия?

Она вздохнула.

— У меня никогда не было настолько заботливого любовника.

Заботливого? Он дал понять, что *вышвырнет меня*, как только наиграется. И что после этого? От меня ничего не останется.

— Не думаю, что такой мужчина вообще способен заботиться, Иванна, он может быть таким холодным. *Por Dios*, у меня кружится голова, если я пытаюсь уследить за сменами его настроения.

И всё-таки... иногда он был воплощением мечты. Этим утром, занимаясь любовью, он

прижал мои запястья над головой. А потом, переплетя пальцы, сцепил наши руки вместе.

Ключик и замочек. Одно целое.

Наслаждение, которое он мне доставлял, было неопишным. В те сладкие минуты в сумерках, после секса он обнимал меня так, как ни один мужчина прежде. Перед этим, когда мы оба пытались перевести дух, он признался:

— С тобой я едва могу сохранять контроль. Что самое странное, меня это устраивает.

Однако затем он вновь стал холоден.

Иванна заметила:

— Несмотря на смену его настроений, похоже, он тебе нравится.

Будь я честна сама с собой, я бы с этим согласилась. Мне нравились его находчивость и настойчивость. Его страсть. Но только идиотка западёт на такого парня.

Кроме того, если я начну что-то к нему чувствовать, это будет означать, что по-любому надо ждать неприятностей. Каждый импульс довериться должен служить знаком этого не делать. *С наукой не поспоришь.*

Иванне я сказала:

— Я просто хочу на свободу.

— Ты можешь на него запасть?

— Я... может быть? — *Idiota!* — Не хочу это выяснять! Вот почему мне надо обратиться от него как можно быстрее!

— *Почему* ты не хочешь *быть* с ним? У тебя уже есть отношения? Есть мужчина?

Да, рыскающий по городу, чтобы меня убить! Я невесело усмехнулась.

— Да уж. Можно сказать, что у меня уже есть отношения с другим мужчиной.

— Расскажи!

Я вздохнула:

— Может, в другой раз.

— Отлично. Тогда давай обсудим конец игры. Находясь в таких тесных отношениях с Севастьяновым, тебе удалось что-нибудь узнать о его прошлом? Какие-нибудь грязные секретки? Мы можем продать информацию прессе.

— Грязные секретки? Их я храню лучше всего.

— Значит, не скажешь, что он делает в Майами?

Я могла бы предположить, что Максимилиан Севастьянов скупает недвижимость. Из доступных мне обрывков информации следовало, что Майами являлся ближайшим супер-глубоководным портом, что подразумевало тонны будущих грузов, которым понадобятся склады, инфраструктура и железнодорожные пути.

Но я ответила Иванне:

— Разве не затем, чтобы обзавестись ровным загаром?

— Ясно, — понимающе протянула она. — Выше нос. Теперь у тебя есть мобильник, и ты можешь всем звонить. Может, твои друзья смогут сделать нечто большее, чем контрабандой пронести телефон?

— Ты права. Провода просто вспыхнут, когда я начну обзванивать своих друзей...

Разъединившись, я накрыла лицо рукой, борясь с искушением швырнуть телефон через всю комнату.

У меня по-прежнему не было друзей. Я по-прежнему носила этот пояс. По-прежнему была заперта вместе с мужчиной, который не мог дождаться минуты, когда сможет от меня избавиться. Я готова была завизжать от досады, когда вдруг выпрямилась, вспомнив об

угрожающем сообщении миссис Эбернати. *Mierda!* Если она позвонит в ФМС...

Я набрала её номер.

— Здрасьте, миссис Эбернати, это Кэт. Подтверждаю тридцать первое. *Sí, señora.* Буду там ровно в девять утра. *Gracias.* — Когда она завела песню о профессиональной этике, у меня челюсть отпала.

Профессиональная этика. У человека без работы.

Я просто нажала "отбой" и спрятала телефон в шкафу гостевой комнаты, услышав, что Севастьянов вернулся.

Уже? Солнце было ещё высоко. Я улыбнулась, когда он взревел:

— *Приди ко мне, ведьма.*

Зная, как это выведет его из себя, этим утром я нарисовала на зеркале шестую чёрточку.

Вскоре после этого он обнаружил меня в бассейне, как обычно неспешно плавающей топлесс под музыку. Он, как обычно, был с иголки одет. Сшитый на заказ тёмно-синий костюм сидел как влитой на широких плечах и узких бёдрах. Тёмные очки повышали градус сексуальности до невыносимых пределов.

Он всегда выглядел безупречно — кроме тех случаев, когда я успевала взлохматить ему волосы. Взяв пульт, он убавил громкость музыки.

— Ты и твоя одежда, Ruso. Сколько стоит этот костюм?

— В американских долларах? Девяносто или около того.

Я ахнула.

— Тысяч?

— Костюмы Дормей Ванквиш не могут стоить дёшево. — Он вздёрнул подбородок и добавил, — я всегда плачу за качество.

Спасибо, что напомнил. Он, как всегда, был так же сексуален и холоден, но чем дольше я здесь оставалась, тем сильнее портилось его настроение.

Так чего же он не вышвырнет меня отсюда? Сегодня я могла мыслить яснее — он разрешил мне провести ночь без своего пояса — но всё равно не могла его понять.

И когда именно этот пояс стал вдруг *моим*?

— Я уйду на всё утро, а потом у меня встреча здесь в три часа дня. Не появляйся в общедоступных комнатах.

— Почему? Не хочешь, чтобы партнёры по бизнесу видели, как твоя заключённая разгуливает в футболке без лифчика?

— Я не должен сообщать тебе причины. Это то, чего я хочу. — *Так сказал король.*

— Если ты вынужден меня скрывать, то почему не прикажешь собрать вещи?

— Останешься здесь, пока я с тобой не закончу.

Ух, от этого я вскипела! Мне хотелось дать ему пощёчину. В такие моменты мне не доставало моей старой жалкой жизни. Несмотря на безопасность и кучу свободного времени, и лобстеров, которых я съела уже столько, что смотреть на них не могла, я тосковала по некоторым вещам.

Например, по работе и бегу. Я скучала даже по учёбе.

— А, понимаю. Севастьянову всё ещё *нужна* эта попка. — Я театрально вздохнула. Полагаю, раз уж мне придётся побыть твоей так называемой заключённой ещё денёк, мне кое-что понадобится. Знаю, что ты предпочитаешь меня босой и не беременной, но эта униформа мне немного надоела.

— Дай мне адрес, и я отправлю кого-нибудь за твоими вещами.

— Такую информацию я тебе не дам. А знаешь почему, *chulo*? Потому что я действительно опасаюсь назойливых клиентов, а нам обоим известно, что я нужна тебе больше, чем ты мне.

Его плечи напряглись. Он высокомерно заметил:

— Как хорошо, что мне насрать, хочешь ты меня или нет. Не испытывай моё терпение.

На этой неделе у меня его почти не осталось.

Я всё-таки проделала брешь в его броне!

— Кстати, об этой неделе. Завтра Сочельник.

— Не напоминай мне. — Арктический порыв ветра. *Неужели кому-то не нравится Рождество?* — Твоему партнёру придётся обойтись без твоих улыбок на праздники. Не забывай, Кэт, ты здесь в моём распоряжении.

С моих губ сорвались испанские ругательства, проклинаящие его и всех его предков. Однако потом я злобно улыбнулась, замыслив сунуть все его костюмы с семизначной стоимостью в джакузи. Для начала.

Он удивлённо посмотрел на выражение моего лица, а потом быстро вышел, по дороге рывкнув что-то Василию. Возможно: "Следи за ней".

Я помариновалась в бассейне следующие полчаса, обдумывая, как ещё можно задеть Севастьянова. В душевой кабине мне пришла в голову идея. Я не могла позвонить никуда за пределы отеля по телефонному аппарату в комнате, но мне оставалось доступным обслуживание номеров.

В последний раз надев его футболку, я позвонила консьержу.

— Я девушка Максимилиана Севастьянова, — сказала я ему. — Мне требуется доставка в номер кое-каких вещей с занесением расходов на его счёт.

— Разумеется. Меня зовут Алонсо, и я буду счастлив Вам помочь.

Muy bien

— Есть под рукой бумага и ручка?

Этот парень даже не поперхнулся, когда я заказала купальники, пляжные накидки, шлёпки, платья, лабутены, косметику и уходовые средства любимых марок. А ещё кучу беговых кроссовок, шорт и спортивных лифчиков.

Ну, и ко всей этой спортивной экипировке я, типа, купила беговую дорожку.

Когда начали прибывать коробки, Василий — самый громадный из всех русских телохранителей, нахмурился, глядя на меня из лобби. Трое новых охранников вместе с ним обыскивали коробки. Невозмутимые, словно роботы, с кобурами и пистолетами напоказ — они в любой момент готовы были *скрутить* любого постороннего на этаже.

Ха! Придётся постараться, Эдвард.

Доставка беговой дорожки заставила Василия нахмуриться так сильно, что даже его лысая голова собралась складками.

— Не умно.

— Севастьянову не надо было заводить нового питомца, не имея возможности за ним следить. Моя порода крайне разрушительна.

На ломаном английском он ответил:

— Босс — это мужчина, с которым лучше не связываться.

— Открою тебе маленький секрет. Я — *та женщина*, с которой лучше не связываться. — Меня вечно недооценивали. Каждый раз, падая, я вновь поднималась, каждый — чёртов — раз. Пока длится мой вынужденный отпуск, в дополнение к плаванию я займусь бегом, что сделает меня лишь сильнее.

Я попросила сотрудников службы доставки установить беговую дорожку перед панорамными окнами в гостевой спальне. Ах, прекрасный вид на океан во время пробежки.

После этого я распаковала коробки и следующие несколько часов примеряла своё добро. Купальники были восхитительны. Я велела Алонсо попросить девушку-консультанта выбрать "дико сексуальные" модели, а в Майами к такой фразе относятся серьёзно.

Съев заказанный в номер обед, я увлажнила кожу лёгким бронзирующим маслом.

Переделалась в алые микро-стринги с крошечным колокольчиком сзади. Мило! Крохотный чёрный бикини-топ едва скрывал ареолы сосков.

Пока я шла к бассейну, каблучки моих домашних туфель цокали в унисон позвякиванию колокольчика.

Убедившись, что на попке в достаточной мере проявилась линия загара, чтобы привлечь Севастьянова, я позвонила Алонсо и заказала в номер услуги парикмахера. Вместе с мастерицей по маникюру. Василий зыркнул на них, но впустил обеих.

Пока Шейла и Вера работали, мы втроём наслаждались доставленными в номер коктейлями «пина колада» с мускатным орехом. Коктейли были настолько вкусными, что я позвонила администратору бара, чтобы передать благодарность от себя или, вернее, от русского:

— Все напитки в отеле сегодня за его счёт. Скажите, что мистер Максимилиан Севастьянов передаёт всем *Salud u Feliz Navidad!*

Вместо чаевых я подарила девушкам лабутены и одежду, которая была мне слишком велика.

Они ушли незадолго до прихода Севастьянова и его деловых партнёров.

Я как раз и сама возвращалась в комнату. *Qué coincidencia!* И действительно приспустила верхний край стрингов, чтобы линия загара была заметнее.

Гости походили на европейских бизнесменов — с некоторыми особенностями. К каждому мужчине в костюме прилагался более крупный и не такой лощёный телохранитель.

И всё равно Севастьянов выглядел куда внушительнее всех их вместе взятых.

Заметив меня, все они споткнулись на месте. Даже Василий приподнял бровь.

Пронизывающий взгляд Максима сулил мечь. Почему же я его не боялась?

Присутствующим я промурлыкала:

— *Buenas tardes, señores.*

Открывая и закрывая за собой раздвижные двери, я устроила целое шоу, зная, как будет двигаться моя попка, и как будет позвякивать колокольчик.

Дзинь-дзинь-дзинь...

Услышав сдавленные стоны за спиной, я, обернувшись через плечо, послала им глупую улыбку.

— *Кто это, Севастьянов?* — задал вопрос один из мужчин.

— *Katya* уже ушла в свою комнату, — выдавил он.

Я прищурилась. *Итак, начнём, русский.* Сейчас я действительно собиралась связаться с "боссом". С этой мыслью я удалилась.

В своей комнате я прошерстила ящики с новой одеждой, выбрала и надела чёрный обтягивающий спортивный лифчик. Ярко-розовые шортики едва закрывали попку. Натянув спортивные носки и кроссовки, я собрала волосы в высокий хвост.

Мне определённo требовалось взять на кухне бутылку воды, прежде чем я приступлю к бегу. *Водный режим крайне важен!*

Я вышла из комнаты. Несмотря на то, что Севастьянов стоял ко мне спиной и ещё меня не заметил, он, видимо, всё понял по выражениям лиц своих партнёров, отчего его плечи сразу напряглись. Рядом стоял Василий, угрожающе качая головой.

— Дико извиняюсь, — сообщила я присутствующим. — Должна взять воды. После сеанса загара ужасно хочется пить.

Когда я шла из кухни обратно, один из мужчин заметил по-английски:

— Не стоит её прятать, Севастьянов. Похоже, за этим столом много *желающих*.

— Таким богатством надо делиться, — добавил другой.

Раздались одобрительные возгласы.

Я как раз дошла до Севастьянова, поэтому остановилась и склонилась над его плечом.

— О, в этом случае делиться нельзя. Я принадлежу только Максиму. Не так ли, *mi tesoro*? — Моё сокровище. — Я мать его детей. *Могла бы* ей быть. Вот столечко не хватило, — для мужчин я изобразила вздох, обжигая ухо Максима своим дыханием. Он весь напрягся. — Понимаете, умом я не блещу и не могу просчитать экономическую неэффективность заведения ребёнка в моём возрасте от чужого мужчины. — Я хихикнула. — Как любила повторять моя бабушка "*пользуйся не мозгами, а маткой*".

— Ты закончила, Katya? — сквозь зубы процедил он.

— *Por ahora*. — Пока что. И на ухо ему я прошептала, — развлекайся на своих нудных переговорах. И помни, что как только я закончу бегать, сразу начну *яростно* себя ласкать. Прикусив мочку его уха, я улыбнулась мужчинам и медленно удалилась.

— Довольна собой?

Стоя под душем, я резко обернулась.

— Севастьянов!

Он прислонился к дверному косяку и наблюдал, как я моюсь.

— Мне больше нравится, когда ты зовёшь меня Максим.

На нём была лишь рубашка с расстёгнутым воротником и брюки.

— Что ты здесь делаешь? Ты сказал, что будешь занят до вечера. — Прошло едва ли больше часа.

Он усмехнулся.

— В Майами все ищут моего расположения. Но никто из них не нужен мне. Услышав, как остановилась твоя беговая дорожка, я просто перенёс остальные встречи. — Он принялся расстёгивать рубашку. Как он умудрялся делать это так угрожающе? — Ты послушалась меня, *kotyonok*.

Моё сердце трепетало, но я всё равно распрямила плечи.

— Скучающие *котята* прыгают по занавескам.

Он обнажил мускулистую грудь. Сразу же захотелось запустить туда коготки. Пробежка, как обычно, меня завела.

— Ты позаботилась, чтобы мои враги — и братья — узнали, что я, наконец-то, завёл женщину. — Он расстегнул ремень. — Очевидно, сегодня я был весьма щедр на подарки для неё. И в целом для всего отеля.

Я была сама невинность:

— Малыш, тебе понравился мой колокольчик? Нет? — И вновь став серьёзной, добавила, — я ни о чём не жалею.

— Ты никогда ни о чём не жалеешь. — Он снял брюки. — Для человека, который не любит ходить по магазинам, ты неплохо потрудились.

— Я не ходила по магазинам. Я лишь сделала жизненно важные приобретения. А могла бы скупить драгоценности, чтобы действительно уколоть тебя побольнее. Ещё я обдумывала, не утопить ли все твои дорожные костюмы в джакузи.

Он продолжал так, словно я вообще не раскрывала рта:

— Я был не вполне готов, чтобы о тебе узнали другие. — Его член подпрыгнул, когда он резко сдёрнул трусы. — Так что теперь я планирую наказать тебя за непослушание.

— Ой, правда? — Я собиралась скорчить мину, а вместо этого голос прозвучал заинтересованно. — И как?

Он вошёл ко мне в просторную душевую зону.

— Я собираюсь тебя отшлёпать.

Он дёрнул меня к себе так, что его член оказался зажат между нами.

Опять БДСМ?

— Я не хочу. Не позволю над собой издеваться.

— Издевательство однонаправлено и имеет целью причинение боли. То, что я с тобой делаю, подразумевает удовольствие и действует в обе стороны. Я, как обычно, буду впитывать твою реакцию.

— Что это значит?

Он неотрывно смотрел на меня своим гипнотическим взглядом.

— Я наблюдаю, как раздуваются твои ноздри — первый признак слабины, означающий, что ты позволишь мне сделать всё, что угодно. Иногда я держу твои запястья, чтобы почувствовать пульс и понять, отчего твоё сердце бьётся быстрее. Даже не прикасаясь к твоей киске, я знаю, когда ты становишься влажной; твоя кожа краснеет отсюда, — он коснулся левой стороны груди и провёл пальцем по коже прямую линию, — досюда. — Уронив руку, он погладил тыльной стороной ладони сосок. — Этот сладкий бугорок всегда твердеет на секунду быстрее другого.

Я судорожно выдохнула.

— А эта золотистая кожа. — Он обвёл линию загара у ареолы. — Если я её лизну, то смогу ощутить вкус солнца.

Меня бросило в дрожь.

— Повернись спиной ко мне и держись за эту трубу. — Он указал на металлическую вешалку для полотенца. — Приготовься к наказанию.

Я что, в самом деле собиралась испробовать новый вид БДСМ? Пояс мне даже нравился, но носить его было не больно.

— Не сопротивляйся.

— *Por Dios*, подожди.

— Чего?

— Я оцениваю риски и выгоды.

Он замер, шумно выдохнув.

— Неужели? Куртизанка, при появлении которой встали члены всех присутствующих, теперь желает оценить риски?

Может, набраться храбрости и пару минут потерпеть? Только чтобы узнать, что это вообще такое? Разве я не решила испытать все стороны его крышесносящего секса, какие только успею? Чтобы исследовать собственную сексуальность?

Он изучающе смотрел мне в глаза. Теперь, когда я приняла решение уступить, мои ноздри и правда раздулись?

Он ухмыльнулся.

— Ну вот. — И развернул меня спиной к себе. — Держись вот здесь. И не отпускай, а то накажу сильнее.

Сглотнув, я протянула руки к вешалке, и, наклонившись, ещё больше раскрыла себя перед ним.

Я просто физически ощущала его взгляд на ягодицах и киске.

— Риски и выгоды, — пробормотал он. — Не знаю, поцеловать ли тебя или отхлестать посильнее.

В такой позе я чувствовала себя совершенно незащищённой. Тогда почему с таким трудом удерживала бёдра в одном положении?

Особенно когда его благословенный палец следовал вдоль линии загара.

— Ты специально продемонстрировала её, когда разгуливала по комнате, полной мужчин. Но всё было только для меня.

— Возможно...

Он шлёпнул по одной ягодице.

В замкнутом пространстве раздался оглушительный звук, поразивший меня не меньше самого удара.

— Ух ты!

Без предупреждения? Вспыхнула боль, пока он не начал своей большой рукой массировать попку, превращая эту боль в... жар.

Член пульсировал, прижатый к его ноге, когда он шлёпнул мою вторую половинку. Шлепок эхом отразился от стен.

— Только посмотри, как колыхнется твой зад под каждым ударом. — И вновь он принялся массировать мышцы, вызывая роскошное тепло. — Уже несколько дней эта плоть требовала хорошей порки. — Сильный шлепок. Массаж. — Я вижу, какой ты становишься влажной. Ты просто создана для этого.

Я начинала подозревать, что он был прав. Жар продолжал распространяться от попки к бёдрам и киске, и дальше — к низу живота.

После следующего удара я, повернув голову, застонала, уткнувшись в свою руку. Он просто идеально массировал.

— Если ты специально вызываешь мою ревность, Катюша, то затеяла опасную игру. — Шлепок. Теперь он дышал тяжелее. — Когда эти мужчины пялились на тебя в одних стрингах, я почувствовал порыв сорвать зубами этот колокольчик и оттрахать тебя прямо перед ними — чтобы они поняли, кто доводит тебя до безумия.

Его ревность пьянила, словно наркотик. Я задрожала.

— Только я тебя трахаю. Больше никто. Я один владею твоим телом. — Шлепок.

Такие слова должны были меня насторожить, но я готова была слушать его бесконечно.

— Ты — моя драгоценная вещь, которую они очень хотят заполучить. — Он только что назвал меня вещью? — А когда другие жаждут того, что принадлежит мне, я их наказываю. И тебя тоже. — ШЛЕПОК.

На этот раз сильнее. Я резко втянула сквозь зубы воздух. Но когда задрала попку для очередного удара, дьявол остановился.

— Почему ты перестал?

— Потому что я хочу трахнуть тебя... — он провёл головкой члена вдоль влажных губок моей киски, — ...сильнее, чем выпороть. Раздвинь ноги.

Я с готовностью подчинилась, и он прижал головку к самой серединке, сжав бёдра горячими ладонями. Без предупреждения резко вошёл, одновременно притянув меня к себе.

От такого толчка я вскрикнула, мне даже пришлось приподняться на цыпочки — но моей смазки было уже достаточно для такого вторжения.

— Я знал, что тебе понравится. — Протянув руки, он обхватил мою грудь. Потом сильно ущипнул сосок.

В ответ моя киска сжалась, заставив меня ахнуть, а он издал страдальческий стон.

— И это тоже, — Он сжал второй сосок, перекатывая оба между не знающими пощады пальцами — но почему же я тогда так податливо выгибаюсь?

— Я прищемлю их, *lapochka*, — он сжимал их, одновременно входя в меня. — Это сведёт тебя с ума. Время есть.

Когда он отпустил соски, и кровообращение в них стало восстанавливаться, я застонала. Глядя на них сверху, я изумилась, какими налитыми кровью они казались, как притягивали взгляд. На гиперчувствительных кончиках я ощущала своё собственное дыхание.

Пока я продолжала цепляться за трубу для полотенец, он брызнул на мою попку что-то вроде масла для ванны, не прекращая массаж. Одна рука удерживала меня на месте, а палец другой скользнул между ягодиц. Он повторит мою шалость?

Я предвидела его прикосновение, но всё равно дёрнулась, почувствовав, как он дотронулся самого центра, и попыталась отодвинуться.

Он хрипло рассмеялся.

— Ты и правда здесь девственна. Твой партнёр не играет с тобой так?

Я даже не стала спорить.

— Ему же хуже. — Севастьянов возобновил поглаживания, совершая круговые движения скользкой подушечкой большого пальца. — Не отпускай эту трубу, что бы я ни делал. — Он надавил пальцем сильнее. Неужели проникнет внутрь?

Удовольствие было для меня незнакомым, необычным — но от того не менее острым. Я прогнулась в спине, задирая попку повыше. Он усилил нажим и добавил ещё масла, потом ещё и ещё, и вот я уже задрожала от нахлынувших ощущений.

Наконец, его палец оказался *внутри*. Я застонала, голова шла кругом от того, насколько это оказалось приятно.

— Дьявольски тугая, — пророкотал он.

Обернувшись через плечо, я взглянула на Севастьянова.

Взгляд голубых глаз был прикован к моему анусу, к находившемуся внутри пальцу. На лице было написано собственническое выражение, словно он смотрел на предмет своей гордости.

— Я буду первым, кто трахнет эту прекрасную попку.

— С-сейчас?

— Не сейчас. Ты будешь предвкушать это.

— Дьявол!

Снова низкий смешок. Свободной рукой он обнял меня спереди, его пальцы устремились к моей киске.

— А, сладкий ноющий маленький клитор моей Кати. — Он поглаживал его, одновременно принимаясь гладить свой член, не вынимая при этом из меня свой палец.

Я была переполнена наслаждением и не могла решить: податься ли назад к нему или толкнуть бёдра навстречу его умелым пальцам.

— Так... хорошо... так хорошо.

— Я буду обладать каждой клеточкой твоего тела, — прохрипел он. — Глазами, губами, каждым сантиметром твоей плоти. Твоим сложным, чересчур развитым интеллектом. Твоя киска уже принадлежит мне — даже ты это признала. — Почувствовав, как его большой палец стал двигаться быстрее, я вскрикнула. — Скоро я сделаю своей и эту маленькую узкую дырочку. Он резко качнул бёдрами, шлёпнув меня по ягодицам.

Думать я не могла. Тотальное замыкание.

— Сюда я погружу свой член, а когда волю внутрь сперму, твоя попка станет моей.

Я подалась назад, отвечая ему невнятными звуками. Уровень стимуляции зашкаливал.

— Вот так... я чувствую, как напрягается твоя киска, готовясь к разрядке. Я дарю тебе эти ощущения — больше никто — потому что ты мне принадлежишь. Ты будешь кричать моё имя, правда, Катя? — Он протолкнул вперёд одновременно и член и палец.

— О, Боже!

— Когда удовольствие затмит твой разум, в голове останется только одно имя. *Моё*. Его слова подтолкнули меня к самому пику.

— *Максим*, — закричала я.

Его пальцы стали двигаться ещё быстрее, отправив меня в огромный неистовый

водоворот оргазма. Вцепившись в вешалку для полотенец, так, будто от этого зависела моя жизнь, я принялась отчаянно извиваться и вилять задом.

— Вот так, детка, вот так. Прими от меня это удовольствие.

Я так и сделала. Ещё и ещё.

Постепенно мои крики утихли. Как только я обмякла одной сплошной подрагивающей массой, он вынул палец и обхватил мои бёдра.

Удерживая меня, он вытянулся вперёд и вошёл в меня со всего маху. Хрипло пророкотал:

— Могу трахать тебя вечно, красотка. Хочу, чтобы ты снова кончила.

Входил он в меня резко, шлёпая яйцами по обнажённому клитору. Он напирал со всей силы, с каждым разом погружаясь всё глубже. Я могла лишь держаться, чтобы не упасть.

Над моим плечом он открыл рот, почти кусая плоть, словно какое-то дикое животное. Касание зубов к моей коже...

Замкнутое пространство ванной прорезал мой крик. Член набух до такой степени, что мышцы едва-едва были способны сокращаться вокруг него во время спазмов.

Он зарычал, входя ещё сильнее. Потом, отпустив плечо, прокричал:

— Ты делаешь это со мной! Аа!

Он кричал, запрокинув голову назад, изливаясь, вдавливаясь в меня бёдрами

Один дикий толчок. И ещё. И ещё один.

Наконец, из его груди вырвался удовлетворённый стон.

Постепенно его плечи расслабились, но он по-прежнему оставался внутри меня, не спеша выходить. Рукой он обвил мою талию.

— Отпусти, *lapochka*.

Я с трудом разжала пальцы, вцепившиеся в вешалку, а он притянул меня к себе.

Своим дыханием он щекотал мою влажную кожу. Спиной я чувствовала, как колотится его сердце. Одна рука легонько накрыла моё горло. Другая обхватила грудь.

Он намеревался перевести дух именно так — словно обнимать меня было для него самым естественным занятием в мире.

Словно он — мой давний любовник, а я — его девушка. Когда он ткнулся носом мне в шею, покрывая поцелуями плечо, мне почти захотелось, чтобы так оно всё и было.

Когда я высушила волосы и надела новый шёлковый халатик, его телефон вновь зазвонил.

— Братья, — вздохнул он, оборачивая вокруг талии полотенце. — Надеюсь, ты довольна. Бандиты сплетничают покруге бабушек на скамейке.

— А говорят, что это бабушки на скамейке покруге бандитов. — Я расчёсывала перед зеркалом волосы, стараясь держаться естественно после того, что он со мной сделал. Он сказал, что владеет мной. На тот промежуток времени так и *было*. Максим воплощал мои фантазии, которых я даже *не осознавала* раньше. — Что ты скажешь братьям обо мне? — В зеркале наши взгляды встретились.

— Что я купил молодую женщину из Майями и держу её в своём пентхаусе.

Ха.

— И что они на это скажут?

— Старший мне не поверит. Младший не увидит в этом ничего плохого — до тех пор, пока я нахожусь в стороне. — Дмитрий. Который ежедневно его расстраивал.

— Шутки шутками, и ты можешь хвастаться, что купил себе женщину, но, уверена, со

мною ты уже закончил. Ты ведь сказал, что избавишься от наваждения.

Словно не слыша меня, Севастьянов вышел из ванной, впрочем, быстро вернувшись.

— Да, пока не забыл... — В руках он держал пояс целомудрия с очередным усовершенствованием.

Я ахнула. Теперь там было *две* пробки.

Севастьянов подталкивал меня к неминуемой катастрофе. Я сопротивлялась, как могла.

Переодеваясь в форму для бега, я вспомнила утреннее пробуждение — укутанная его теплом, укрытая объятьями, словно щитом.

До него я чувствовала себя холодной, одинокой и настороженной. Угадайте-ка, к чему Катарина вернётся четыре дня спустя?

Но только всё будет ещё хуже, ведь я познала вкус другой жизни. Вкус безумных удовольствий.

Вчера он продержал меня в поясе всего пару часов, поскольку мы оба были слишком несчастны, чтобы игнорировать друг друга дольше. Я просто горела, а он, видимо, чувствовал себя ещё хуже, поскольку взял меня четыре раза, начиная с вечера и на протяжении ночи.

После игр в душе и очередной модификации пояса попка у меня побаливала — однако это постоянное напоминание о том, что он со мной сделал — снова меня завело.

Ослепительный, невероятно богатый бог секса не должен забавляться, играя с чувствами женщины. Может, решиться на этот отпуск не было уж такой хорошей идеей. Он отпустит меня двадцать восьмого — в этом я была уверена. Если границы, разделяющие наши тела, пали, до этой даты я должна каким-то образом выстроить стену вокруг своего сердца.

С этой мыслью я достала спрятанный в коробке для обуви маркер и прошагала в хозяйскую ванную, чтобы пририсовать новую чёрточку.

На зеркале рядом с отметками негодяй приписал: *"Всё так здорово, что это ты должна мне приплачивать"*.

Я так и слышала, как он это произносит своим дьявольски соблазнительным голосом, от которого меня в дрожь бросало. Да как он посмел покуситься на зеркало! Это была моя фишка! Прищурившись, я нарисовала седьмую чёрточку, а потом приписала: *"Ты станешь скучать по этой попке, когда её не будет"*.

Маркер я оставила рядом с его щёткой — *твой ход, Russo* — и прошагала к беговой дорожке, намереваясь установить по меньшей мере рекорд. Он всё ещё спал, вытянув руку в сторону, будто снова пытаюсь меня обнять.

В груди кольнуло. Внутренний голос *чертыхнулся!*

Он, наверное, разозлится, если я разбужу его так рано в Сочельник. Его настроение, казалось, с каждым часом становилось всё хуже. Но мне было всё равно. Если ему мешает моё присутствие, то пусть спит в основной спальне, а не заставляет меня всю ночь привыкать к объятьям его большого тёплого тела!

С помощью пульта я раздвинула портьеры, и передо мной открылся прекрасный вид на океан. Сегодня в Майями стояла невероятная погода. Лучики утреннего солнца играли на водной поверхности, отчего вершины волн казались покрытыми россыпью бриллиантов.

С тех пор как я приукрасила свою золотую клетку, апартаменты стали просто воплощением мечты. Здесь я бегала, плавала, мне ежедневно доставляли бизнес-журналы, добавьте к этому новый гардероб и бесконечный запас изысканных блюд.

О, и любовник моей мечты. За исключением того, что он вскоре вернётся в Россию, вычеркнув меня из жизни.

Раз уж меня ждала катастрофа, то с таким же успехом я могла бы сразу спрыгнуть с крыши небоскрёба.

Я со злостью ввела в компьютер параметры пробежки, получив в ответ порцию пиликанья, и надела датчик пульса. Начав медленно разогреваться, я *почувствовала* на себе его взгляд.

— И почему же я с самого начала не купил тебе беговую дорожку?

Я посмотрела на него через плечо.

Он совершенно не злился, а сидел, прислонившись к изголовью кровати и закинув руки за голову. На лице застыло выражение "*я приказываю всем, кого вижу*". Левый уголок рта изогнулся. Я заметила, что именно эта сторона приподнималась, когда он был доволен — или же его хитрый ум был занят интересной проблемой.

— Хочу так просыпаться каждый день, — сказал он. — И смотреть на тебя бесконечно, Katya.

Глядя перед собой, я перешла на бег, твёрдо решив думать о чём угодно, кроме его взгляда, наблюдающего за моим телом. *Игнорировать его*. Я должна была попасть в свою беговую зону, расчистить немного места в голове, чтобы сфокусироваться.

После первых километров я вновь бросила взгляд через плечо, обнаружив, что он неотрывно за мной наблюдает. Он смотрел так, словно перед ним был подарок, а он только и ждал, чтобы его распаковать. Под одеялом вырос отчётливый бугор, но Севастьянов, казалось, чего-то выжидал.

Я начала потеть, дыхание стало более поверхностным. Через полдистанции я вновь обернулась. Одна рука скользнула под одеяло, бицепс на руке ритмично сокращался. *Por Dios*, он мастурбировал, наблюдая за мной.

Я оступилась, и датчик пульса заорал, как бешеный.

Дьявол понял, что означает этот звук. Он усмехнулся.

Сфокусироваться не получалось. Я слишком остро чувствовала всё, что происходит вокруг. Несмотря на жар внутри, по коже пробежал озноб. Я ощущала каждую каплю пота на теле. Под топом обозначились соски.

От бега я всегда заводилась. А если бегать, когда за этим наблюдал он? Я. Просто. Сходила. С ума.

Когда бы я не пыталась взять паузу и спокойно подумать, в моих мыслях тут же оказывался он. Видела, слышала и чувствовала я лишь его одного — словно он полностью завладел моим разумом, постоянно расширяя территорию.

С некоторыми трудностями я завершила пробежку. Остывая, стала гадать, что обнаружу, обернувшись вновь. Может, он уже кончил? Или просто ушёл. Сойдя с тренажёра, я увидела, что он сидел на краю кровати с торчащим и набухшим членом. Моя киска сжалась в ответ.

Я заставила себя направиться прямо в душ, но Севастьянов ухватил мою руку, когда я проходила мимо.

— Тебе надо присесть. — Свободной рукой он похлопал себя по коленям.

— С меня пот ручьём течёт.

Его веки отяжелели.

— Я знаю. — Он стянул с меня шорты, и прежде, чем я успела из них выпутаться или снять кроссовки, усадил к себе на колени, будто я совсем ничего не весила.

Спиной я оказалась прижата к его груди, а свой член он просунул прямо к моей киске. Поддерживая под колени, он раскрыл меня прямо над торчащим стволом.

— Я войду медленно.

Смазка возбуждения пришла на помощь, когда он медленно... сантиметр за сантиметром... позволил мне скользнуть вдоль него...

Севастьянов шумно выдохнул.

— Твоя киска просто обжигает. Моя Катя по-прежнему горит? — К основанию член расширился, и мышцам пришлось чуть растянуться, чтобы полностью всё принять. — Или это бег тебя так возбудил? — Он задрал наверх насквозь промокший топ, и я ощутила его руки везде: на влажном животе, на груди, на промежности.

— Бег, — выдохнула я. В кроссовках, с болтающимися на одной лодыжке шортами и задраным топом я выгибалась под его руками. — Но зная, что ты на меня смотришь, как ты на меня смотришь...

Он массировал мои покрытые капельками пота груди, а потом ущипнул соски, безжалостно, так, как делал это в ванной.

— До тебя такого стояка у меня ещё никогда не было. За час я успел промочить простыни, пока мошонка наливалась семенем.

От прикосновения к клитору я застонала, начиная извиваться, насаживаясь на его ствол.

Он прижался губами к впадинке на моей шее. Поцеловав, слизнул капельку пота, прохрипев:

— *Моя.*

Ай, Dios tío, как хорошо! Написанное им послание оказалось правдой. *Слишком хорошо.* Надо восстановить границы!

И будто понимая, что я готовлюсь к сопротивлению, он приказал:

— *Сдайся,* — а его пальцы накрыли клитор, потирая из сторон в сторону, сильно, быстро.

Мои глаза захлопнулись, мозг отключился, создав внутри тот самый вакуум, которого я так искала.

Мною управляли ощущения.

Я ощущала его член, руки — и рокочущий голос. Я держалась за этот звук, будто он вёл меня домой. Я двигалась на русском, как никогда прежде, бормотала его имя. Запрокидывала голову назад, чтобы добраться до его губ, зная, что почувствую вкус собственного пота. И запомню этот момент навсегда.

Кончив, дрожа, я жалобно застонала, не отрываясь от его губ. *Не делай этого со мной.*

В ответ меня заполнила волна горячего семени, будто повторив "*Моя*".

Надолго ли?

Его тело всё ещё вздрагивало, руки обвивали, крепко прижимая, как сокровище, с которым он ни за что не хотел расставаться.

— Ну, закуска была неплоха, — он куснул мою мочку, — но до сытости ещё далеко. В его голосе звучала улыбка. Утро у кого-то явно задалось.

Готовит меня к катастрофе. Я выпуталась из его рук, поднявшись с по-прежнему твёрдого члена.

Он со свистом втянул воздух.

— Это было... резко.

Не глядя на него, я сбросила шорты, стянула кроссовки и носки. Потом пошла в ванную.

Наплевав на мое бегство, русский присоединился ко мне под душем, притянув поближе. Он всматривался в моё лицо, я же отводила взгляд.

— А, думаю, тебе всё *слишком* понравилось. Потому что мне — да. Из-за этого ты чувствуешь себя не в своей тарелке?

— Почему тебе понадобилось со мной спать? Я тебе даже не нравлюсь. Все твои вещи в хозяйской спальне. А сам ты почему здесь?

— Хм-м-м. Может, нам обоим стоит спать в моей комнате, в *хозяйской* спальне? Возможно, я попрошу перенести беговую дорожку и все твои вещи ко мне.

Мне хотелось отдалиться, а не ещё больше сблизится!

— Ты сказал, что закончишь со мной. Отчего всё ещё нет..? Сколько ещё будешь меня тут держать?

Его ладони тут же накрыли изгибы моей попки.

— Я заметил, что ты становишься куда нежнее, когда носишь пояс...

— Не сегодня!

— Почему?

— Мне надо подумать.

— Значит, эту нежность мне придётся вызвать самому? — Наклонившись, он так мягко прижался ко мне губами и целовал, целовал, целовал... и в его объятьях я снова стала податливой. Он намылил меня, купая, исследуя. Каждое прикосновение было соблазнительным.

Зачем он вообще пытается меня соблазнить. Я же всегда "к его услугам". Что за игру он ведёт?

Вскоре я вновь дрожала от желания.

Он приподнял меня вверх.

— Обхвати меня ногами. — Просунув одну руку под ягодицы, а другой — обвив плечи, он насадил меня на член.

Кончив, мы восстанавливали дыхание, прижавшись друг к другу лбами, и я спросила себя "*зачем сопротивляться...?*"

Когда мы закончили одеваться, на площадке возле бассейна нас уже ждал изысканный завтрак. Севастьянов заранее заказал, наверное, всё, что было в меню.

— Хочу понять, что тебе больше нравится, — объяснил он.

Когда он мне улыбнулся, я вдруг осознала, что улыбаюсь в ответ. Негодяй. *Зачем сопротивляться?*

Но потом раздался телефонный звонок. Тяжело вздохнув, Севастьянов ответил. Вскоре он помрачнел. Должно быть, Дмитрий.

У меня сложилось впечатление, что утром Максим ненадолго забылся, а теперь ему о чём-то... напомнили.

Со стороны казалось, что в нём нарастает ярость — *на меня*, словно именно я отвлекла его от того, о чём он не должен был забывать.

Усевшись на диванчик, я читала, чувствуя, как лёгкий ветерок колышет шторы и шевелит мои волосы. Однажды заметив, что Севастьянов предпочитает, держать окна и двери по возможности всегда открытыми, я распахнула их все.

После того звонка он вёл себя отстранённо, а его настроение заметно испортилось.

Всё утро мы ходили туда-сюда, чувствуя, что нас тянет друг к другу, но не говоря при этом ни слова. Пока я плавала, он просматривал у бассейна тот же деловой журнал. Или *делал вид*. На самом деле его куда больше интересовал мой белый купальник, изготовленный из нескольких тоненьких полосок ткани. Он зачарованно следил за переплетениями

материи, облегаяющей моё тело.

А сейчас он сидел на другом диванчике с раскрытой газетой, которую не читал. Его голубые глаза мрачно смотрели на такого же цвета воду. Что за мысли роились у него в голове?

Могла поклясться, что он раздумывал над принятием какого-то решения.

Проверив телефон, он что-то в нём записал, затем вдруг поднялся. Посмотрел на меня, открыл рот. Потом передумал, и повернулся к двери.

— Василий будет снаружи.

И вышел.

Qué? Сочельник я проведу в одиночестве? Очередной несчастный одинокий Сочельник.

Раз уж он готовил меня к катастрофе, я, по крайней мере, должна была пользоваться преимуществами компании.

Последние три Сочельника я подвергалась жёсткой перезагрузке. А четыре Рождества назад Эдвард отправился в "неожиданную деловую поездку". Наверное, поехал с Джулией в отпуск, оплаченный моими деньгами.

Я вспомнила последнее удавшееся Рождество. Вместе с *mi madre* мы готовили традиционный *новогодний* ужин.

Может, мне тоже что-нибудь приготовить сегодня? Я встала и побрела на кухню, осматривая кастрюли, сковородки и прочую утварь. Тут было четыре гриля, мармиты, две духовки и пароконвектомат — всё абсолютно новое и высокотехнологичное.

Я уже сто лет не была на нормально обставленной кухне, а на такой современной — и подавно, и очень скучала по готовке. Через Алонцо я могу заказать продукты.

Приготовление пищи поможет мне расслабиться и упорядочит мысли. Только поэтому я и буду готовить. А не потому что хочу порисоваться перед Севастьяновым.

Он, скорее всего, будет отсутствовать допоздна. Ему явно хотелось провести праздники не в моей компании!

Ему же хуже. Угощу Василия и весь его батальон, чтобы отблагодарить за службу.

Позвонив Алонцо, я продиктовала список всех продуктов и приспособлений, которые мне были нужны немедленно, перечислив всё от свежей мяты до скалки, включив туда кухонный комбайн и термометр для мяса.

Когда, спустя час, несколько сотрудников отеля принесли множество пакетов и коробок, Василий вновь нахмурил на меня свою лысину.

Я пожалала плечами. Включив радиостанцию Гаваны, я повязала фартук.

Хорошая мина при плохой игре.

Я поджарила бекон, почистила сладкий картофель и растопила коричневый сахар, добавив к нему семена аниса. Потом поджарила миндаль. Раскатала тесто и вырезала кружочки для крабовых *крокетов*. Для мохито нарубила мяту. Весь этаж наполнился невообразимыми запахами.

Ставя окорок со специями в духовку, я напевала традиционные испанские рождественские песенки.

— Что это? — спросил Севастьянов, заставив меня подпрыгнуть. Я чуть не уронила один из трёх кусков окорока, которые собиралась запекать.

— Кубинский рождественский ужин.

Он вернулся!

— Что в меню?

— *Lechón asados*, запеченный маринованный свиной окорок; *langostinos con salsa rosa*, креветки в розовом соусе; *arroz congri*, рис с бобами; *tostones*, жареные бананы; и крабовые крокеты. На десерт я готовлю *buñuelos*, пончики; *turrón de Navidad*, ореховую нугу с миндалём; и *boniatillo*, пудинг со сладким картофелем.

Он усмехнулся:

— Теперь ты готовишь, чтобы вернуть моё расположение?

Я прижала пальцы к груди:

— Извини, но неужели ты думаешь, что здесь что-то есть для тебя?

— Ты наготовила на целую армию.

— *Tengo mucha hambre. Es todo para mí.*

— Ты очень голодная? И здесь всё для тебя?

Он усваивал испанский с невероятной скоростью. Всё, что я выучила на русском было: *blyad', prostitutka, lapochka u kotyonok.*

— Всё для меня. С этой едой ты не справишься. От одного десерта можешь заработать спонтанный оргазм.

Чтобы его поддразнить, я откусила кусочек только что поджаренного хрустящего крокета.

И прежде чем я смогла ему помешать, он стащил ещё один и тоже откусил кусочек. Медленно прожевал, прикрыв глаза.

— Ужин можно подавать в семь. Не задерживайся.

И с крокетом в руке он повернулся, чтобы уйти.

Он что, мне приказывает?

— *Pendejo!* — горсть миндаля прилетела точно ему в затылок.

Он замер на секунду, а потом, не оборачиваясь, ушёл.

Закатив глаза, я вернулась к работе. Несмотря на то, что музыку я не выключала, одновременно подпевая (голосом, очень далёким от совершенства), Севастьянов весь вечер крутился около кухни, даже когда разговаривал по телефону и просматривал коммерческие предложения.

К вечеру он немного расслабился. Пару раз я замечала, как он просто смотрел на яхты. Его пронизывающий взгляд был спокоен, ум погружён в размышления.

Я же, наоборот, начала нервничать, словно перед свиданием — хотя он, по сути, всего лишь приказал подать ужин. В шесть вечера он, ни слова не говоря, прошёл в хозяйскую спальню.

Закончив с готовкой, я выложила блюда в мармиты и даже упаковала несколько тяжёлых коробок с едой для Василия и команды. Когда я позвала громилу забрать коробки, в его взгляде сквозила настороженность.

Медленно выговаривая слова, я постаралась уверить Василия:

— Эта еда совершенно точно не отравлена, потому что я не смогла найти яд.

— *Spasibo*, — бросил он.

Ещё одно русское слово в копилку.

— Внутри есть инструкции. Только попробуй полить розовым соусом что-нибудь кроме креветок, и я надеру твою русскую задницу, *comprendes?*

Выдохнув, он неохотно добавил:

— Рождество для босс не хорошо.

— В каком смысле?

— Босс хотеть тебя оставить. Окей. Тебя оставили. Теперь исправь Рождество.
Вот и всё, что он сказал.

Исправь Рождество. Принимая душ, я продолжала ломать голову над этой загадочной фразой. Некоторые Рождество ненавидят. Мне бы тоже стоило.

Это могло бы объяснить перемены в настроении Севастьянова. Когда я заикнулась о Рождестве, он отрезал "*не напоминай мне!*".

Мысль, что его что-то мучает, меня беспокоила. *По-настоящему.*

Потому что я была идиоткой.

Он сказал, что будет держать меня здесь, пока не избавится от своих чувств. Он продолжал над этой задачей работать, а Катарина западала на него всё сильнее.

Иначе зачем бы мне прихорашиваться? Выйдя из душа, я надела красное платье без бретелек, дополнив его единственными имеющимися в моём распоряжении аксессуарами: серьгами и браслетом, оставшимися с того самого первого дня. Волосы я заколола в небрежный пучок, накрасила глаза, а на губы нанесла блеск.

Чувствуя себя за предпринятые усилия глупо, я нахмурилась, глядя в зеркало. Это всего лишь совместный приём пищи бандита и его пленницы (той самой, которую называют "*лживая prositutka*").

И всё равно я пришла в столовую пораньше и зажгла побольше свечей и светильников, расположенных на выходящем в комнату балконе. Накрыла стол и для Севастьянова распахнула все окна и двери, наполнив комнату звуками прибора.

Когда он ко мне присоединился, я улыбнулась, увидев на нём брюки и пиджак — он тоже приоделся. Это кое-что значило.

Я заговорила первой:

— Так и быть, я готова с тобой поделиться едой, потому что больше никакого подарка не приготовила. А вообще-то я выбирала между высокой блондинистой надувной куклой — и золотой рыбкой.

— У меня целый шкаф блондинистых надувных кукол, а рыбки плохо переносят перелёты. Так что ужин — это разумный выбор.

Я улыбнулась:

— Мохито или вино, *Ruso*?

— Водку.

— Ни в коем случае. Здесь я устанавливаю правила, а не нравится — катись куда-нибудь ещё.

Он слегка приподнял бровь.

— Мохито.

Я наполнила бокал. Когда он попробовал коктейль, я поняла, что напиток ему нравится. Мы сели, и я положила ему всего понемногу, подробно перечисляя ингредиенты каждого блюда.

Отведав окорок, он, казалось, изо всех сил пытался сдержать реакцию.

— Значит, помимо всего прочего, ты ещё и готовишь. Дома научилась или брала кулинарные классы?

— Дома.

Он съел всё, что было в тарелке, так что пришлось положить добавки. Но когда он протянул тарелку за третьей порцией, я возразила:

— Ещё много всего на десерт.

Первый же кусочек *туррона* заставил его застонать. Покончив с ним, а также с пудингом и двумя *буньелос*, он отметил:

— Спонтанный оргазм я не испытал, но был к тому близок.

Я усмехнулась сквозь край бокала с мохито.

— Ты могла бы стать поваром, — сказал он.

— Было бы здорово. Но мне как-то ближе твоя роль магната, тогда я смогу править миром.

— Думаешь, справилась бы с моей работой?

— Думаю, ты бы удивился.

Он поднялся и направился к серванту.

— Сомневаюсь. Я знаю, какая ты умная. — Вернулся он уже с бутылкой водки и двумя рюмками. — Ужин был кубинский, напитки после него — русские. — И наполнил рюмки.

Ой, мамочки.

— *Budem zdorovy*, — провозгласил он.

— *Салют*, — выпив, я закашлялась.

Наливая ещё, он спросил:

— И чьим же ужином я только что наслаждался?

— Извини?

— В праздники ты бы готовила для друзей или для семьи. Или для любовника, у которого я тебя отнял, — он залпом выпил свою порцию.

— Меня вдохновила кухня, — я выпила свою, вновь поморщившись.

— А что в ней такого особенного?

— Оборудование. — Оно работало. К тому же кастрюли здесь служили не для предотвращения потопа. — А почему ты так уверен, что у меня кто-то есть?

— Ты отзываешься на две вещи: деньги и удовольствие. Я даю тебе и то и другое, но ты всё равно отстраняешься.

Я нахмурилась.

— Этого определённо недостаточно.

— Почему у тебя *не может быть* партнёра? Если не нашла мужчину, не связанного с твоей работой, то уж кто-нибудь из клиентов тебя бы точно подцепил.

— Ты так уверенно об этом говоришь.

— Трахаясь с клиентами... — на его щеке дёрнулся мускул — ты... на них влияешь. И хочешь, чтобы я поверил, что ни один не захотел продолжить знакомство? — Он вновь наполнил рюмки. — Я вижу, слышу, *чувствую* тебя, ощущаю твой запах. Мужчины должны за тобой просто охотиться.

Я едва сдержала горькую усмешку. Если бы он только знал.

Эдвард всё больше и больше занимал мои мысли. Джентльмен снаружи, ни разу не выругался, ни разу не повысил голос, но всё время готовил моё убийство. На что же он способен теперь, после стольких лет вынашивания мести?

Порой казалось, что какой-то животный инстинкт подсказывал мне, что он близко...

— Ты делаешь это даже сейчас! — Севастьянов с грохотом поставил рюмку на стол. — Смотришь в пустоту, думая о нём! Это сводит меня с ума!

— Ни о каком любовнике я не думала.

— С чего мне верить этому или вообще всему, что ты говоришь? — Он вновь плеснул

водки.

— Думаю, не с чего. Причин верить мне у тебя нет.

— Это сарказм? Высмеиваешь мою неспособность кому-то доверять? Это случилось не вдруг. За тот последний раз, когда я кому-то доверился, я буду расплачиваться до конца жизни.

— Что это значит? — Как именно расплачиваться?

Молчание.

И как же Василий хочет, чтобы я "исправила Рождество", если Севастьянов со мной не разговаривает?

— Ладно. Забудь.

Я встала, чтобы убрать со стола.

— Ты ещё и убираешься? — В голосе звучала издёвка, словно он намеревался сказать грубость, но это ему не вполне удалось.

— О, в уборке я профессионал. — Покончив с тарелками и упаковав гору остатков, я вернулась.

Он оставался в столовой, продолжая пить. Неужели он уже прикончил первую бутылку и принялся за вторую?

Я села рядом.

— Ты страдаешь. Мне это не нравится.

— Ага, эскорт-девица с золотым сердцем.

Глядя на него, я прищурилась. Прибегнув к оскорблениям, *он* решил установить между нами дистанцию? Вроде тех границ, которые я всё никак не могла прочертить?

— *Por Dios*, и опять карета превратилась в тыкву!

— Хочешь сказать, я угрюмый?

Как раз о таких вот сменах настроения я и говорила Иванне.

— Да, именно так.

Мой ответ его удивил?

— Весь мир считает меня сладкоголосым очаровашкой... кроме моей Кати.

— Расскажи, что у тебя в голове, *Ruso*.

Он ответил не сразу.

— Призраки прошлого. Не стоит слушать мой пьяный трёп.

— Я рискну.

Он подтолкнул ко мне рюмку.

— То воспоминание, в котором ты готовила паэлью — сколько лет тебе тогда было?

Внезапный вопрос.

— Почти четыре. — Я опрокинула рюмку, уже меньше морщась.

— Какое это было время года? — Он налил каждому новую порцию.

К чему он ведёт?

— Сразу после Рождества. Я запомнила, потому что это было до начала "красношарфовой войны".

— Что это?

После мохито с водкой мой язык начал развязываться. Или на меня так повлияли свечи и звук прибоя. Или мужчина, сидящий рядом.

— Мима, моя бабушка, связала для меня красный шарф, который мне ужасно нравился, с этим шарфом я буквально не расставалась и даже спала в нём. Мать хотела его отобрать,

считая этот шарф символом моей гордыни. Она часто придавала вещам дополнительный смысл, утверждая, что ничто не происходит случайно. — В этом я вынуждена с ней согласиться.

— Продолжай.

— Даже в том возрасте я чувствовала, что борюсь за что-то большее, нежели просто за шарф. Эту битву я проиграть не могла. — Вздохнув, я подняла взгляд. — Тебе это всё наскучило. Твоя жизнь куда интереснее, чем мои глупые детские истории.

В его ответном взгляде было напряжение.

— Рассказывай, что было потом, Катя.

Ну. Я прочистила горло.

— Я убежала, грозясь уплыть далеко-далеко и никогда не возвращаться. Просидела, спрятавшись, на улице дотемна. Мима была в ужасе. Я не весила и пятнадцати килограммов, а ночь была холодной. Она вмешалась в нашу с *mi madre* ссору. Когда она прокричала, что я могу оставить шарф себе, я вернулась домой и проспала там до утра. Много лет спустя мать призналась, что жалеет о том, что не забрала у меня этот шарф — она была убеждена, что могла бы именно в тот момент обуздать мою гордыню. Могла бы сделать меня кроткой и покорной.

— Но проиграй ты войну, мы бы никогда не встретились.

Гордыня и бунтарство привели меня прямо к Эдварду. Конечно, я знала, что у матери был рак — симптомы проявились ещё до того, как Эдвард с Джулией на нас нацелились, только неизвестно, сколько бы ещё она могла прожить.

— Верно. Моя жизнь сложилась бы совсем по-другому.

— Ты хотела бы теперь проиграть в той войне?

— Не думаю, что буду знать ответ до самого конца своей жизни. — Надеюсь, этот конец не настанет на третьем десятке.

Он вращал рюмку по поверхности стола.

— В то время мне было тринадцать.

— Чем ты занимался? Катался на лошадях и бегал за девчонками?

На него словно пелена упала.

— Вообще нет.

— Тогда чем? — Он не ответил. — Севастьянов, я рассказала свою историю. Теперь твой черёд.

Выпив рюмку, он разлил по новой.

— Мой старший брат женится на американке. Роман — простите, теперь он называет себя *Александром* — знаком с ней непродолжительное время. Со свадьбой очень спешили.

Я не стала возражать, когда Севастьянов сменил тему.

— И что ты чувствуешь по этому поводу?

— Я понимаю его желание закрепить на неё права. Натали милая и добрая, свободно говорит по-русски и получила докторскую степень. Кроме того, она богаче меня.

А Максим в это время путается с нищей лживой шлюхой.

Кстати, о богатстве. Моя семья никогда не обладала миллионами, однако стоимость Мартинез бич продолжала неумолимо возрастать.

— Ради неё Александр изменился. К лучшему — Голос Максима звучал задумчиво, словно слова лишь едва отражали происходящее в голове. — Не думал я, что мужчина в нашем возрасте способен измениться. А ты как считаешь? Знать мужчин — твоя профессия.

— При наличии достаточно сильного намерения измениться, я думаю, можно. — Если только ты не социопат вроде Эдварда.

— По твоим словам всё очень просто. Она была нужна Александру гораздо больше прежних привычек, так что он просто от них избавился. — Он опустошил рюмку.

Я его поддержала.

— Может, всё действительно просто.

— Он сказал, что открыл перед ней всего себя. Всё, что было и хорошего, и плохого. Сбросил с себя эту ношу, и теперь между ними секретов нет. — Максим разлил ещё. — Я горько ему позавидовал. Ещё он сказал, что понял — с самого первого дня, когда увидел Натали — что уже не полюбит никакую другую женщину. Что она — та самая. Как думаешь, возможно ли понять это сразу?

Странный поворот беседы.

— Думаю, такое чувство может возникнуть. Правда, не знаю, надолго ли.

— Если бы ты видела их вместе, то поняла, что они выдержат испытание временем, — сказал он. — Перед тем, как приехать сюда, я навещал их в Небраске — в родном штате Натали. Брат пригласил меня туда, чтобы попросить быть его шафером.

— Это тебя удивило?

— До глубины души.

— Он тоже связан с мафией, как и ты? — спросила я.

— За те годы, пока мы не общались, он стал бойцом, а я возглавил собственное предприятие. Не враги, но уж точно не союзники.

— Боец? Типа киллера?

— Скорее всего, он предпочитает называть себя *боевиком*. Фактически он был солдатом своего босса, сражаясь с противоборствующим синдикатом. Но это в прошлом.

— И ты намерен организовать с ним совместное дело.

— Чем больше я его узнаю, тем больше понимаю, что он безжалостен, но благороден. Мысль о сотрудничестве с человеком, которому я могу действительно доверять, меня просто ошеломляет. Вдвоём мы завоюем всю Россию. Но он мне пока не верит. Два месяца назад он боялся оставить свою невесту со мной в одной комнате.

— Почему же он попросил тебя быть шафером?

— Уверен, что под влиянием Натали.

— Почему он тебе не доверяет?

— Он слышал, что я превратился в бессердечного человека, который любит играть чужими жизнями. Он считал, что, повзрослев, я превратился в копию нашего отца — ну, или, по крайней мере, унаследовал его холодность и расчётливость. Своего отца мы ненавидели.

Это отец высек его спину?

— Александр был прав? Насчёт холодности и расчётливости?

Максим невесело усмехнулся.

— Да. Это называется быть политиком. Хотя, должен признать, я держал Александра в тонусе. Когда он посчитал, что я представляю для него опасность, разуверять его я не стал. Как и много лет спустя.

Опасность?

— Почему?

— Может, меня это развлекало.

Por Dios.

— Почему вы с братьями разлучились?

От ответа он уклонился:

— Только с одним братом. Мы с Дмитрием остаёмся близки.

Говорили они друг с другом довольно часто.

— С Натали Александр стал лучше. Но Дмитрий... — Он умолк.

— Что?

— Некоторые события из прошлого сильно повлияли на него и сделали злым. И я с трудом пытаюсь принять, что он останется таким навсегда.

Похоже, эти же события имеют какое-то отношение и к шрамам Максима. У Дмитрия тоже они есть? А у Александра?

— Мне очень жаль.

— Я нахожусь между двух братьев. Один говорит, что будущее может быть радужным, а другой убеждает, что прошлое омрачает все возможные пути. Что ты на это скажешь?

— Оба могут оказаться правы. Всё зависит от того, какой *ты* человек.

Молчание.

— Максим, что если Дмитрий, несмотря на прошлое, кардинально изменит свою жизнь? Меч, чтобы родиться, должен познать молоток и наковальню, ведь так? Что, если он преодолеет всё, что было в прошлом, осознав, что эта победа сделает его сильнее? — Для себя я могла на это только надеяться. *Лучшее ждёт впереди...*

— Пойми, — рявкнул Севастьянов, — ради этого я сделаю *всё*, что угодно.

— Правда? Тогда почему бы тебе не показать пример?

Он резко выдохнул.

— К этому ты меня и вела, не так ли?

Я выдержала его взгляд.

— Кому-то же надо было.

Казалось, он целый час молча на меня смотрел. Потом неожиданно встал и вышел из комнаты.

— Насчёт ужина — всегда пожалуйста, — пробормотала я — Рада, что тебе понравилось. До встречи через год? — Злясь на себя за то, что подумала, будто у нас наступил, наконец, прогресс, я направилась на освещённый балкон.

Воздух был тёплым, как в наш первый вечер у бассейна. Подойдя к перилам, я посмотрела вниз.

С пляжа доносились мягкие звуки латиноамериканской мелодии. На тёмных волнах покачивались лодки, их мачты к Рождеству были украшены фонариками.

Я слышала, как он тоже вышел на балкон. Не говоря ни слова, не касаясь меня, он просто стоял за спиной, но так близко, что я ощущала исходящее от его кожи тепло.

Мы стояли так несколько долгих минут. Искушение откинуться назад, оказавшись в его объятьях, становилось просто невыносимым.

Какое-то движение. Моргнув, я посмотрела вниз. На моей шее он застегнул нитку жемчуга ослепительной красоты. Ожерелье, должно быть, стоило целое состояние. С чего бы ему делать такой подарок?

Его губы запечатлели на шее нежный поцелуй.

Так вот в чём он колебался весь день! Сомневался, стоит ли дарить девушке из эскорта подарок, а потом всё-таки его купил.

Когда он повернулся, чтобы уйти, я поймала его руку.

— Почему?

Максим отвернулся, но я слышала, как он пробормотал:

— Потому что это моё самое лучшее Рождество.

— *Держи*, — неприветливо сказал Севастьянов, вручая мне суперсовременный ноутбук.

Это было Рождественское утро, восьмой день моего курортного отдыха, и до его появления я читала деловые журналы, сидя на диване.

— Ещё один подарок? — То, что он со мной заговорил, обрадовало меня больше нового компьютера.

Прошлым вечером он, ни слова не говоря, ушёл из отеля в футболке и шортах, а вернулся два часа спустя, потный и весь в песке. Меня разочаровала упущенная возможность побегать по пляжу вместе с ним. Но потом он познакомил меня с агрессивной потной разновидностью секса, так что у меня зубы клацали, и я его простила.

— Да, ещё один подарок, — ответил он.

— Тогда *spasibo*, Максим.

О, я заметила, что русскому это понравилось.

— *Pozhaluysta*. Но есть одно условие. В компьютере есть папка с присланными мне предложениями о покупке недвижимости. — Он, как ни в чём не бывало, сел рядом, включив и свой ноутбук. — Я собираюсь их проанализировать. Если хочешь, можешь тоже их просмотреть и сообщить, какой бы ты сделала выбор.

— Тебе интересно моё мнение?

— Ну, пока ты со мной, я собираюсь пользоваться твоими мозгами.

Пока я с ним. Сколько, сколько ещё? Я вспомнила наш продолжающийся "зеркальный" диалог. В ответ на "*ты будешь скучать по этой попке*" он приписал "*хорошо, что она моя*".

Я ответила: "*На выходе только дверь по ней и хлопнет*".

Пытаясь вести себя так, словно моё сердце было надёжно защищено, я всё равно чувствовала, что влюбляюсь. Не просто какое-то увлечение. Всё по-настоящему.

Нет-нет, Кэт. Через три дня ваши пути разойдутся, надо лишь продержаться до этого времени. К тому же, то, что я в него влюблялась, означало, что делать этого не следует ни в коем случае. *Научный подход!*

— Знаешь, в ноутбуке есть беспроводной интернет. Ты уверен, что я не стану рассылать всем сигналы SOS?

— Да.

Чем вызвана эта перемена?

— Мы будем... вместе работать? Анализировать предложения? — на лице, помимо воли, растянулась улыбка.

— Выглядишь счастливее, чем в тот день, когда ты заказала кучу новых вещей. Перспектива работы затмевает твою страсть к обновкам?

— Полностью.

— Значит, ты их прочитаешь? И не выдашь мне в результате пятнадцать страниц с "*ИДИ НА ХУЙ*"?

Моя улыбка сделалась ещё шире.

— Я их прочитаю, только чтобы тебя не облапошили. В конце концов, если ты обанкротишься, я ничего из тебя не выжму

Левый уголок его рта изогнулся.

— Веселись-веселись. И потом приступай к делу, наконец...

Несколько часов подряд мы были заняты чтением, сидя в потоках океанского бриза. К полудню в волосах у меня торчал карандаш, его причёска была в полном беспорядке, а мои ступни покоились на его коленях. И снова рядом с ним я чувствовала себя очень спокойно, испытывая странное чувство дежа вю. Я всё ещё предпринимала усилия, чтобы сохранить границы, но, когда мы сидели с ним вот так, любая возводимая мною стена неминуемо рушилась, будто под тяжёлым тараном.

Мы сделали перерыв на обед, насладившись сексом, оставшейся едой и кофе, затем вновь приступили к работе. Пользуясь интернетом, я могла просмотреть данные по арендным платежам, размеру налога на недвижимость, ставкам по ипотеке и закладным.

К закату повсюду в номере валялись распечатки, а я решила, что это моё самое лучшее Рождество.

— У тебя что-нибудь получилось? — он попытался размять затёкшую шею.

Я дерзко ухмыльнулась.

— Я давно проанализировала все девять предложений, querido. И, дожидаясь тебя, раскладывала пасьянс.

— Ну что ж, давай посмотрим.

— Ты будешь их читать? Сейчас? — я вдруг занервничала.

Он выхватил у меня ноутбук.

— Сейчас.

Пока он просматривал мои выкладки, я изучала его лицо. Временами он приподнимал брови. Что это значило? Стойте-ка, это был неуверенный кивок? Чёрт, он быстро читает. Один раз на мгновение приподнялся тот самый левый уголок рта.

Получив шанс произвести на него впечатление, я очень хотела преуспеть! Ему нравилось, как работает мой мозг — он хотел этим воспользоваться. Хочет ли он этого и по-прежнему?

Подняв голову, он устремил на меня пронизательный взгляд.

— Наши мнения совпали по всем объектам, кроме одного, — было видно, что он впечатлён.

Пальцы на ногах подвернулись от удовольствия, но я притворилась, что изучаю ногти.

— Ой, неужели мой малыш в чём-то ошибся?

Его глаза ожили так, как мне это нравилось.

— Ты не задавала никаких вопросов, просто оценивала предложения. Тебе помогли все прочитанные тобой книги по экономике?

Честно говоря, гораздо больше мне помогли лекции по финансам.

— Я много узнала из этих книг.

Изворачивайся и уклоняйся.

— Но почему ты порекомендовала принять пятое предложение? — Несколько ветхих многоквартирных домов. — Недвижимость не подпадает ни под класс А, ни под В, ни даже под С. Я бы назвал это классом D — от слова "дыра". ГУЛАГ, который ты хотела посетить, скорее всего, выглядит выигрышнее.

В яблочко. Частенько, направляясь мыть очередную квартиру, я проезжала мимо таких домов на автобусе, все они напоминали мой собственный.

— Прибыль в этом случае максимальная, — заметил он, — объясни ход своих мыслей.

Теория Шэдвелла.

— Неэффективное управление. — *О, о-о-очень неэффективное!* — Управляющие,

вероятно, ежемесячно обирают квартиросъёмщиков, одновременно занижая размер собранной арендной платы. Если ты поставишь туда хотя бы наполовину честную команду, то сможешь снизить ренту, заложить большие суммы на ремонт и всё равно получить прибыль. Квартиросъёмщики довольны, собственники довольны.

— *Снизить* ренту. — Он внимательно на меня смотрел.

— Просто пришла в голову идея. — Я закусила губу. — Эта недвижимость в залоге. Банки любят в конце года сбрасывать плохие долги, так что если ты на этой неделе соберёшь наличку, то сделка твоя. Ну, я слышала, что так делают. Также в этом случае будут действовать налоговые вычеты — а, погоди-ка, *la mafia Rusa* не беспокоится о налогах.

Он слушал меня с преувеличенным вниманием.

Кэт, ты что-то слишком много болтаешь. Смени тему.

Чтобы его отвлечь, я сказала:

— Можно посмотреть твои выводы?

Он передал мне свой ноутбук.

Я прочла его заметки и выкладки и чуть не кончила от той манеры, в которой работал его мозг. *Следи за границами!*

— Неплохо для новичка.

— Рад, что ты одобряешь.

Я уже собиралась предложить сделать "un safecito" — перерыв на кофеин и секс — необязательно в таком порядке, когда он встал и потянулся.

Потом направился на кухню, бросив через плечо:

— Поедешь со мной на свадьбу.

— *Qué???*

С ухнувшим куда-то вниз сердцем я последовала за ним.

Он копался в остатках праздничной трапезы.

— Неужели миндальные конфеты уже кончились? Кто их съел? — Он вынырнул из холодильника с мрачным выражением лица. — Василий, ах ты пройдоха. — Затем повернулся ко мне. — Это ты виновата, что прикормила его. Теперь он как домашний пёс, будет приходить за подачкой.

— Севастьянов, давай рассуждать логически. Естественно, на свадьбу я поехать не могу. — Или он думал, что я буду сидеть в номере взаперти?

— Можешь и поедешь. — Он вытащил креветки, слизнув с большого пальца розовый соус. — Если уж моя кошечка выскочила из коробки, не вижу причин, почему бы тебе не составить мне компанию в качестве пары.

Пары? Это будоражило. Но потом я вернулась в реальность.

— Это же не просто свадьба. Женится твой брат. Если хоть кто-то узнает, кто я такая — *prostitutka* — все посчитают это оскорблением.

Как мне вообще вести себя на свадьбе, ведь я не была ни на одной, кроме собственной злосчастной гражданской регистрации?

Он поставил на стол две тарелки.

— Кто ты такая? Ты красивая образованная молодая женщина.

Неужели он, наконец, разглядел во мне что-то ещё, помимо работы в эскорте?

Как только у меня возникла эта мысль, он добавил:

— Я предчувствую жаркие переговоры. — Обхватив за талию, он приподнял меня и усадил на кухонный стол. — Что ты хочешь взамен? Наличные и драгоценности? Тебе потребуется одежда. — Он втиснулся между моих бёдер.

Это сбивало с толку.

— Что происходит, Ruso? С чего вдруг такой разворот? Я же твоя, в кавычках, пленница, не забыл?

— Ты по-прежнему можешь быть моей, в кавычках, пленницей и в Небраске.

— Ты ведь меня терпеть не можешь, кроме тех случаев, когда мы занимаемся сексом?

— Ну, ладно, когда мы работали над предложениями, ты мне нравилась. И когда готовила и напевала — тоже.

— Ты меня дразнишь? — Единственная причина, по которой я могла продержаться с ним весь срок — наличие конечной даты! Ещё чуть-чуть побережь сердце — и я буду свободна. Смогу избежать неминуемой катастрофы. А теперь он предлагал увеличить этот срок, чтобы мы сблизились сильнее.

Он и вправду хотел познакомить меня со своей семьёй?

Нет, это всё неважно! Возможно, его тянет ко мне, и, возможно, я остаюсь для него загадкой, но всё это пройдёт. В глубине души он игрок, который может заполучить любую женщину в мире. Скоро ему всё равно уезжать.

Я скрестила руки на груди.

— Я не поеду. Когда уедешь ты — уеду и я. Такой была наша негласная договорённость.

Он усмехнулся.

— Неужели?

— Двадцать восьмого числа я еду домой. А ты — на север. Это моё последнее слово.

— Хм. Я могу быть весьма настойчив, Katya.

— Ни словом, ни делом ты никак не сможешь изменить моё решение.

Его взгляд как бы говорил: "*вызов брошен — вызов, твою мать, принят*"

— Севастьянов, что ты делаешь, чёрт возьми?

— А разве не очевидно, *lapochka*? — Негодяй связывал меня на кровати.

Когда мы поужинали, он сообщил:

— Сегодня ты переезжаешь в хозяйскую спальню.

— Зачем?

— Я так хочу.

Он уже говорил об этом раньше, так что я ничего не заподозрила. *А стоило бы.* Потому что, полчаса спустя, я оказалась в его постели со связанными над головой руками.

Он начал с поцелуев, раздел меня и сделал так, что я позабыла обо всём на свете. К тому времени, когда он отстранился, а я, моргая, приоткрыла глаза, вокруг моей правой руки обвился чёрный кожаный браслет с блестящим замком и металлическим кольцом. Я замахнулась на него второй рукой, но эта попытка лишь его позабавила, он с лёгкостью защёлкнул такую же штуку и на втором запястье. Потом соединил кольцо с привязанной к изголовью лентой, заведя за голову и левую руку.

Я понадобилась ему именно в этой комнате, потому что в ней всё было готово для бондажа. *Хозяйская спальня.* Я и понятия не имела.

Теперь он собирался заняться лодыжкой. К задней спинке кровати оказались привязаны ещё две ленты.

Я извивалась и пиналась.

— Я на это не подписывалась! Зачем ты это делаешь?

Он ухватил мою лодыжку и, несмотря на сопротивление, ловко застегнул на ней замок.

— Собираюсь убедить тебя поехать со мной на свадьбу. — Прижав ногу, он притянул её к приготовленной ленте.

Вырываясь, я оглядывалась по сторонам, с ужасом ища глазами плётку. Этот дьявол, возможно, сделает так, чтобы мне понравилось, но я не желала, чтобы он обращался со мной так же, как и с другими эскорт-девушками.

— Развяжи меня! Чёрт, я не хочу, чтобы ты меня высек, как других.

Он схватил другую лодыжку.

— То, что делаем мы — это совершенно другое. Ты можешь думать о них, но для меня всё в прошлом. — Он закрепил, застегнув, последний замок. — В любом случае, сейчас будет что-то новенькое.

Я оказалась растянута, словно морская звезда, лодышки и запястья оплетала чёрная кожа. Двигаться я не могла.

— Ты только посмотри на себя. — Он приподнял с подушки прядь волос. — Связанная и такая прекрасная — вся для меня.

Я не верила, что это происходило на самом деле! Да, я хотела исследовать собственную сексуальность, но это уже было *una locura!* Безумие!

— Если ты не собираешься меня бить, то что тогда?

Может, я вытерплю, если он обойдётся без плётки.

— Был у меня знакомый, который именно так и мучил своих Нижних. Я не понимал, чем его это так привлекает. — Он окинул меня взглядом. — Теперь понимаю.

Мучил?

— Привлекает что?

— Вынужденный оргазм.

— О ч-чём ты говоришь?

— О сексуальной пытке. Мой член твердеет уже от одной мысли об этом. — Под брюками проступила жёсткая линия.

— Я на это не соглашалась!

— Разве я хоть раз сделал что-то не так? — Он быстро разделся. Пока он перебирался к изголовью кровати, его член раскачивался, вызывая ответное желание во мне.

Я закусила губу.

— Тебе понравится. — Он сверкнул белозубой улыбкой. — В конечном счёте.

Я вся покрылась мурашками.

Он наклонился и поцеловал меня в лоб.

— Я сейчас вернусь. — Он вышел из комнаты и возвратился, держа в руках небольшой мешочек и «волшебную палочку» — работающий от розетки вибратор. Я видела такой у Иванны. По её словам от вибрации этого прибора порой зубы клацали.

Вынужденный оргазм. От «волшебной палочки». Я поёжилась.

— У тебя что, всегда при себе такие штуки?

— Заказав его, я прикупил для тебя ещё много чего интересного. Пояс занял меня на несколько дней, но теперь я вижу, что пришла очередь чего-нибудь *помощнее*.

— Д-давай это обсудим, Ruso.

— Ты в любой момент можешь меня остановить. Надо всего лишь согласиться поехать на свадьбу. Всё просто.

— Ты дьявол! Ты не можешь так поступить! Ты лишаешь меня свободного выбора — опять!

— Я могу вообще не спрашивать. Теперь ты принадлежишь мне. И я заставил бы тебя поехать и по-другому, но хочу, чтобы ты ответила "да".

— Чтобы ответила? Ты не заткнёшь меня кляпом? Как других?

— Нет. Никогда. Ты моя — а значит, я хочу слышать любой твой всхлип, вздох, стон или вскрик. — Он вставил вилку от устройства в розетку, включив и выключив его — одновременно приподнимая брови. — Мощно. Здесь есть одна особенность — настройки можно менять в широком диапазоне.

Я вздёрнула подбородок.

— Вытерплю всё, что бы ты ни задумал, но на свадьбу всё равно не поеду, *chulo!*

От нового вызова его член дёрнулся, а на головке выступила блестящая капля.

— Посмотрим.

Из мешка он достал что-то типа изоленты, а волшебную палочку расположил вдоль моего бедра — широкой, похожей на грушу, головкой *вверх*.

До меня вдруг дошло.

— Ты собираешься примотать эту штуку ко мне?

— Угу.

Я изо всех сил дёргала ногой.

— Нет, нет!

Несмотря на все мои усилия, он несколько раз обернул липкую ленту вокруг ноги, прижав грушу прямо к губкам. Я вытаращилась на эту угрожающую штуковину.

Из мешка он достал длинную чёрную верёвку.

— А это зачем? Ты уже привязал всё, что мог!

— Чтобы закрепить эту игрушку. — Я дёрнула бёдрами, но он успешно обмотал верёвкой сначала вибратор, потом — талию и туго затянул. Груша плотно прижималась к моей киске, самой верхушкой касаясь клитора. — Не хочу, чтобы она отвалилась, если будешь сильно брыкаться.

— Брыкаться? — Несмотря на страх в голосе, соски уже напряглись, сжавшись в две тугие верхушки.

Конечно, он это заметил.

— Они так и ждут, чтобы я их пососал. — Наклонившись, он сомкнул губы вокруг одного из них, скользя языком по поверхности, в то время как я пыталась сдержать стон. Потом он занялся вторым соском. Вернулся к первому. Он лизал и сосал, касаясь кожи щетиной и краешками зубов.

Когда он отпустил меня, я всхлипнула.

— Твёрже они просто и быть не могут. Ты полностью готова.

— К чему?

Из этого проклятого мешка он вытащил серебряную цепочку — с *зажимами* на концах.

— К этому.

— Нет-нет! — когда он потянулся ко мне, я попыталась увернуться, но своей рукой он удержал меня на месте.

— Если станет слишком, просто скажи "да". Это будет твоё стоп-слово.

Я прищурилась.

— Так я и думал. Вернулась моя боевая Кэт — готовая ко всему, что бы я ни предложил. — Он осторожно приставил зажим к соску, близко к самой ареоле. Я дрожала от страха, но он не отпустил зажим сразу. Он делал это медленно, понемногу усиливая его давление. — Вот так. Расслабься.

Я поклялась, что завизжу, если не смогу терпеть, но вот он полностью отпустил зажим, а я всё ещё молчала. Только со свистом втянула воздух.

— Ой. — Пальцы на ногах подвернулись, кулаки сжались. — Слишком туго! Боль пылающей точкой сфокусировалась прямо в соске.

Но... я терпела?

— Боль утихнет, милая. Дыши сквозь неё.

Я судорожно выдохнула, и вскоре боль действительно стала более терпимой. Я наблюдала, как он готовил для зажима второй сосок

Que intrigante. Как интригующе. Блеск металла в его руке — завораживал. А то, с чем могло справиться моё тело — просто поражало. Я возбуждалась от позвякивания тонкой цепочки.

Что же со мной творится?

Когда он начал пристраивать второй зажим, я стиснула зубы.

— Ой-ой-ой! — Снова втянула воздух, сжала кулаки.

— Хочешь, чтобы я прекратил? — Он начал отпускать зажим.

Хочу ли? Эта концентрированная боль слегка... сводила с ума. Но всё равно оставалась болью.

— Тебе надо всего лишь сказать "да".

— *Pendejo!*

Я с досадой дёрнула ногой.

Он отпустил руку.

— ОЙ! Больно, Максим!

Он заправил мне за ухо прядь волос.

— Болят оба соска?

Первый уже как будто онемел. А, значит, скоро онемееет и второй.

— Только взгляни на себя, — самодовольно произнёс он. — Как тебе разнообразие, *querida*?

Я опустила взгляд вниз. Чёрт, это не должно было так возбуждать. Вид зажатых сосков просто воспламенял! Чтобы вернуть инициативу в свои руки — и стереть это самодовольное выражение с его лица — я потрясла своей подрагивающей грудью.

Он ошарашенно застонал.

— Сделай так ещё раз. Покажи мне свою новую цепочку, *kotyonok*. — В его глазах был восторг.

Я опять потрясла грудью, словно демонстрируя новое украшение.

— Гордишься, правда? Ты должна невероятно собой гордиться.

— Я тебе нравлюсь, когда лежу в твоей кровати связанная с зажимами на сосках?

— Сейчас ты мне очень даже нравишься.

Он провёл по телу костяшками пальцев по направлению к «волшебной палочке».

Ох, нет, зажимы отвлекли меня от этого угрожающего устройства, как и от того, что я участвую в сеансе *бондажа*.

— Помни, одно слово — и всё прекратится.

Он поцеловал моё бедро, а потом... включил вибратор.

Никогда раньше я ничего подобного не испытывала! Эта штука просто *невероятна!*

Ощущения нахлынули со всех сторон: вибрация, давление кусачих зажимов, скрип кожи, если я шевелилась в своих путах. Я благоговейно затрепетала.

— Что ты со мной делаешь?

В его голосе слышались дьявольские нотки:

— Тебе ведь нравится эта игрушка, не так ли?

Я не смогла удержаться и яростно закивала головой.

— *Обожая*.

— Но скоро ты её возненавидишь.

Вспомнив о его намерениях, я решила сдерживаться как можно дольше. От внутренних усилий на коже выступила испарина. Желание всё накапливалось, нарастало... нарастало...

— О, Боже, Боже!

Он выглядел заворожённым, обрадованным.

— Ты кончишь в этих путах и зажимах — для меня. Здорово, правда?

Нарастало... нарастало...

— Да!

Голова запрокинулась, волосы разметались по сторонам.

— Я доставляю тебе удовольствие. Ты готова кричать — из-за меня. Помни об этом.

Нарастало...

Негодяй дёрнул за цепочку...

Меня затрясло. Я воспарила.

— *Максим!*

Глубокий, влажный, всепоглощающий оргазм выгнул моё тело. Путы натянулись, грудь затряслась, цепочка зазвенела.

Я едва улавливала его хриплые слова: *необузданная... похоть... раба...*

Обретя способность снова мыслить, я выдавила:

— Я убью тебя, как только окажусь на свободе!

Он действительно сказал "*раба*"?

Максим тяжело дышал:

— Я не совсем это надеялся услышать.

Протянув руку к вибратору, он на одно деление увеличил мощность.

— *Нет!* П-пожалуйста, дай мне минутку. — Только отойдя от первого оргазма, я уже приближалась ко второму, ещё более мощному. Тело покрывал пот, увлажнивший волосы на висках. — Всего секундочку, *Ruso!* — Клитор был словно в огне. Давление собиралось где-то внизу живота. — Я не могу... не могу... не так быстро...

Дьявол безжалостно произнёс:

— *Можешь.*

Следующий оргазм накрыл меня слепящими волнами такой силы, что я не смогла сдержать крик. Киска вновь и вновь сжимала пустоту. С каждым рывком зажимы опять кусали соски.

Постепенно тело немного расслабилось.

— *Por favor*, зачем ты это делаешь? — вскричала я.

— Чтобы ты захотела меня так же, как хочу я тебя, — мрачно выдавил он с яростью в глазах. Их цвет больше не напоминал океан. В тот момент они были голубыми, как самое горячее пламя. — Я украду тебя у него. Соблазну.

— Я... я не понимаю.

Он вновь включил устройство. Вибрации были и пыткой, и экстазом одновременно. Я никогда ещё так не чувствовала свою киску, набухшие губки, пульсирующий клитор. Если я двигала бёдрами, головка вибратора задевала внутренний край самого входа. Смогу ли я кончить *опять*? Застонав, я сдалась.

— Вот так, *lapochka*.

Наши взгляды встретились, когда я принялась насаживаться на скользкую головку, бесстыдно извиваясь.

— Тебе приятно, малышка?

— Моей киске очень приятно, Максим, — произнесла я.

— *Твою мать.* Тебе нравится всё, что я с тобой делаю.

Я серьёзно закивала.

— Ага.

— Я ублажаю твоё тело лучше, чем любой другой.

— Да! — Я чуть двинула головкой игрушки.

— И поэтому ты позволишь мне это делать.

Я закрыла глаза, кивая.

— Посмотри на меня, *Katya*.

Когда я подчинилась, этот безумный блеск в его взгляде меня просто взорвал...

— А-а-а! — я кончила с отчаянным воплем. Цепочка звякала, извивалось покрытое потом тело. Я бесстыдно завернула, насколько это было возможно, колени внутрь, бёдрами толкаясь в игрушку.

— *Blyad'*! — Его полуприкрытые глаза широко раскрылись.

Когда спазмы утихли до уровня лёгкого возбуждения, я оскалилась:

— Чего ты от меня ХОЧЕШЬ?

Он склонился надо мной, обхватив ладонями моё лицо.

— Всего. — Его язык скользнул по моим губам. — И я всё получаю. Тридцать один год мучений — позади. *Я владею тобой!*

— Ч-что это значит? — *Не могу думать. Не могу сосредоточиться.* — Пожалуйста, отпусти меня!

— Некоторые Верхние бросили бы своих Нижних прямо так, равнодушно отнёсшись к их мукам.

Что? Равнодушно отнёсшись ко мне? Ни границ, ни стен — лишь обнажённая незащитная киска — прямо на блюдечке.

— Но я так не могу. — Его огромное обнажённое тело устроилось рядом, головка члена размазала по моему бедру смазку. — Я не могу тебя покинуть. — Он гладил мои влажные волосы, убирая их со лба, мягко целовал губы. — Я буду страдать вместе с тобой.

— О, Максим, *gracias*. — Я сказала спасибо? За то, что он сделал меня незащитной? Что заставляет пройти через такие мучения?

Но он тоже мучился. Член набух, ствол оплетали выступившие вены. Я чувствовала, что он едва сдерживается, чтобы не выбросить этот вибратор и не войти в меня самому, чтобы с этим покончить.

Я умоляюще на него смотрела.

— Д-давай кончим оба, Максим. Я буду умницей. *Por favor, mi amor?*

В ответ он прохрипел:

— Само очарование, не правда ли? — Коснувшись вибратора там, где он был покрыт моей смазкой, он поднёс палец к моему рту.

Не отводя взгляда, я нежно принялась сосать.

— Само, блядь, очарование. — Он опять коснулся сначала вибратора, потом — моих губ. Одновременно он меня целовал, и наши языки переплетались вокруг его пальца — влажный, развратный поцелуй, разделяющий между нами мой сок.

Меня накрыло очередным оргазмом.

— Ммммм! — простонала я в его губы. Конвульсии заставили прервать поцелуй, руки и ноги в путах беспорядочно дёргались.

— *Ошеломляюще.* — Его дыхание участилось, пот струился по телу. — Ну и что ты должна сказать, детка?

— Я не могу!

— Объясни, *почему*. Или скажи "да".

— Нет! Нет! Нет!

— Очень хорошо. — Встав на колени, он потянулся к зажимам.

— Стой! Стой! — Я попыталась увернуться, но он вновь меня удержал. Я бешено замотала головой.

— Будет больно. — Он медленно разжал один зажим.

В соске восстанавливалось кровообращение. По телу вверх и вниз забегали волны боли. Голова сделалась лёгкой, и я практически потеряла сознание.

— Будь со мной, Katya.

Сосок налился кровью и стал чувствительнее, чем когда-либо.

— Ой, только не второй! Я не вытерплю, ты, дьявол!

Он беспощадно занёс руку над вторым зажимом.

— Скажи то, что я хочу услышать. Нет? — Он ослабил давление металла.

— Нет... оставь... не надо! — Слишком поздно; он снял зажим. Соски будто железом *прижгли*. Я что-то лепетала на двух языках. Выгнув спину, подставила к нему ноющие соски в поисках облегчения, любой помощи! — Пожалуйста, ПОЖАЛУЙСТА!

— Тебе чего-то от меня нужно, *lapochka*? Понимаю твои чувства. А мне нужно, чтобы ты сказала "да".

И пока я не оклемалась достаточно, чтобы начать осыпать его проклятьями, он увеличил мощность устройства. Потом наклонился и подул на соски.

Я взвизгнула, почувствовала, как закатываются глаза... и я кончаю, кончаю, кончаю...

Когда удалось сфокусировать взгляд, я обнаружила, что Максим навис надо мной. Мышцы груди и шеи напряжены, кожа блестит от пота.

Разведя колени, он принялся мастурбировать.

— Любишь наблюдать, не правда ли?

Эта картинка лишь усилила агонию, и он прекрасно об этом знал.

— Не могу — больше — *por favor*.

Он дёргал ногами, трахая свой кулак. Другой рукой он обхватил и яростно массировал тяжёлую мошонку.

— Будь умницей и скажи то, что я хочу услышать. — Отпустив яйца, он потянулся к вибратору. — Детка, не заставляй меня это делать.

— Н-нет, *por favor*!

— Тогда скажи! Почему ты так сильно упрямисься?

— Максим, зачем ты меня принуждаешь?

— Женщина, отвечай, почему!

— Потому!

— Почему потому? Чёрт возьми, ответь!

— Когда всё кончится, я хочу остаться невредимой! — Вот. Я это сказала.

— С невредимым сердцем? — Взгляд стал нечеловеческим, в голубых глазах бушевал огонь. — Так уже охуенно поздно. Придётся сполна насладиться и падением. — Катастрофа. Он установил мощность на самый высокий уровень.

Мгновенный оргазм.

Бесконечный.

Всепоглощающий.

Спина резко выгнулась, и я прокричала:

— ДА! Я-я пойду! Я ПОЙДУ С ТОБОЙ!

Мои слова заглушил его звериный рёв. Он кончал, разбрызгивая на меня сперму.

Мой крик усилился, когда на живот ударами хлыста пролились горячие струи. Они падали всюду: на грудь, на мою игрушку, на опухшие губки. На измученные соски. Я извивалась под ним, и семя собиралось лужицей во впадинке около ключицы, смешиваясь с потом.

— *Пощади!*

Он вырвал из розетки шнур питания и рухнул на меня сверху.

Тяжело дыша, сообщил:

— Мы отбываем утром двадцать восьмого, Катя. Тебе надо будет сделать кое-какие покупки.

Уже выбрав несколько украшений, включая жемчужные серьги в комплект к ожерелью, я колебалась, разглядывая ещё одну золотую пару серёжек по заоблачной цене, *сравнимой со стоимостью спортивной машины*. Каждая серьга представляла собой крошечный ключик с замочком, которые были соединены цепочкой.

Пожилой ювелир полировал очки:

— Не торопитесь, моя дорогая.

Сегодня, занимаясь внесением последних корректировок в организацию системы безопасности на свадьбе (какое количество охраны нужно для одной свадьбы?), Севастьянов вызвал поставщиков прямо в отель.

— Я знаю, что шопинг ты ненавидишь, — сообщил он мне, — но придётся потерпеть. — Так сказал король.

Будучи *вынужденной* поехать на свадьбу, я провела анализ рисков и выгод. Выгоды: ещё больше невообразимого секса, интересное путешествие, возможность впервые увидеть снег. Я смогу познакомиться с его родственниками и друзьями, чтобы узнать об этом человеке побольше. Интересно, как он меня представит, как будет вести себя на публике?

Риски: катастрофа. Но я убеждала себя, что не успею так быстро влюбиться. Чуть больше недели? Смешно даже думать. Ведь так? Поеду, повеселюсь на свадьбе, а сердце лишь немного поноет.

Как бы там ни было, выбора у меня нет, придётся ехать. *При плохой игре...*

Ювелир был последним из поставщиков. Свои изделия он выложил на длинном обеденном столе, застеленном чёрным бархатом. Чуть ранее Севастьянов бросил, проходя мимо нас в кабинет:

— Она это берёт, — и обвёл рукой всю коллекцию.

Я поспешно уверила ювелира:

— Он шутит!

— Конечно, моя дорогая, — ответил тот, но мы оба знали, что Севастьянов *не шутил*.

По настоянию Максима я заполнила два шкафа. Если магазины приходят к тебе, шопинг становится совершенно другим. Туфель у меня теперь было больше, чем я могла сосчитать, а так же появились чемоданы, сапоги, юбки, блузки, свитеры, тёплая верхняя одежда, сумки и невероятное длинное вечернее платье для свадебной церемонии — да, ещё ящики с бельём.

Примерять лифчики оказалось непростым испытанием из-за того, что он вчера со мной сделал. Утром соски по-прежнему были припухшими, а тело побаливало. Чтобы выдержать пробежку, пришлось выпить аспирина и заклеить соски пластырем. Севастьянов снова за мной наблюдал (*ну точно лев за газелью*). В конце он даже не стал дожидаться, пока я пройду мимо кровати, а просто стащил с дорожки, заставив обвить ногами талию. Оттянув майку, спросил:

— Что это?

— Пластырь. — Я ахнула, когда он отвёл в сторону шорты и резко в меня вошёл. — Они слишком чувствительные.

— Ах ты, бедняжка, — ответил он, но его глаза сияли.

В течение дня он увлекал меня в спальню, чтобы покрыть их поцелуями — сладкими, нежными поцелуями вокруг каждого соска. Что только усугубило ситуацию!

И будто бы физической боли было мало, он пытался меня уязвить, продолжая писать "зеркальные" подколки. Последняя запись была о двери, которая стукнет меня под зад. Его ответ?

"Далеко ли ты убежишь связанная?"

Чёртов дьявол! Я ответила: *"Прямо в Небраску, малыш"*.

На огромном зеркале почти не осталось свободного места.

Сейчас он вышел из кабинета, на ходу завершая телефонный разговор.

— В чём загвоздка? — спросил он.

В деньгах, которые ты тратишь! Считать расходы было весьма затруднительно потому, что на товарах не было ценников и приходилось всякий раз спрашивать. Готова поклясться, что он уже потратил на меня — я слотнула — полмиллиона долларов. Всякий раз, когда от этой цифры у меня дух захватывало, я представляла, что это лишь крохотная часть его состояния. Всё относительно, правда?

Севастьянов заметил серьги, и в его взгляде снова появился блеск. Он обратился к ювелиру:

— Эти она определённо возьмёт...

Как только мужчина удалился, Максим сказал:

— Я просмотрел твои сегодняшние покупки. Результат неутешительный.

— *Por el amor de Dios*. Серьёзно?

— Если ты не одета с иголки, это бросает тень на меня. Завтра начнёшь по новой.

— Максим, мне столько не надо! И меня беспокоят твои траты. На плохом рынке с твоим миллиардом сегодня ты заработал меньше, чем потратил.

Тоном, которым я часто пользовалась в разговоре с ним, он произнёс:

— Ой, неужто моя малышка думает, что в моём распоряжении лишь официальный миллиард?

У меня челюсть отвисла. Незадекларированный нелегальный доход. Я расхохоталась.

— Люблю твоё чувство юмора.

— Оно у меня есть?

— Выше всяких похвал. — Я погладила его по груди. — Но завтра я всё равно не смогу делать покупки. У меня свидание с тем русским.

Его брови взлетели.

— О, неужели?

— Он очень богат, так что возьмёт отгул и проведёт его со мной.

Его взгляд оживился.

— И что вы будете делать?

— Днём будем валяться у бассейна, готовить барбекю. Потом он возьмёт меня на пляж на пробежку. И ещё туррон. Эта штука для него — словно мёд для медведя...

Максим подхватил меня на руки и устремился в спальню:

— Прекрасно. От шопинга ты освобождена. — Потом он шлёпал меня, а я визжала. — Больше ничего тебе не куплю — совершенно неблагодарное занятие.

Я изогнулась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что намерен со мной сделать?

— От разговоров о турроне и мёде у меня уже слюнки потекли в предвкушении любимого десерта.

Пару часов спустя, когда я, улыбаясь, вытянулась на простынях, он бросил мне запакованный подарок.

— Что это? — я сорвала обёртку. Сглотнула.

Он подарил мне...

Красный шарф.

— Не могу поверить, что увижу снег! — воскликнула я, когда самолёт Максима находился над Флоридой на высоте в тысячу метров. Расправив юбку палевого цвета, я уселась рядом с ним в роскошное кожаное кресло — Ведь увижу?

Не поднимая взгляда от делового журнала, он ответил:

— Если бы я зарабатывал доллар всякий раз, когда ты проверяешь прогноз погоды... Я клянусь, что там будет достаточно снега. А если нет, я сделаю так, чтобы было.

— У меня просто кружится голова, когда я представляю, что из жары мы попадём напрямиком в заснеженную Небраску.

Мы провели вчера восхитительный совместный день. Кувыркались в бассейне, он меня ловил, а я поддавалась в обмен на секс.

Потом, когда я на кухне готовила маринад для гриля и десерт, он оставался рядом со мной. Попросил, чтобы я больше говорила на испанском. А я была только рада выполнить его просьбу. Неужели он так быстро учил язык? Он уже читал на испанском информацию на упаковках.

Вечером он взял меня с собой на пляж на пробежку. Сначала мне было не по себе, но потом я вспомнила, кем является мой спутник.

Двухметровым железобетонным безжалостным русским.

Что могло возбудить меня сильнее бега? Совместный бег. К счастью, меня вознаградили очередным агрессивным потным сексом. На пляже. Под пальмой.

Жизнь могла быть прекрасна.

Но всё равно, то, что происходило между нами, сбивало меня с толку. Сколько ещё мы будем вместе? Быть подружкой на выходные — это одно. Вернуться с ним в Россию — за гранью реальности.

Зачем же он тратит на меня деньги?

Утренняя записка на зеркале смущала ещё больше. На саркастическую фразу о дороге в Небраску он загадочно ответил "*Зачем останавливаться там?*"

Максим опустил журнал.

— Очевидно, ты никогда не жила там, где снег. И я уже знаю, что ты выросла на побережье.

Я выдавила улыбку.

— Как так?

— Дети в штате Айова не угрожают матерям "уплыть и не возвращаться". — Поисковый движок получил две новые переменные. — Возможно, ты родом из Майями. Или с побережья Техаса. Из Южной Калифорнии?

Когда я пожалала плечами, новый лифчик потёрся о соски, заставив меня вздрогнуть. С того дня, когда он нацепил мне зажимы, кожа в тех местах оставалась чувствительной. С того же дня они были постоянно напряжены, и просматривались даже теперь, несмотря на

красный кашемировый свитер с V-образным вырезом.

Дьявол заметил мою реакцию и улыбнулся. Я ему сообщила на испанском, что моя месть будет сладкой и внезапной.

Он отложил журнал.

— К твоему сведению, я дал команду Василию прекратить в твоём отношении расследование. Он был крайне разочарован.

Максим это сделал?

— Теперь понятно, почему он так себя вёл.

Отвозя нас в аэропорт в принадлежащем Севастьянову "Бентли Мульсан" этот телохранитель/водитель/правая рука всё время на меня зыркал. Пока мы поднимались на борт, он бросил на меня очередной угрюмый взгляд перед тем, как удалиться в кабину для экипажа. Чрезмерная забота о "боссе".

— Что заставит этого мужчину улыбнуться? — спросила я Максима.

— Твоё настоящее имя и паспорт. Вот всё, что ему нужно в жизни. Ну, возможно, ещё миндальные конфетки.

Сейчас же Максим сообщил:

— Сначала Василий поставил всю Тампу с ног на голову. Ты ведь там никогда не жила?

— Я никогда не говорила, что жила. Почему ты его отозвал?

— Потому что ты мне сама доверишься. Скоро.

— Так уверенно говоришь. — Последние пару дней я думала, не попросить ли Максима помочь мне с Эдвардом? Утром в ванной я попыталась отрепетировать перед зеркалом, что я ему скажу: "Я замужем за психом, который хочет меня убить", но ни одно слово не сорвалось с моих губ. Лёгкие будто каменной плитой сдавило.

— Я уверен. Ты учишься мне доверять, — сказал Максим.

Что если... *так*? Требуемый уровень доверия... я не знала, могла ли моя атрофировавшаяся вера вернуться к этому уровню. Разве можно бегать со сломанной ногой?

Наши взгляды встретились.

— Я хочу для тебя самого лучшего. Ты можешь мне доверять.

Я отвела взгляд. Именно эти слова произнёс Эдвард, когда я пожаловалась: "Не понимаю, почему мне надо подписывать все эти документы".

Я так долго следовала лишь собственным правилам, не доверяя никому. Я была одна — и была жива. Я молчала — и не высывалась. Помня об этом, разве я могу вот так открыться?

За прошедшие годы секретность для меня стала синонимом выживания. И мне казалось, что добровольно нарушить это правило значило бы призвать Эдварда за моей головой.

Я понимала, как это дико. Но избавиться от этого ощущения не могла. Может, у меня уже психика повредилась? Всё вполне могло обстоять именно так. Нельзя жить, постоянно представляя, каково это — получить удар ножом...

— *Katya?*

— *Qué cosa?* А? — Прочистив горло, я сменила тему. — Василий очень предан тебе. Как ты его нашёл?

Взгляд Максима сообщил мне, что на этот раз он позволил мне сорваться с крючка.

— Василия должны были приговорить к смертной казни за разбойное нападение, которого, как я знал, он не совершал.

— *Por Dios.* Как ты узнал?

— Я шантажировал заказчика этого нападения. И колебался, спасти Василия или нет. Это была моя первая глобальная схема шантажа, и в будущем иметь возможность пользоваться услугами такого могущественного человека казалось весьма заманчивым. В конце концов, я анонимно выслал все доказательства адвокату Василия. А потом Василий освободился — и каким-то образом меня выследил, обратив внимание на все уязвимые места системы безопасности. Со шляпой в руке он попросился ко мне на работу. Разве я мог отказать?

— Ну, это звучит не особенно бессердечно.

— Расчётливо, нет? Я однажды спас ему жизнь, и с того момента он охраняет мою. То, что я поступился тогда своей целью, оказалось самой лучшей инвестицией. — Его взгляд потеплел. — По крайней мере, пока не появилась ты.

— Ха. *Qué cómico*. Кстати, об инвестициях — что ты будешь дарить на свадьбу?

— Жеребца для их конюшни. Который не был предназначен для продажи.

Ну, конечно.

Открыв свой незаменимый портфель, он извлёк мой телефон.

— Возьми. — Он вручил его мне.

— Ты взломал пин-код или что?

— Телефоны, блокируемые кодом, невероятно сложно взломать. Я бы мог его вскрыть, но существовал риск потери данных. Скоро ты мне всё равно всё расскажешь.

Прикрыв экран, я ввела код и, уже не скрываясь, просмотрела смс. Я и понятия не имела, как много этот мужчина будет для меня значить. Так что его контакт я назвала "М. Севастьянов", а потом проверила голосовую почту. Миссис Эбернати напоминала, что тридцать первого я должна сделать у неё уборку.

И это сообщение я слушала, путешествуя на частном самолёте. *Ирония судьбы, Эбернати.*

Я спросила Максима:

— Телефон я заслужила за хорошее поведение?

— На случай, если на свадьбе мы разделимся, и тебе понадобится позвонить.

— А мы разделимся? Я думала, что все гости будут в одном месте. В гостинице рядом с каким-то историческим особняком, который выбрала мать Натали.

— Может, проедешь в соседний город с Натали и её лучшей подругой Джессикой. Они обе твоего возраста. Думаю, ты заведёшь новых друзей.

— Не из эскорта?

— Это ты сказала.

— Они чопорные? Высокомерные? А вдруг я им не понравлюсь?

— Натали очень милая. В прошлую поездку в Небраску я познакомился с Джессикой, и она очень... яркая. Они тебя полюбят.

— А Дмитрия не будет?

— *Net*.

— Мне показалось, что он обижен из-за свадьбы. — Парень, как обычно, названивал Максиму. Последние несколько дней, разговаривая с ним, Максим усаживал меня на колени и гладил по волосам, что, казалось, его успокаивало. С этого расстояния мне было слышно, что Дмитрий, будто в ярости, кричал что-то по-русски. Максим отвечал монотонно, пытаюсь утихомирить взволнованного брата.

— Добра он Александру не желает, — сказал Максим. — Жениться на прекрасной

дочери легендарного миллиардера — уже невероятный поворот событий в жизни нашего старшего брата. Я всё думаю, как бы загладить возникшую между Александром и Дмитрием трещину. Недавно кое-кто мне посоветовал послужить примером.

— Не знаю, кто тебе это сказал, но она явно гений.

— Я и сам начинаю так думать.

Я уселась поудобнее, засунув ноги под себя.

— Как Александр и Натали познакомились?

— Её отец, Павел Ковалёв, усыновил Александра в юном возрасте, став его обожаемым наставником.

— Александра усыновили, потому что вы разлучились?

Максим кивнул, но не стал ничего объяснять.

— Ковалёв не знал, что у него есть дочь, пока Натали не начала поиск своих биологических родителей. Узнав правду, Ковалёв отправил в Небраску Александра присмотреть за девушкой.

— Зачем надо было за ней присматривать?

— Ковалёв оказался втянут в бандитскую войну с другим мафиози — Травкиным. Который тоже узнал про Натали. Травкин объявил награду за голову Ковалёва — и за его дочь.

Куда я суюсь? Из огня да в полымя?

— Через две недели после приезда Натали в Россию дальний родственник решил подзаработать и приволок в дом Ковалёва автомат. Отчаянно желая защитить Александра и Натали, Ковалёв пытался уговорить этого человека уйти. Но оружие выдало очередь. Александр мог спасти либо Ковалёва, либо Натали.

— Ему пришлось выбирать? — Я знала, как быстро стреляет пистолет. И просто не могла себе представить скорость автомата.

Максим кивнул.

— Александр прижал к земле Натали. Ковалёв умер у неё на руках.

— Она видела, как он умирает? Зная его всего две недели? — Бедная девочка! И хотя об отце у меня были лишь смутные воспоминания, на протяжении двадцати лет я помнила, что он меня любил. — А награда за её голову? Натали до сих пор в опасности?

— Нет. Мой брат проник к Травкина в берлогу, прямо в самый центр его банды и вынес ему на хуй мозги.

— Ты хоть осознаёшь, что в твоём голосе звучит гордость?

— Я знаю это.

У Максима явно не будет *никаких* проблем с тем, что я сделала с Джулией.

— Любой человек, задумавший убить невинную девушку вроде Натали, заслуживает такой участи, или даже хуже.

Максим, знакомься, это — Эдвард.

— Что может быть хуже пули в голову? — Я пожалела о своих словах сразу же. Я знала ответ. Что хуже, чем быть застреленной? Быть зарезанной.

Максим замер, затем добавил ледяным тоном:

— Ты даже *не представляешь*.

Выражение его лица почти заставило меня вздрогнуть.

— После этого миллиардные активы Ковалёва оказались в полном хаосе, и Александр не знал, кому он может доверять. Поэтому он спрятал девушку и обратился ко мне за

помощью, чтобы обезопасить собственность Ковалёва в России, — продолжал Максим. — Если бы не смерть старика, на этой свадьбе меня бы не было.

— Почему?

— В сложные времена я оказался полезен. Александр решил, что я могу быть союзником, что я не являюсь на самом деле его врагом.

— Не понимаю, почему ты мог бы им быть. Потому что он ушёл из дома?

— Это неприятная история. И не для этого момента. — Он смотрел на меня в упор. — Ты не передумала насчёт уик-энда?

— Помнится, когда я начала *передумывать*, то тут же попала под твоё "убеждение".

Его веки отяжелели, в штанах вдруг вырос бугор.

— Не напоминай. У меня стояк, как только я об этом подумаю. — Он выдохнул. — Уже поздно. Знаешь, каково это — трахаться в самолёте?

— Нет, — взволнованно прошептала я. — Но, наверное, сейчас узнаю...

— *Миленко*, чёрт побери, — проронил Максим, когда мы осматривали наш номер.

Обстановка просторного роскошного помещения с большой ванной и внушительной гардеробной дополнялась при этом некоторыми пошловатыми деталями. Русский гангстер никак не вписывался в комнату с деревянным полом и деревенскими вязаными покрывалами. Столешницы дубовых столов покрывали салфеточки.

— Вязаные покрывала, — ухмыльнулся он. — Очаровательно.

Вспрыгнув на кровать, я надула губки.

— Ой, неужто мой малыш страдает, если не живёт в "Фор Сизонс"?

В холле разместили экран из кукурузных стеблей с большим красным бантом. Ничто так не настраивает на праздничный лад, как кукурузные стебли.

Я потянулась и изобразила на кровати снежного ангела.

— Только представь, мы будем прятаться под одеялом, чтобы согреться. Придётся нарастить темп. — Я вытаращила глаза. — Здоровья ради тебе придётся трахать меня всю ночь напролёт.

— Ну, надо так надо. Но только здоровья ради.

Я уловила еле заметное движение за окном.

— А-а! Идёт снег! — Я вскочила на кресло у окна. Пока мы ехали из аэропорта, я уже успела увидеть *много* снега, лежащего на земле, но ещё ни разу не наблюдала *снегопад*. И никогда под него не попадала. — Максим, *по-настоящему* идёт снег. — Повсюду в воздухе танцевали снежинки! — *Pero quién sabe por cuánto tiempo?* — Кто знает, сколько ещё это будет продолжаться? — Надо идти на улицу, пока он не прекратился.

— Уверен, ты ещё не раз увидишь падающий снег. Как только переоденемся, пойдём гулять...

Я уже срывала с себя одежду.

— Когда принесут чемоданы?

— Все наши вещи уже здесь.

Я направилась к гардеробной и распахнула шкаф.

— Всё уже распаковано.

— На подобные мероприятия я езжу со слугой. А для тебя дополнительно нанял горничную. Сейчас они занимаются глажкой.

Понятно, что он всегда выглядит безупречно.

— Надень несколько слоёв одежды, — посоветовал Максим. — Непромокаемые лыжные штаны и тёплые носки.

— Поняла.

Несколько минут спустя, порывшись в вещах, я переделалась в красную водолазку, белоснежную куртку, чёрные лыжные штаны, варежки и ботинки. Штаны оказались на удивление тонкими и сидели на мне, словно леггинсы. И, как обычно, плотно обтягивали мою задницу. Ничего не попишешь. Само собой, у меня был и шарф, и подходящая к нему шапка.

Когда я переделалась, мне захотелось подразнить русского — совсем чуть-чуть.

Я вбежала обратно в комнату:

— Эй, Максим, посмотри, пожалуйста!

— Гм? — Он расстёгивал рубашку.

Я повернулась, наклонилась над кроватью и невинно спросила:

— Задница у меня не слишком большая?

— А ты ведьмочка, — он бросился ко мне, но я перепрыгнула через кровать. — Не думаю, что ты хочешь гулять.

— Нет-нет! Я буду послушной.

Поколебавшись, он стянул рубашку, всем своим видом давая понять, что предупредил.

Я расположилась у окна.

— Похоже, сейчас выйдет солнце. Тогда снежинки исчезнут? Пошли, Максим!

— Попробуй тут переодеться с торчащим членом, — хрипло пробурчал он. — Эти твои штаны — просто преступление.

Я повернулась к нему.

— Я должна потрогать снег!

Он снял брюки, под которыми оказались серые боксеры и крайне заметная эрекция.

— И определённо, — он махнул на член, — я должен тебя трахнуть. Снова.

— То, что мы делали в самолёте, едва-едва помогло тебе продержаться? — Я вспомнила, с каким криком присоединилась к "высотному клубу". Подойдя к нему, потёрла влажное пятно на его трусах. — А на снегу ты меня трахнешь?

— Мне нравится ход твоих мыслей, Katya. — Он быстро надел джинсы, толстовку и удлинённую чёрную лыжную куртку.

Схватив его за руку, я понеслась вниз по лестнице. Там я увидела знак с надписью "Тропинка в зимнюю сказку", который указывал куда-то за здание гостиницы.

— *Si me haces perdermela, no te lo perdonaré!* — Никогда тебя не прощу, если мы всего этого не увидим.

Максим что-то проворчал, но чувствовалось, что он доволен.

В дверях я, обернувшись, скомандовала:

— *Vámos! Apúrate, Ruso.* — И тут же уткнулась в чью-то грудь. Подняв взгляд, обнаружила, что на меня уставился светловолосый гигант. Рядом стояли несколько его друзей. Все — вылитые фермерские ребята из Небраски. Ну, или Поль Баньян с братьями.

— *Disculpe.* Простите! — Кривляясь, я совершенно не смотрела вперёд.

— Мэм, — с нескрываемым интересом пробормотал первый.

Максим крепче сжал мою руку. И, пока мы проходили мимо, я успела обернуться и заметить, каким убийственным взглядом он наградил компанию, хотя парни всё равно этого не заметили, поскольку до сих пор смотрели мне вслед.

Оказавшись на улице, русский вскипел.

— Эти ублюдочные крестьянские дети на тебя пялились? Неужели непонятно, что ты со мной?

— Я сама на них налетела.

Он внимательно на меня посмотрел.

— Что?

— Так ведь и дальше будет продолжаться. Нет-нет! Хватит меня запирать, Ruso! Помни, что кошечка уже выпрыгнула из мешка. Мы же хотели сделать светящуюся вывеску...? — я осеклась, потому что прямо перед моим лицом пролетела снежинка.

На краю гостиничного дворика располагалась заснеженная поляна, прямо за которой начинался бескрайний лес с голыми деревьями. Снег ровным слоем укутывал корни и ветви.

Выглянуло солнце, но я его за это простила; блеск сосулек в солнечном свете завораживал, словно россыпь бриллиантов по волнам.

— О-о! — я бежала, и под ботинками хрустел снег.

Максим следовал за мной, доставая из кармана чёрные перчатки.

— Это... это просто великолепно. — Настоящая зимняя сказка.

Он нахмурился так, будто мы видели совершенно разные картинки.

— Ну, если ты так говоришь.

Зазвонил его мобильник.

— Дмитрий? — спросила я.

— Да. Осмотрись здесь пока. Постараюсь не затягивать. — Отвернувшись, он ответил на звонок.

Плечи сразу напряглись, вся безмятежность испарилась. "*Неприемлемо*", как сказал бы он. Зачерпнув пригоршню снега, я скатала свой первый в жизни снежок и запустила прямо ему в голову.

Он снова напрягся, словно его тело отказывалось верить в случившееся. Пара резких слов завершила разговор. Поворачиваясь, он встряхнул волосами.

— *Беги.*

С хохотом я понеслась в направлении деревьев. Сердце ускорило темп, когда прямо за собой я слышала хруст его шагов.

Я как раз достигла кромки леса, когда он, обхватив меня за талию, поднял в воздух, и мы оба покатались по снегу.

— Разве так надо обращаться со своим мужчиной? — Максим оказался сверху и удерживал мои запястья над головой. Он внимательно наблюдал за мной, пока я пыталась совладать с дыханием.

— Ты чертовски красивая.

Я улыбалась.

— Ну, попадались мне мужчины подурнее тебя. — На фоне окружающей белизны синева в его глазах казалась ещё более пронзительной, улыбка — просто бесподобной.

— Да неужели? — Свободной рукой он принялся меня щекотать, заставив визжать от хохота.

— Зря я призналась, что боюсь щекотки! — извивалась я, пойманная в ловушку.

— Как будто я сам об этом в конце концов не узнал бы.

В конце концов? Сколько же, сколько ещё?

Вскоре прикосновения стали не такими шутливыми. Его губы завладели моими. Язык проник в мой рот, и поцелуй углубился, сделавшись требовательным...

Вдруг он отстранился.

— Что такое?

Встав на ноги, он помог мне подняться.

— Нас ждут.

Он отряхнул с моей спины снег, затем одёрнул куртку, чтобы скрыть эрекцию.

Взявшись за руки, мы пошли по тропинке, огибающей лес.

— Куда мы идём?

От гостиницы мы удалялись, слегка поднимаясь в гору.

— Терпение, *solnyshko*.

— Что такое сол-нуш-ка?

— Ласковое слово. Тебе пора начать учить русский.

У меня рот открылся. Зачем? Разве что...? *Спокойно!* И всё-таки, я уже собиралась попросить его объяснить, что он имеет в виду, как вдруг заметила впереди конюшню. Это было огромное строение со стенами, выкрашенными в красный цвет. Вокруг располагались загоны.

— Ой! Можно зайти в конюшню?

— Полагаю, да.

Мы подошли ближе.

— А лошадку можно будет погладить? — Мои глаза широко раскрылись. — Я... их... слышу, Максим. Я хочу погладить всех лошадок!

Он посмеивался, открывая дверь и приглашая меня внутрь.

— Слышишь, значит? — В воздухе пахло овсом и кожей. — Мы будем кататься.

— *En serio?* — Я захлопала ладонями в варежках.

— Посмотри-ка, как ты оживилась. Моя Katya частному самолёту предпочитает снег, а драгоценностям — поездку верхом.

Я по-прежнему радовалась, когда он называл меня *его Katya*.

— Кататься я не умею, ну и наплевать, — смеясь, сообщила я. — Передай мне шлем, Ruso — и давай это сделаем.

Он улыбался.

— Мы поедем вместе. Здесь используют западный стиль, так что ты поедешь со мной в одном седле.

— Куда мы поедем? В ледяную хижину? На Северный Полюс? Туда, где сенбернары носят бочонки с бренди?

Он засмеялся, обнимая меня за талию.

— Недалеко. Ты только попробуешь, что это такое, иначе все выходные будешь передвигаться с трудом.

Я вздернула бровь.

— Не сдерживайся ради меня. Уже неделю я объезжаю тебя, как строптивного жеребца, по меньшей мере, дважды в день.

Именно в *этот* момент появился работник конюшни.

Он откашлялся, залившись краской даже сильнее, чем я. Он вёл за поводья самую прекрасную гнедую лошадку в мире!

— Как её зовут? — я подошла её погладить.

— Кашпанка, мэм, — ответил мужчина.

— Ну конечно! — Чудо!

Максим обсуждал с конюхом маршрут и достопримечательности; я их не слушала, потому что была полностью поглощена лошадью, гладила её, называла разными ласковыми словами: "*Poni bonita. Mi yegua castaña. Yegüita.* ." Милая пони. Моя гнедая кобылка. Лошадка.

Максим повернулся ко мне.

— Готова? — Он обхватил меня за талию. — Тогда навверх. — Подсадив меня в седло (которое оказалось куда выше, чем я думала), он сам уселся сзади. Уместились идеально.

Обняв меня, он взялся за поводья. Щелчок языком — и мы выехали из конюшни. Моя первая настоящая верховая прогулка! Я наслаждалась окружающими запахами: одеколон Максима с нотками сандала, кожаное седло, непривычный запах лошадиной шёрстки.

Он направил Каштанку по тропинке вглубь леса.

Я погладила лошадиную гриву:

— Ты ловко управляешься.

— Это очень спокойная кобыла, как раз для неспешной прогулки. В России моя конюшня полна норовистых жеребцов, и всех их можно гладить.

Зачем он мне это говорит?

— А ещё шкаф, полный надувных кукол — ты сам признался. *Pervertido*.

Он куснул меня за ухо.

— Вот нахалка.

— Не могу поверить, что еду на лошади. По сказочному лесу Деда Мороза.

— С тобой зима мне почти снова нравится, — сказал Максим. — Верховая езда и снег — то, что ты впервые испытала именно со мной. И ты тоже заставила меня испытать кое-что впервые.

— Что?

— Я был готов наброситься на незнакомца ради женщины. Я почувствовал сильнейшую ревность, когда те парни пожирали тебя глазами. Я никогда так не ревновал, но с тобой постоянно испытываю это чувство.

У меня подвернулись пальцы на ногах.

— Они так смотрят на каждую встречную девушку.

— Не так. И они понятия не имеют, какая ты на самом деле. Если бы люди знали, какое ты можешь доставить наслаждение, я бы только и делал, что бился за тебя.

Я порадовалась, что он не мог видеть широкую улыбку на моём лице.

— Уверена, что среди женщин в эти выходные ты будешь пользоваться огромной популярностью.

— Я улыбнусь им, и ты увидишь, как моя улыбка будет отличаться от той, которая предназначена тебе.

Дорогу перебежал олень, и я воскликнула:

— Смотри! Признайся, что заплатил, чтобы мы увидели оленя. По-честному.

Он сердито ответил:

— Этому оленю я дал знак выбежать ещё десять минут назад. И что у них за видок?

Откинувшись в его объятьях, я расхохоталась.

— Мне нравится этот звук. Ты смеёшься так же, как делаешь всё остальное — от чистого сердца. — Его ладонь лежала на моём бедре, и я могла поклясться, что чувствовала исходящий от неё жар через все слои одежды.

Несмотря на неподходящее время и место, я возбуждалась. Мы же ехали верхом! По снегу! Я поёрзала в седле, но стало только хуже.

А потом он подтянул меня ближе, и я почувствовала его ощутимую эрекцию.

— Ух. — Я, было, собралась запланировать по возвращении *un cafecito*, но тут мы выехали из леса, оказавшись перед крытым мостиком. Я никогда не видела ничего подобного. — *Lindísimo!* Как мило! — Конструкция была небольшой и узкой и тянулась через замёрзший ручей. Крыша мостика была укутана шапкой снега, стены — грубо обтёсаны. — Словно путешествие в Диснейленд! Заглянем внутрь?

— Пора сделать перерыв. Спрятаться от ветра.

— От какого ветра?

— Подыграй мне.

— А! Я просто очоенела. — Наклонившись вперед, я потёрлась попкой о его выпирающий член. — Надо... пойти... согреться.

Он с силой притянул меня к себе, толкаясь навстречу.

— Маленькая ведьма. Ты дразнишь меня в последний раз перед тем, как я тебя трахну.

Лошадиные копыта теперь ступали по дереву, гулко цокая в замкнутом пространстве. Когда мы проехали половину пути, Максим спешил и привязал Каштанку, а потом протянул руки ко мне. Потом стащил вниз, крепко прижав к себе. Его губы накрыли мои, холодные, по сравнению с его горячим юрким языком и нашим дыханием.

Лишь когда я застонала, он отпустил меня и разжал объятья. Потом решительно снял перчатки.

— *Aquí, mi amor?* Прямо перед Каштанкой?

Мои штаны и трусики он стянул до середины бедра.

— Вот так, — и развернул меня лицом к стене.

Я слышала звук расстёгиваемой молнии, предвкушение сделало меня совсем влажной. Ноги я развела как можно шире.

Став сзади, он чуть присел. А когда выпрямил ноги, его член устремился прямо в мои мокрые глубины.

— М-м! Моя Katya всегда для меня готова.

Он заставил меня привстать на цыпочки.

— И только я. — С новым толчком его ладонь шлёпнула мою промежность. Член скользил прямо между пальцами, накрывающими губки. — Это всё *моё*. — Следующий рывок заставил меня всхлипнуть. — Это принадлежит мне. — Он держал меня железной хваткой, основанием ладони впиваясь в клитор. — Я владею этим. Я владею тобой.

Властный, *уверенный*.

От этого я просто растаяла.

Работая надо мной короткими резкими ударами бёдер и горячей хозяйской рукой, он ткнулся носом мне в ухо.

— Будь я похитрее, то сделал бы тебе ребёнка. — Вторая ладонь легла на мой живот. — Я уже это представлял. Как ты беременна от меня. Как эти груди полны молока. — Он сдавил каждую по очереди. — И член встал так, что я кончил за три движения.

— Максим! — он дрочил, фантазируя обо мне? От этой мысли всё внутри сжалось, обхватив его ствол. — *Dios mío, Dios mío*. — С криком я подалась навстречу железной хватке.

Он навалился сильнее и увеличил сводящий с ума нажим на мою киску.

— Ты уже скоро, да? Хочу, чтобы ты очень сильно кончила.

Он убрал ладонь...

— Нет! Мне это нужно, Максим!... - чтобы вернуть её с новым *шлепком*.

— Бо-же-мой!

— Вот так... Вот так, малышка. Я чувствую, что твоя киска уже готова.

ШЛЁП.

Звук эхом отразился от стен, когда я достигла пика. Сердце замерло от разлившегося по венам наслаждения, я сделала глубокий вдох, готовясь *закричать* изо всех сил.

Второй рукой он накрыл мой рот.

— Кричи для своего мужчины.

И я подчинилась. Я кричала снова и снова.

— Жадная девочка! — Он трахал меня всё сильнее, погружаясь резкими, почти животными толчками.

Он сорвал с меня шарф. Укус в шею — и у меня глаза закатились. В тот момент, когда я ощутила внутри себя его разливающийся жар, он, не отрываясь от меня, прорычал:

— *Prinadлежаишь* мне!

Его массивное тело сотрясали мощные конвульсии. Одна за одной. Пока он не излился в меня полностью...

С последним стоном он упёрся лбом в мой затылок. Продолжая лениво двигаться внутри, обнял меня обеими руками. Очень крепко прижал к себе, но мне это нравилось.

Мы медленно восстанавливали дыхание.

— *En un sueño*.

— Сон? — Опять куснув меня за ухо, он пробормотал, — ты в меня влюбляешься.

Моя плоть сжалась вокруг его по-прежнему немного твёрдого члена.

Низкий смешок.

— Не можешь скрыть это, да? И что мы будем с этим делать? — о своих чувствах он не сказал ничего.

Я сглотнула.

— Переживём эти выходные?

— А потом нам предстоит долгий разговор. Согласна?

— Согласна.

Стойте, на что я только что согласилась? Голова по-прежнему витала в облаках.

— Хоть это и доставит мне неудобства, но, думаю, на праздник опоздать мы не можем.

Он вышел из меня с очередным стоном.

Мою задницу и киску сразу же обожгло холодом.

— Ой-ой!

Влажный член, должно быть, просто окоченел, но Максим сначала заботливо вернул на место мою одежду, а потом привёл в порядок себя.

И ущипнул меня за попку. А я ущипнула его в ответ. Он посадил меня на лошадь и сам уселся следом. Вновь ощутив, как меня обнимают его руки, я откинулась назад, удовлетворённо вздохнув.

— *Me podría acostumbrar a tí*. — Я могла бы к тебе привыкнуть.

— Вот поэтому мне так нужно побыстрее выучить твой язык. Во время секса и после ты всё время что-то шепчешь по-испански.

А сам он сводил меня с ума, говоря что-то по-русски.

— И даже во сне ты разговариваешь на испанском.

Я говорила во сне? *Mierda!*

— Ты учишь язык слишком быстро. Скоро у меня никаких секретов не останется.

— В этом и есть план.

Я закусила губу, чувствуя себя так, словно запустился какой-то обратный отсчёт. И вновь подумала, *а что, если довериться Максиму?* Может, я не навлеку Эдварда на свою голову. Может, это просто глупое суеверие?

Возможно ли, что пришло время обзавестись союзником? Партнёром? Разве найдётся кто-то более подготовленный, чем Максим, чтобы противостоять Эдварду?

К тому времени, как мы вернулась к конюшням, я вновь сумела расслабиться. Ещё два дня мне не нужно будет ничего решать, так что буду наслаждаться этим мужчиной и

праздником.

Вернув Каштанку, мы, держась за руки, направились обратно в гостиницу. Перед входом в здание он сказал:

— Если те фермеры до сих пор околачиваются поблизости, я дам им понять, с кем ты трахаешься. — Он сгрёб меня в охапку, перебросил через плечо и в таком виде занёс внутрь.

Я повизгивала от хохота, барабаня варежками по его спине, и вдруг услышала мужской голос:

— *Максимилиан?*

Максим, смеясь, повернулся, выставив, таким образом, мою задницу — в леггинсах — на всеобщее обозрение.

— А, Александр.

Его брат?

— Опустит меня, Ruso!

Он позволил мне соскользнуть вниз, а затем, развернув, прижал спиной к себе. Его руки обнимали меня, словно защищая — очень по-хозяйски.

Александр был такого же высокого роста, как Максим, и очень на него похож внешне: те же мощные челюсть и подбородок, гордый нос и широкие скулы — хотя глаза у него были янтарные, а не голубые. Также Александр носил на пальцах татуировки и был коротко стрижен — и в целом казался чуть более грубоватым, чем Максим.

Александр, будто не узнавая, смотрел на брата.

— Ты вроде... изменился.

Волосы растрёпаны, кожа загорела, чистые голубые глаза расслабленно прикрыты. Он казался моложе и улыбался — своей настоящей улыбкой. Удивление брата его явно забавляло.

Но я чувствовала между ними какое-то напряжение, словно бы Александр всё время оставался начеку.

— Ты приехал со спутницей. — Александр перевёл внимание на меня. Наверное, я выглядела так, будто меня только что отымили на крытом мостике.

— Катя, это мой брат Александр. А это, *bratan*, моя женщина, Кэт Марин. — В его словах явно чувствовался подтекст "*попробуй только что-нибудь не то сказать*".

— Очень приятно, Александр, — сказала я. — Жду — не дождусь, когда познакомлюсь с твоей невестой.

Мужчина нахмурился.

Максим рассмеялся.

— Да, именно эта девушка была моей пленницей. Но, как видишь, теперь она довольная гостя. Разве не так? — Он сжал меня.

— Я здесь, чтобы присматривать за Максимом. И пока я слежу за ним — он будет вести себя хорошо, потому что, в противном случае я надеру его русскую задницу.

Максим расхохотался, зато Александр выглядел обескураженным. Наконец, он сказал:

— Ты очень понравишься Натали. И, пожалуйста, зови меня Алекс.

После обмена ещё парой натянутых фраз мы с Максимом направились в номер.

И пока поднимались по лестнице, я спросила:

— Почему твой брат был так шокирован?

— Он никогда меня таким не видел.

— Таким счастливым?

Замерев на ступеньке, Максим, казалось, был так же шокирован, как и Алекс.

— Счастливым, — повторил он, покатав это слово по языку, пробуя на вкус. — Полагаю, так и есть.

— Тебе доставило удовольствие его удивление. Даже развлекло. Ты для этого меня сюда привёз — чтобы дразнить присутствующих?

— Хотя удивление Александра меня действительно очень развлекло, я просто хотел, чтобы ты была со мной, поэтому и привёз тебя сюда. — Он наклонился ближе ко мне. — И ты ведь уже рада, что уступила мне. В обоих смыслах.

Я собиралась на ужин с жителями Небраски в загородном особняке в качестве спутницы русского криминального бога секса. Интересно, как в таких случаях следует одеваться? Я надеялась, что не ошиблась с выбором наряда.

Простая чёрная юбка-карандаш подчёркивала задницу, не особенно её при этом облекая. Блузка насыщенного медного цвета была настоящим произведением искусства с круглой горловиной и вырезами на длинных широких рукавах, которые открывали мои руки от плеч до локтей. Вырез на спине доходил практически до границы с кружевным лифчиком, и удерживался на месте одним шнурком (который, как я надеялась, Максим весь вечер будет мечтать развязать). Туфли представляли собой плетёные босоножки на высоких шпильках — из-за роста моего спутника.

Решив приберечь жемчуг для церемонии, я надела серьги с ключами и замочками. Волосы оставила распущенными. За время, проведённое у бассейна, некоторые прядки приобрели карамельный оттенок, который мне хотелось продемонстрировать.

Макияж был почти незаметен: лёгкие натурально-коричневые тени, тушь и мерцающие румяна. Глянцевый блеск на губах отражал переливы цвета на блузке. Дополнял наряд чёрный клатч с маленьким медным медальоном в центре.

Задержав дыхание, я вышла из гардеробной к Максиму.

— *Te gusta?* — Тебе нравится?

— *Me gusta.* — пробормотал он и сразу нахмурился. — Обычно я не так косноязычен, но у тебя привычка выбивать меня из колеи. — Подойдя ближе, он обнял меня за талию. — Я с гордостью продемонстрирую тебя всем.

Я гладила лацкан его чёрного пиджака. Фасон костюма был таким классическим и лаконичным, что казалось, будто Максим только что сошёл с обложки модного журнала.

— Если ты прогоришь на инвестициях, то сможешь работать моделью.

Он улыбнулся:

— Всегда хорошо иметь запасной вариант.

— Сколько стоит твой костюм?

— Цена этого экземпляра даже меня заставила ненадолго задуматься. — И в итоге костюм сейчас на нём. Порой от величины его состояния у меня начинала кружиться голова.

Указательным пальцем он дотронулся до моей серьги.

— С ключиком и замочком. Они заставляют тебя думать обо мне?

— Только когда касаются шеи. — Было видно, что ему это понравилось.

Он предложил мне руку.

— Ну, идём. Пока я не послал всё к чёрту и не уволок тебя в спальню.

Его обжигающий взгляд резко напомнил, что на мне были чулки и кружевной пояс "на потом".

Я взяла его под руку, и мы направились вниз, в Главный зал. План эвакуации из здания при пожаре я успела изучить, пока сушила волосы — старая привычка для самозащиты. Так что теперь я могла ориентироваться в здании.

Вестибюль перед входом в зал был полон нарядно одетых людей. По периметру помещения у каждого выхода находились одиноко стоящие мужчины в костюмах попроще. Я вспомнила, что двоих из них видела ещё в Майями. И едва удержалась, чтобы не помахать

им.

— Вижу твою охрану, Максим. В Небраске существует опасность нападения?

— Лучше перестраховаться. — Он накрыл мою руку своей. — Здесь находится то, что очень дорого Севастьяновым.

— А где Василий?

— Руководит. Он в этом дока.

Едва мы успели спуститься вниз, как были сразу же остановлены рыжеволосой девушкой, которая будто специально нас караулила.

— Так это ты таинственная спутница Максима! А я — Натали.

Она оказалась примерно моего роста, с безупречной белой кожей, огненно-рыжими волосами и роскошной фигуркой. Зеленоглазая миллиардерша и будущая доктор наук была сногшибательна. И не внушала ни малейшего страха. Бриллиант её обручального кольца приближался размером к метеориту.

К нам присоединился Алекс.

— Это Кэт Марин. Она действительно *с Максимом*.

Я шагнула вперёд, протягивая руку.

— Привет.

Натали меня обняла.

— О, выглядишь безумно круто! — Вдобавок ко всему, она ещё и милая?

Максим, казалось, был очарован тем, как порозовели мои щёки. В подобных ситуациях я всегда поначалу немного стеснялась — что не шло ни в какое сравнение с тем, как я вела себя с ним.

— Спасибо, — ответила я Натали. — Скорее бы увидеть твоё платье. Ты будешь самой красивой невестой.

Познакомившись с ней (и зная о её прошлом) — я от души надеялась, что её свадьба будет СВ — свадьбой века.

Сзади подкралась ещё одна наша ровесница. Должно быть, Джессика. Стройная брюнетка с короткой стрижкой, она выглядела точь-в-точь как сбежавшая принцесса. Одежда на ней была явно дорогой: красная мини-юбка, сапоги-ботфорты и серебристый открытый топ. Без лифчика. Девушка окинула меня взглядом голубых глаз.

— УХ ты, вот это да. Я — Джесс. Чего сушишься, *мамуля*? — Она вручила мне один из двух бокалов, которые держала в руках. — С этим дело сразу пойдёт на лад. И не говори потом, что я тебе ничего не давала.

Я невольно расхохоталась.

— Меня зовут Кэт Марин. Приятно познакомиться.

— Что это за имя? — требовательно спросила она. — Ты, типа, подружка Пусси Галор? Не имя, а какой-то "катамаран".

— Лодка для влюблённых, йо.

Натали прыснула. У Алекса на лице появилась полуулыбка. Максим негромко рассмеялся, обняв меня за плечи.

Красный рот Джессики изогнулся, и она подняла в мою сторону свой бокал.

— Мы с тобой займём соседние кресла-качалки. Решено.

— Джессика, рад снова тебя видеть, — произнёс Максим.

Она приветственно дёрнула подбородком.

— Ты и правда держал её в Майями в плену?

Все разом смолкли.

— Он и правда удерживал меня против воли, — беззаботно произнесла я. — Но потом он перестал себя вести, как *un cabrón hijo de puta*, и я решила, что ему можно немного потусоваться со мной.

— Неудивительно, что она тебе нравится, — сказала Натали. — Она не мирится с твоими закидонами!

Его голубые глаза оживились.

— Да она позволяет мне всего ничего.

Алекс сказал что-то по-русски, после чего Максим крепче прижал меня к себе. Натали что-то проворковала Алексу, и он склонил голову. А, междусобойчик. Как бы мне хотелось понимать русский!

Джесс обратилась ко мне:

— Эй, *мамуля*, твой акцент — ты говоришь по-испански? — Я кивнула. — Видимо, я тут единственная монолингвистка. Это либо означает, что я говорю лишь на одном языке, либо, что я жить не могу без куннингуса. В любом случае, говорить на непонятном языке в моём присутствии — невежливо.

Я от души расхохоталась. И я боялась, что эти люди окажутся чопорными?

К нам подошла пожилая пара. Женщина с блестящими каштановыми волосами и в очках. Мужчина в таких же очках. Определённо муж и жена.

— Ужин вот-вот начнётся, — сообщила женщина и повернулась ко мне. — Максим и в самом деле приехал со спутницей? Я мама Натали, Ребекка. А это мой муж, Том — отчим Натали. — Они оба сразу показались мне очень добрыми. — Мы трейлероманы.

Я попыталась сообразить, что может означать слово "*трейлероманы*", но ничего не придумала. То, что они не нуждались в деньгах, намекало на путешествия в автомобиле-трейлере.

— Приятно познакомиться. Меня зовут Кэт Марин. *Трейлеромания* — звучит интригующе.

Как бы то ни было, моя фраза оказалась крайне уместной.

— О, так и есть! Но я не смогла заинтересовать Натали. Но у меня просто залежи фотографий.

— С удовольствием посмотрю.

Взгляд Ребекки упал на Джесс, и женщина шокированно втянула воздух.

— Джессика! А где твоя остальная одежда? Разве так уж нужно?

Джесс ответила совершенно бесстрастно:

— *Нужно*, Бекс.

— Ну, может, свитер накинешь? Вот почему не стоило тебе поручать организовывать свадьбу! Она бы тебе сказала...

— Увидимся за ужином, — с этими словами Максим увлёк меня в сторону, и мы направились в просторный декорированный деревом Главный Зал. Резной карниз искусной работы украшал потолок. А ещё там были каминны. Ага, во множественном числе. Огромные!

По залу был расставлен примерно десяток столов где-то по семь мест за каждым. Максим отыскал карточку со своим именем вместе с ещё одной такой же, с припиской "Гость". Он провёл по надписи большим пальцем.

— Полагаю, "гость" так же точно отражает ситуацию, как и имя, которое ты мне назвала. Расскажи мне что-нибудь прямо сейчас, *solnyshko*. Что угодно.

Мой взгляд заметался.

— Э-э, я никогда не думала, что ты понравишься мне и в половину так сильно?

Хорошее настроение было восстановлено.

— Ладно, пока сойдёт.

Он приподнял мой подбородок, и я подумала, неужели он собирается поцеловать меня прямо сейчас. Но в зал начали заходить и другие гости.

Ко мне тут же повернулась Джесс.

— Выйдя замуж, Натали уже не сможет уделять мне того внимания, которого я требую и заслуживаю. Так что это знамя подхватишь ты. — И она пододвинула свою карточку к соседнему месту.

Остальные места за столом заняли Натали, Алекс, Том и Ребекка. Когда все уселись, Джесс одним махом опрокинула зажатый в руке стакан. Ух ты. Я почти ждала, что она вытрет губы локтём.

Пока Максим поддерживал с Ребеккой и Томом светскую беседу, а Натали чем-то поддразнивала Алекса, Джесс продолжала болтать:

— Слушай, надо придумать, что написать ваксой на свадебном лимузине. — Она заказала себе новую порцию напитка, и ещё одну для меня. — Думаю, надо подобрать какой-нибудь грязный лимерик. Твои предложения?

— Я подумаю.

— Давай я расскажу тебе, что к чему. — Большим пальцем она ткнула куда-то себе за спину. — За тем столом три подружки невесты. Полли, которая выглядит так, будто ест одну кукурузу, единственная достойна упоминания. Ещё двое ничего из себя не представляют, и я вообще не понимаю, о чём думала Натали, когда их приглашала. Трое мрачных парней — это русские друзья жениха. Моё обаяние на них не работает, так что, очевидно, они — никто; парни, которые вместе с Алексом осуществляли налёты или что-то в этом духе.

Ух ты, и она вот так вслух разглагольствует о его тёмном прошлом? Вот так запросто?

Джесс продолжала:

— Удивительно, конечно, как всё получилось, ведь Натали даже не намекала на пышное празднество. Остальные гости — это обширная родня Ребекки и приёмного отца Натали.

— А где он сам?

— Умер. Естественной смертью. В отличие от её биологического отца.

С другой стороны стола Ребекка спросила:

— Кстати, Кэт, твоё имя — это сокращение от Кэтрин?

Взгляд Максима тут же метнулся ко мне.

— Меня зовут просто Кэт.

В какой-то момент мне просто захотелось вскочить и проорать "Я — Люсия Мартинез! Я родилась и выросла в Джэксонвиле, детка!"

— А что, красивое имя.

Джесс вставила:

— У тебя тоже неплохое, Бекс.

Проигнорировав её, Ребекка попросила:

— Расскажи нам немножко о себе.

Максим развернул стул и уселся лицом ко мне.

Уклоняйся и изворачивайся? Извиваться ужом стало значительно труднее на раскалённой сковородке.

— Я скоро заканчиваю колледж.

— О, а где ты учишься? — спросила она.

— Это маленькая частная школа. — Максим подумает, что это ложь, помня, что я отрицала, будто хожу в колледж.

— Вы с Максимом познакомились в Майями, так? Как ты там оказалась?

— Мне очень нравится этот город. И я всегда ищу новые возможности.

Не ложь.

— Сколько вы уже вместе?

— Не слишком долго. Да и разве может быть по-другому? — спокойно вмешался он.

Очаровательный дьявол. Я попробовала свой напиток. Неплохо.

— Какая у тебя специализация? — спросила Натали.

— Бизнес. Основной курс — экономика, плюс финансы.

Слишком много болтаю! Я чувствовала себя разбрасывающим милостыню скрягой. Максим, потягивая свой напиток, приподнял брови.

Казалось, Натали была впечатлена.

— Я не могу складывать в уме даже простые суммы. А бизнес — это вообще что-то за гранью.

— Но ведь ты скоро получишь учёную степень, правда? И зачем складывать в уме, если есть калькулятор?

— Я всегда так говорю!

— Слушайте, а я поумнею, если сяду между ней и Натали? Но они-то точно станут сексуальнее, — заявила Джесс.

Ребекка её перебила:

— Расскажи про свою семью, Кэт. — Да уж, типичный вопрос от мамы. Потом она игриво добавила: — информацию просто клещами приходится вытаскивать, как у всех этих русских.

— Да, Katya, расскажи нам *всё* о семье, — произнёс Максим сквозь край стакана.

— Мама родом с Кубы. Она познакомилась с отцом, когда он приехал туда из Штатов по делам.

На грудь снова как плита навалилась.

Официанты принялись разносить первое блюдо, отвлекая от меня внимание всего стола. *Gracias a Dios.*

— И что из всего этого правда? — шёпотом спросил Максим.

— То, что тебе *кажется* правдой, умноженное на десять. Ой, только вот ноль, умноженный на любое число, даёт ноль.

— На будущее, гражданин США с большим трудом может передвигаться по Кубе, особенно двадцать лет назад.

— Спасибо за подсказку, — ответила я вместо того, чтобы закричать "Мой отец был дипломатическим атташе!" Когда-нибудь этот бойлер рванёт.

Весь следующий час продолжали прибывать всё новые блюда. Некоторые были родом со Среднего Запада, некоторые — традиционными русскими — и та, и другая кухня были для меня экзотикой. Мой внутренний повар просто наслаждался новым опытом. Попробовав *pelmeni* — отварные кусочки теста с мясом внутри, я призналась Максиму:

— Очень вкусно.

Он ответил мне на ухо:

— Я бы лучше отведал чего-нибудь кубинского.

Поперхнувшись, я пнула его под столом.

Всё это время Максим не сводил с меня взгляд. Если во время перемены блюд он не поднимал бокал, то его рука покоилась на спинке моего стула. По-хозяйски, словно защищая.

Но изучал меня не только он. Алекс, казалось, тоже составлял своё мнение. И даже Натали бросила мне через бокал с вином пару загадочных взглядов.

После десерта — Джесс понюхала свою порцию "Красного бархата", затем отодвинула его в мою сторону и поднялась, бросив Максиму:

— Надеюсь, ты приготовил речь шафера. Наш цирк с конями будет прямо сейчас, пока я ещё в сознании.

Сразу же встрепенулась Ребекка:

— Что? Так нельзя! Речь надо произносить *после* церемонии.

Джесс моргнула.

— Нет. В моём случае это то, что нужно, — и когда Ребекка начала горячиться, добавила, — в России всегда так делают. Спроси Максима.

Ребекка повернулась к нему.

— Это правда?

Максим выдал взвешенный ответ:

— Самые выдающиеся русские семьи склонны поступать так, как им угодно.

Джесс бросила на неё победоносный взгляд.

— В любом случае, свадебный координатор запланировал этот пункт на сегодня. А кто у нас свадебный координатор? О, так это же я! Расслабься, Бекс. Напомни, чтобы я захватила для тебя валиум.

Ребекка обратилась было за помощью к Натали, но та сказала:

— Джесс удачно выгнала предыдущего координатора, мам. Так что теперь мы все рабы её диктата.

Ребекка повернулась к Джесс:

— Что ты задумала?

— Клипец.

И она направилась в переднюю часть зала, к компьютеру.

— *Видеоклип?* — в ужасе прошептала Ребекка.

— Внимание, — громко произнесла Джесс, включая на большом настенном экране видеоролик. — Привет *всем!* — Когда в зале установилась тишина, она продолжила, — Я бы представилась, но давайте смотреть правде в глаза — репутация меня опережает, и я спала с половиной здесь присутствующих. Как свидетельница и координатор этой поспешной свадьбы, вместо речи я приготовила видео. Всегда пожалуйста, — включив воспроизведение, она вернулась на место.

Ролик оказался подборкой совместных фотографий жениха и невесты за последние несколько месяцев.

Джессика наклонилась ко мне:

— Смотри на фотографиях на Алекса. Он просто готов целовать землю, по которой прошла Натали.

И, правда. Он неотрывно смотрел на свою невесту. Такая привязанность! Отдельного внимания заслуживала эволюция выражения его лица. Сперва он выглядел сурово, словно

чувствовал себя неудобно. А со временем смягчился, и даже кое-где была видна его неуверенная улыбка.

Там были также фотографии пожилого мужчины с сияющими голубыми глазами — должно быть, биологического отца Натали, Павла Ковалёва. Во время просмотра этих снимков глаза Натали наполнились слезами, и даже железный Алекс был тронут.

На последнем кадре значилась дата свадьбы с припиской от Джесс. «В своей будущей совместной жизни всегда помните: танцуйте так, словно никто не видит».

Со всех сторон раздались восхищённые возгласы, а я подумала, что фраза выглядит довольно жалко.

Но потом на слайде возникла и вторая строчка, дополняющая первую: "Танцуйте так, словно никто не видит. Трахайтесь так, будто видят все."

О, нет, она не могла этого сделать! Я повернулась к ней.

— Ты только что похитила последний кусочек моего сердца, Джессика.

Она послала мне воздушный поцелуй.

Ребекка с пылающим лицом крепко зажмурилась, но все вокруг смеялись. Натали пришлось схватиться за живот, и даже Алекс усмехнулся.

Максим тоже рассмеялся, сообщив мне:

— Я же говорил, красочная.

Ребекка показала на неё пальцем:

— С тобой мы позже поговорим.

Джесс кулаком замаскировала отрыжку:

— Что?

Пригладив волосы, Ребекка обратилась к Максиму:

— Если ты приготовил речь, думаю, для неё сейчас самое время.

А он приготовил? Как шафер — и родной брат — будет ли он упоминать семью? Алекс и Максим оба ненавидели отца. Их мать умерла. А большая семья Натали? Приёмные родители, биологические родители, а теперь ещё и отчим, которого она, очевидно, очень любит. Как Максим со всем этим справится?

— Конечно, Ребекка, — спокойно ответил он.

Когда Максим поднялся, Алекс явно занервничал. Чего он ждал от брата? Бессердечности? Интриг? Под столом Натали взяла его за руку.

Возможно, кто-то другой бы смутился, выступая перед такой аудиторией, но Максим — профессиональный политик — был сама уверенность. Он окинул помещение взглядом "я приказываю всему, что вижу", и гул сразу же стих. Даже Джесс выпрямилась и приготовилась слушать.

С иронией в голосе Максим обратился к присутствующим:

— После такого образчика ораторского мастерства Джессики разве я могу что-то ещё добавить? — Раздался смех. И затем всех ослепила его невероятная голливудская улыбка. Я могла поклясться, что услышала несколько вздохов. Какой-то официант восхищённо замер с блюдом навесу.

Por Dios, как можно быть таким очаровательным?

— Я буду говорить от себя и от лица Дмитрия — нашего младшего брата, который сегодня не смог приехать. — Бровь Алекса приподнялась.

Максим продолжал говорить низким глубоким голосом:

— В первую очередь я бы хотел всем присутствующим сказать *spasibo* за ваше тёплое

гостеприимство здесь в Небраске. Мы русские очень это ценим, как и моя очаровательная спутница из Флориды, — он подмигнул мне, — которая с удовольствием ко мне присоединилась.

Щёки у меня порозовели, и я беззвучно прошептала:

— *Дьявол.*

— Узнав, что мой брат собирается жениться на Натали, я обрадовался, зная, как ему повезло. Более подходящей жены он просто не мог себе представить. Кстати, Алекс сердечно рекомендует этот великий Кукурузный штат для поиска невест и ещё чего-то, что называется... *американским футболом?*

Раздались взрывы хохота и одобрительные возгласы. О, да, он был хорош.

Максим продолжал:

— Я бы очень хотел, чтобы наша мать, Роксана Антоновна Севастьянова, могла познакомиться с его будущей женой. Натали она бы назвала "*moya dorogaya doch'ka*".

Алексу стало совсем неуютно.

Но Максим, даже если что-то заметил, не подал виду.

— Натали — это гордость своей семьи: покойного Билла Портера, который служил ей опорой и поддержкой; Тома Кристиансона, который завтра с гордостью поведёт её к алтарю, и Ребекки, — в этот момент он встретился с ней взглядом, — которая является самой очаровательной и доброй мамой невесты.

Пиу! Я практически слышала, как купидонова стрела пронзила её сердце. Положив подбородок на сцепленные руки, она вперила в него *мечтательный* взгляд. Натали улыбнулась и легонько толкнула маму плечом. Алекс подозрительно прищурился.

Максим обратился к остальным присутствующим:

— Елена Петровна Андропова — биологическая мать Натали, скоропостижно скончалась на другой стороне земли, в России, так и не успев узнать свою дочку, но успев её полюбить. Зато именно биологический отец Натали — Павел Ковалёв познакомил её с Александром.

А я ещё переживала, справится ли Максим с этой речью. Натали была просто в восторге. Алекс же словно готовился к неминуемой атаке.

— Я несколько раз встречался с Ковалёвым, — Максим повернулся к Натали. — Должен сказать, что *никогда* не видел его таким счастливым, как на тех фотографиях, где он вместе с тобой.

Её глаза вновь заблестели, а рука ещё крепче сжала руку Алекса.

— Наша мать с самого начала воспитывала Александра так, чтобы он вырос благородным и уважаемым человеком, но именно Ковалёв направлял его в дальнейшем. Ковалёв был человеком старой закалки, уверенный в правиле "уважай тех, кто заслуживает уважения, помогай тем, кто нуждается в помощи и защищай своих близких ценой собственной жизни". Эти правила он и *воплотил* в своей жизни. — Максим сделал паузу, чтобы всем посвящённым дать возможность вспомнить это самопожертвование. — Моего старшего брата он воспитывал по этим правилам, и за последние несколько месяцев я понял, что Александр Севастьянов стал именно таким человеком, каким его дорогой наставник всегда хотел его видеть. И я больше не говорю, как повезло Александру с Натали, я говорю, как повезло *им обоим*. — Он поднял свой бокал. — Катя и я, а также Дмитрий желаем вам долгой и счастливой семейной жизни. *Schast'ya vam.*

Со всех сторон раздались поздравления и звон бокалов. Максим упомянул и меня,

словно мы были вместе, совсем-совсем вместе.

Алекс смотрел на брата так, словно не верил своим глазам. А что самое странное, потом он перевёл этот обескураженный взгляд на меня.

Натали прошептала Максиму:

— Спасибо, — а потом посмотрела на Алекса взглядом "*я тебе говорила*".

— *Vur'et za lyubov'!* — провозгласил Максим, а затем поднял свой бокал только в мою сторону.

Вот это да. Меня в жар бросило. *Mal funcionamiento*. Бокал в руке дрожал, когда я подносила его к губам.

Максим невозмутимо вернулся на своё место, словно это не он только что заставил полный зал людей вырвать в его честь свои сердца. Включая меня.

— Ну как я справился?

У меня просто не было слов.

Согнув пальцы, он принялся полировать ноги:

— Знаю, детка, я действительно *настолько* хорош.

Когда ужин подходил к концу, Джесс объявила:

— Я, Натали и *секси-мамуля* опаздываем в бар.

— Я особо не пью, вернее, пью я очень плохо, — сообщила я ей.

Максим приподнял брови: "*мягко сказано, да?*"

Джесс на это ответила:

— Свадьбу я запланировала на завтрашний вечер, потому что, во-первых, мне так захотелось, а, во-вторых, я охуенно гениальная. У нас будет целый день, чтобы отойти от похмелья. — И для Максима добавила, — могу напоить Кэт специально для тебя, так что, может, тебе удастся добраться до первой базы.

Когда она тащила меня с Натали в соседний бар, я обернулась к Максиму. *Спаси!*

С озорной улыбкой на губах он поднял ладони вверх.

Внутренняя отделка бара соответствовала "Главному Залу". Стены были увешаны футбольной атрибутикой "Хаскерс". Музыкальный автомат наигрывал местные хиты.

Джесс заказала нам у стойки по порции текилы. Натали осмотрелась.

— Неужели ты успела запугать Полли?

Джесс ответила:

— Она смылась тридцать минут назад. Тридцать четыре минуты назад смылся один из друзей жениха. Полли, должно быть, сейчас закусывает русским по самые гланды.

Неужели Джесс заметила, как они ушли? Она всё время участвовала в разговоре за столом. Уже не первый раз за вечер я подумала, что за её маской беззаботности скрывается недюжинный ум.

Бармен принёс рюмки, соль и нарезанный лимон.

— Так мы и вправду будем это делать? — спросила я, хотя уже взялась за солонку.

— *Sí, sí, señorita*, — воскликнула Джесс.

Натали добавила:

— Ей бесполезно сопротивляться. *Поверь* мне.

Лизнуть-опрокинуть-куснуть.

И повторить.

На третий раунд появился Максим с братом. Алекс обнял Натали так, будто жутко соскучился. Она тут же растаяла.

— Мы с братом собираемся пойти выкурить по сигаре, — сообщил мне Максим. — Я ведь должен увести его от невесты, верно?

— Так и есть.

— Текила? Мне начинать беспокоиться?

Я прошептала:

— Ты бросил меня волкам на съеденье. Из их логова мне теперь не выбраться.

— Вот, возьми. — В мою сумочку он положил несколько купюр, что-то около тысячи долларов.

— Ух, ты. Деньги на булавки?

Наверное, я должна была взять немного своих денег, но совершенно забыла о сумке, оставшейся в шкафу в гостевой комнате — сумке с десятью тысячами.

— Это если вы решите прокатиться в город. Позвони, если понадобится больше, *тоуо*

solnyshko. Или если вообще что-то понадобится. — Казалось, ему так же, как и Алексу, не хотелось уходить. — А если снова увидишь тех фермерских сынков — немедленно пришли мне смс.

Я отсалютовала в ответ.

Джесс уверила Максима:

— О твоей *мамочке* я замечательно позабочусь, — а потом растопырила два пальца в виде буквы V и просунула между ними язык.

В его взгляде, брошенном на меня, читалось "я не намерен с этим мириться". Он отвёл меня в сторону.

— Она заигрывает с тобой?

— Да просто дурачится. По-моему, она положила глаз либо на пышную официантку, либо на того огромного бармена, а может, сразу на обоих. В любом случае, постоянный клиент эскорт агентств должен бы радоваться, представляя меня и...

— *Nyet*. Я — не — делюсь.

— Полегче, торопыжка. Я и не собиралась.

Последовал удовлетворённый кивок.

— Кстати, я *бывший* постоянный клиент.

Если бы любая работница эскорт службы могла просто заявить "я *бывшая* проститутка". Жизнь так несправедлива.

Я склонила голову набок:

— Значит, ты с этим покончил?

Проведённых с девочками по вызову часов с лихвой хватит на пару дипломов. Интересно, степень магистра в этом деле поможет справиться с ломкой?

— Всё это в прошлом. — Костяшками пальцев он провёл по моей щеке. — Как я понимаю, дальше будет лучше.

Мне захотелось подуть на себя. Весь день он намекал на то, что между нами установились некие отношения. И когда я уже было решила, что мне не показалось, в голову вдруг пришла неожиданная мысль: *а что, если он просто так со мной развлекается? Может, это его привычные штучки?* Моя почти атрофированная вера требовала ответа.

— Твой брат был просто поражён твоей речью. Наверное, он был рад узнать, как сильно ты ради него изменился.

Или ты изменился и ради других?

Максим кивнул.

— Он боялся, что я пойду по той же дорожке, что и Джесс, только с меньшей доброжелательностью. Ты заметила, как он становился всё мрачнее и мрачнее? Ждал, что я лишь подготавливаю публику, собираясь нанести главный удар.

— Но ты ведь больше не такой?

Я так и видела, как его незаурядный ум начинает скучать без новой задачки.

Он вновь погладил меня по щеке.

— Я сосредоточусь на кое-чём другом. Например, на том, чем я собираюсь с тобой заняться.

Я судорожно вздохнула.

Он отвёл меня обратно в бар и усадил на место.

— До скорого.

Отодвинув волосы со спины, он поцеловал меня прямо между лопаток.

Когда Максим с братом ушли, меня била дрожь, а в голове шумело. Связать себя с таким мужчиной? Я всегда верила, что мне повезёт, но это было уже чересчур.

— Итак, между тобой и Максимом очевидно всё серьёзно. Вы давно познакомились? — спросила Натали.

— Две недели назад.

Джесс широко раскрыла глаза.

— Шизануться! Сегодня же ваша двухнедельная годовщина! Надо *выпить*.

Лизнули-опрокинули-куснули-ахнули.

Натали прикрыла рот тыльной стороной ладони, и задала новый вопрос:

— Откуда Максим узнал всё то, о чём он говорил в своей речи?

Потому что информация — его бизнес, подумала я. Но просто пожала плечами.

— Нервничаешь перед завтрашним днём?

— Вообще нет. Я совершенно к этому готова. Хотя Алекс нервничает. Думает, что свадьба расстроится или я сбегу.

Джесс добавила:

— В подробности она не вдаётся, но они с Максимом и третьим братом жутко пострадали в детстве, когда жили в Сибири. — Знали ли они о шрамах на спине Максима? — Так что Натали — это просто поток свежего воздуха для Алекса. — Она стала изображать, будто задыхается. — Мне... не хватает... воздуха.

— Рядом с тобой он чувствовал себя неловко, поскольку вполне допускал, что его братец действительно мог удерживать тебя силой. За ужином Максим следил за тобой, словно ястреб. Я вообще удивилась, что он оставил тебя одну, — заметила Натали.

Возможно, за мной и сейчас следит кто-то из его службы охраны.

— Ты ведь готова сбежать, правда? Мы будем рады тебе помочь! Отправимся в домик моих родителей на озере, — предложила Джесс.

— Мы что, планируем обхитрить *мафию*? — спросила Натали. Она постучала пальцем по подбородку. — Хочу сразу предупредить: я сбежала от Алекса дважды. В результате мы женимся.

— И почему ты сбежала?

— Первый раз? Потому что он вломился в мой дом, чтобы силой увезти меня в Россию. А второй, потому что не рассказывал мне о своём прошлом.

В самолёте Максим уклонился от разговора, но я знала, что смогу заставить его открыться. Если откроюсь сама.

— Алекс все эмоции держит при себе. В отличие от своего брата! Когда Максим провозгласил тост за любовь и поднял бокал в твою сторону, все в зале поняли, что он запал.

На меня. Я вдруг поняла, что если Максим настроен серьёзно, то вся моя жизнь может совершенно перемениться. Я сейчас на пути к тому, чтобы завести подруг, и сегодня уже видела снег. Проехалась верхом и занималась сексом на крытом мостике. Так, может быть, у меня появится парень, который поможет мне отвоевать обратно свою жизнь. Я не сдержала улыбку.

— Ни одно место в мире не сравнится с тем, где я нахожусь сейчас.

Джесс склонилась к Натали:

— Звучит, как последние слова заключённого, — потом повернулась ко мне: — Я не позволю нервировать Натали перед свадьбой. Так что выкладывай подробности.

Чтобы их отвлечь, я предложила:

— Давайте выпьем.

Знаменитые последние слова.

Лизнули-опрокинули-куснули-ахнули.

Лизнули-опрокинули-куснули-ахнули.

Лизнули-опрокинули-куснули-ахнули.

Некоторое время спустя я могла собой гордиться. Я умудрилась их отвлечь и попутно прекрасно проводила время! Как же я соскучилась по таким вот тусовкам с подружками.

А в отношении между Натали и Джесс я просто влюбилась. Натали была самой спокойной девушкой из всех моих знакомых. Джесс — самой сумасшедшей. Но подходили они друг другу просто идеально.

Под парами алкоголя Джесс настроилась на философский лад.

— Почему парни думают, что я жажду с ними встречаться, стоит только пару раз пообщаться с их членом? Мужчины так предсказуемы, так скучны! Особенно по сравнению с женщинами. Если у тебя с русским ничего не получится... — Она изобразила у уха телефонную трубку, беззвучно прошептав "*позвони мне*".

Лизнули-опрокинули-куснули-ахнули.

В конце концов, Натали призналась, что Алекс водил её на маскарад в "Ле Либертан" — элитный БДСМ клуб в Париже. Значит, у братьев схожие наклонности? А у Дмитрия интересно, тоже?

Натали бы не стала вдаваться в детали о секс-клубе, но Джесс, которой всё было известно, продолжала её подначивать:

— Ты забыла главное! Металлическое дилдо! И секс-арену.

От таких подробностей мои брови подпрыгнули, а любопытство зашкалило. С чем ещё познакомит меня Максим?

Джесс надулась.

— По какой-то причине я не получила приглашения в Цирк дю Членей. Так что придётся жить монашкой.

Натали добавила:

— Странно было узнать, что Максим тоже является членом клуба. — *И не говори.* — Думаю, он тебя туда сводит.

— *Мамуля* отправится в Цирк дю Членей? А я — нет? Ну, теперь вы обе ведёте себя как сучки.

Лизнули-куснули-опрокинули-ахнули.

Джесс стала более агрессивной, ухватив Натали за волосы.

— Ну и кто твой свадебный организатор? А? А? — Она превратила причёску Натали в огромное спутанное гнездо. — Я — свадебный *организатор* — организованный терминатор. Повтори!

Натали лишь рассмеялась. И не стала ничего делать с гнездом на голове.

Лизнули-куснули-опрокинули-ахнули.

— Как ты познакомилась с Максимом? — спросила Натали, язык которой уже заплетался. — Он ведь обычно "встречается", — она изобразила в воздухе кавычки, — только с блондинками.

Ох. Разговор снова вернулся ко мне. Голова кружилась. *Увиливай и уклоняйся, Кэт.* Но с этими девчонками я не хотела так поступать. Они были такими милыми и настоящими.

— О, это не особенно интересно.

— Ну, конечно, интересно! — возразила Натали. — Хочу знать, как мой будущий деверь встретил такую умную студентку.

Я обдумывала, не рассказать ли им о моих приключениях в роли девушки из эскорта. Вряд ли они посчитают это чем-то из ряда вон. Не знаю, было ли это предчувствием, или во мне так говорила текила, но в тот момент я чувствовала, что могу им доверять. В какой-то мере. Про Эдварда я никогда им не расскажу — вообще-то, я до сих пор не могла уместить в одном предложении слова "муж" и "убийца-социопат", но вот удовлетворить их любопытство насчёт Максима я вполне способна.

— Расскажи! — Джесс толкнула меня плечом, практически спихнув со стула. — Мы все уже напились, и очевидно, что ты — моя давно потерянная сестра, а значит, трахнутья мы не сможем. — Наклонившись ближе, она мрачно добавила: — В некоторых штатах.

— Всё, что ты нам расскажешь — останется строго между нами, — Натали икнула.

— Ладно, ну, э-э, мне нужно было срочно раздобыть денег. Так что я... отправилась вместо подруги на эскорт-свидание. Максим заказал высокую блондинку, а заявила я. Он — мой первый и единственный клиент.

Увидев отвращение на лице Джесс, я моментально пожалела о своём признании. Но она сказала:

— То есть ты хочешь сказать, что я всё время занималась этим бесплатно? Ну и кто здесь лохушка? — Она ткнула в себя пальцем. — Я лохушка.

Мнение Натали было более романтичным:

— Не пойдешь ты тогда к нему — вы бы никогда не встретились!

Я бы никогда не встретила Максимилиана Севастьянова? Мужчину, который последовательно выворачивал наизнанку весь мой мир?

— Что ты к нему чувствуешь? — спросила она.

— Влюбляюсь, но стараюсь этого не делать. Знаю, что он игрок. Блистательный миллиардер, способный получить любую женщину. — Даже, несмотря на свои *странности*. Хотя, может, с этим уже покончено? — Но иногда рядом с ним у меня появляется ощущение дежавю, словно мы давным-давно знакомы. Звучит глупо?

— Звучит романтично, — ответила Натали.

Джесс кивнула.

— Совершенно романтично. Эй, а ты читаешь любовные романы? Конечно, читаешь. Отправлю тебе парочку своих самых любимых. Дашь мне свой адрес, когда я протрезвею.

Я улыбнулась и кивнула, хотя никакого адреса у меня не было. Такой простой вопрос. Никто другой об этом бы даже не задумался. Но у меня не было дома. А я хотела дом. И русского. И собаку.

— Тринадцать дней — именно столько мы знакомы с Максимом. Поэтому я не могу чувствовать то, что, как мне кажется, я чувствую.

— После одной единственной ночи я уже наполовину влюбилась в Алекса. — С таинственной улыбкой Натали вращала на пальце своё кольцо.

— Ты имела в виду — с одного единственного взгляда, — поправила её Джесс. — Я там была. И всё видела. Любовь с первого взгляда действительно существует. И как тебе Максим?

— УНВ. Умереть не встать. Круче просто невозможно.

— Он по тебе просто с ума сходит, — заметила Натали.

— Слушай, что она говорит, — сказала Джесс. — Мы зовём её Мужчиноведом.

— Я могу прочесть любого парня. Кроме Алекса. — Она махнула рукой. — И Максим просто потерял от тебя голову. Он назвал тебя *mojo solnyshko*.

— Скажи, что это значит?

— Моё солнце. Вполне обычное ласковое прозвище, но чтобы им пользовался такой, как Максим? И это соответствует тому, что он сказал про тебя Алексу.

— А что он сказал?

— Перед тем, как прийти сюда, Алекс спросил его, что он забыл рядом с такой милой девушкой, как ты, а Максим ответил "она делает всё вокруг... ярче".

Ой.

— Но разве он сможет по-настоящему забыть тот факт, что я занималась сексом за деньги? Сказав мне, что я еду с ним на свадьбу, он также признался, что ожидал, как мы будем жарко торговаться насчёт одежды и драгоценностей.

— Он не знает, что он первый твой клиент?

— Отказывается верить.

Натали нахмурилась.

— Ой-ёй. Это нехорошо.

Я не могла не согласиться.

— И я хочу понять, сможет ли он меня полюбить, несмотря на моё прошлое.

Джесс на меня покосилась.

— Давай-ка проясним ситуацию. Ты хочешь, чтобы он тебя любил, несмотря на то, что ты из эскорта, несмотря на то, что на самом деле это не так?

— Именно!

— А что там за история, как он удерживал тебя против воли? — спросила Натали.

— Я напилась, а потом мы занялись сексом без презерватива в самое неподходящее время моего цикла.

— А, ну это само собой, — кивнула Джесс.

— Он посчитал, что я собиралась его заарканить, забеременев от него, и отказался меня отпускать.

Натали вздохнула.

— Может, с этого всё и началось, но сейчас его чувства гораздо глубже. Алекс сказал, что ещё никогда не видел Максима таким удовлетворённым. Даже в детстве. Ребёнком, Максим, очевидно, часто испытывал чувство тревоги, и вряд ли много шутил.

Он говорил, что никогда не смеялся естественно.

— Это так странно, потому что я люблю его чувство юмора.

В моей сумочке пикинул телефон. Входящая смс гласила: "М Севастьянов "Веселитесь?"

— Минутку, это от него, — объяснила я девчонкам.

Я: Беж ума от натли и джс! Веслимся!

М Севастьянов: а, текила уже действует. ты хорошо себя ведёшь? или мне надеть на тебя пояс целомудрия?

Я застонала.

— Кэт, ты что-то сказала? — спросила Натали.

— *Нет. Nada.*

Я: чертв дьявол!!!!1

М Севастьянов: маленькая ведьмочка

Дрожащими руками я убрала телефон обратно.

— Я не собирался сюда идти, — рывкнул Максим, когда позднее тем вечером настиг меня снаружи у гостиничного гаража. Таким рассерженным я его ещё не видела. — Ты взрослая женщина. Ну что такого вы с Джессикой можете сотворить в гараже? Но потом я понял, что не знаю, кто мог находиться внутри здания *перед тем*, как мой человек проследил за вами.

— Я знала, что за мной кто-то следит! — язык у меня заплетался. Странно. Я же почти трезвая!

— Какого хера ты тут делаешь?

— Надо было выполнить кое-какую работу, — беззаботно ответила я.

Он угрожающе навис надо мной.

— Под *работой* ты подразумеваешь блондинчика с *фермы*? Что я обнаружу в гараже?

— Лимузин — и идеальный блеск! — рассмеялась я, а потом зажала рот. — Ой, проболталась!

Его тон стал ледяным:

— На тебе мужское пальто.

— Это купила мне Джесс на большую часть моих "булавочных" денег, — прошептала я. — Подозреваю, она их просто прикарманила, а пальто упёрла из магазина. Я как раз шла за тобой, потому что не думаю, что ей стоит спать в лимузине, но уходить она отказывается, опасаясь, что машину могут вымыть.

Из гаража донёсся крик Джесс. Я обернулась. Оттуда выходил Василий, неся девушку через плечо, словно пожарный. На ней было ещё одно пальто, которое она "купила".

Вися вниз головой, она визжала:

— Быстрее! Веселимся! — Обеими ладонями она шлёпала Василия по. — Беги, лысы́ Russki!

Василий что-то сказал по-русски, отчего лицо Максима прояснилось, и телохранитель унёс Джесс прочь.

Севастьянов выдохнул облачко пара.

— Вы наваксивали лимузин? Такого я не ожидал. Ты заставила меня поволноваться, Katya. Не отвечала на мои звонки и смс. — Он сделал знак кому-то позади меня — наверное, ещё одному охраннику — а затем повёл меня к отелю.

— Джесс пихала меня по сиськам каждый раз, когда я порывалась написать смс, и называла подкаблучницей. Натали сказала, что с ней спорить бесполезно. И, по секрету, так оно и есть.

Он открыл входную дверь, вовлекая меня внутрь. Оказавшись в тепле, я нахмурилась:

— У меня теперь комендантский час?

Он потёр ладонью рот.

— Нет, в смысле не...

— Ты думал, я с кем-то трахаюсь в гараже? — Мои брови сдвинулись сильнее. — Разве я — не *твоя* пара?

— Моя. Я не знал, что думать, когда ты не ответила на звонки. Волноваться за свою женщину — это для меня нечто новое. Я боялся, что недостаточно чётко всё объяснил.

Когда мы дошли до номера, я спросила:

— Что объяснил?

Он ушёл от ответа:

— Расскажи, как прошёл вечер.

Пришлось выпалить на одном дыхании.

— Наваксивание оказалось самой *гениальной* штукой в *жизни*. Мы поразили сами себя.

Я икнула.

— Зато вакса теперь у тебя на лице и на волосах.

— Это мелочи. — Снисходительно похлопав его по груди, я добавила, — Максим, я тут

— весьма важная особа. Просто душа этой свадьбы. Но с большой властью приходит и большая ответственность. — Вроде, последнюю фразу я произнесла на испанском?

Он усмехнулся, гнев бесследно пропал.

— Очень важная, да? И что вы написали на лимузине? Должен ли я вернуться и об всем позаботиться?

— Мы остановились на:

Он ей подарил своё сердце и честь,

Она приняла благородно,

И ночь напролет, сколько раз и не счесть,

Был секс у двоих бесподобный.

Он засмеялся, увлекая меня в ванную, где включил горячий душ.

— Идём, *solnyshko*. Давай тебя отмоем. Держись за мои плечи. — Сняв с меня туфли, он поднялся и развернул меня спиной к себе. Потянул завязки на блузке, пробормотав, — Весь вечер хотел это сделать. — Потом стянул с меня одежду и снова развернул, присвистнув при виде чёрного прозрачного открытого бюстгалтера. — Вот это мне нравится. — Указательным пальцем он провёл по одному соску. — Ты была сегодня хорошей девочкой?

— Очень хорошей.

Он аккуратно снял мои драгоценности.

— А Джесс хорошо себя вела? Или клеилась?

Я выпятила бедро.

— Конечно, клеилась! Я ведь *секси-мамуля*! Но пришлось ей сказать, что я с тобой. И мы всё равно чуть не поругались.

— Из-за чего вы ругались?

— Она сказала, что надо добавить надписи и *внутри* машины. Я пыталась растолковать ей закон убывающей полезности, но она сказала, чтобы я заткнулась.

Почему он по-прежнему хихикал надо мной? Одной рукой он расстегнул молнию на юбке.

— А теперь я забочусь о своей перепившей женщине. Это мне тоже в новинку.

Он стянул юбку вниз, и я осталась в своём новом белье.

— Перепившей? Да я *в норме*.

— Действительно. — Он окинул взглядом моё бельё: пояс, чулки, бюстгалтер и крошечные стринги. — Знай я, что именно ты прячешь, мы бы даже из номера не вышли. — Он расстегнул и отбросил в сторону бюстгалтер, сладко ткнувшись носом в каждый сосок. Затем расстегнул пояс, опустившись на колени, чтобы снять с меня чулки, и стянул трусики до лодыжек. Издав стон, жарко поцеловал голый лобок, вдыхая мой запах.

Мои пальцы проникли в его волосы.

— М-м-м, обожаю твой рот. — Опять язык заплетается?

Поднимаясь, он издал разочарованный стон.

— Несмотря на твоё эротичное бельё, на сегодня я даю тебе отгул, а значит я куда благороднее, чем думал. Ну, вперёд. — Он завёл меня в душ, а затем разделся и сам.

Мой взгляд поймал кожаный шнурок вокруг его шеи. Я вздохнула:

— Ты носишь его?

— Ну, ты носишь эти серьги, а я — ключ.

— Просто схожу с ума, когда вижу его на тебе.

Он изобразил дьявольскую улыбку.

— Могу себе представить.

Намылив мочалку, он начал нежно отмывать мой лоб и щёки.

Я подняла лицо вверх.

— Ты подарил мне серьги, но я не дарила тебе ключ.

— В каком-то смысле подарила.

Принимая участие в его фантазиях?

— Хм, я нравлюсь тебе, когда ношу тот пояс?

— О, да. — Мочалка спустилась к шее.

— Нравлюсь, когда готовлю и пою?

— Очень нравишься, когда готовишь и поёшь. — Он намылил мою грудь, и его дыхание участилось.

— Нравлюсь, когда общаюсь с твоим братом и друзьями?

— Когда ты объявила себя капитаном лодки для влюблённых, я готов был поклясться, что так оно и есть.

— У-у. Ты тоже мне нравишься. Я кое-что о тебе узнала.

Он напрягся?

— А я гадал, станут ли тебе что-нибудь про меня рассказывать.

— А? *Qué cosa?* Я говорю о прошедших двух неделях. — Я торжественно произнесла: — Если уже за полночь, значит, сегодня наша годовщина. Мы познакомились две недели назад. — Это было важно — как бы мне хотелось, чтобы язык у меня не заплетался!

— А, так и есть. И что ты узнала? — Он мыл мой живот, заставляя мышцы сокращаться.

— Я могу определить, когда твоя улыбка настоящая, а когда — фальшивая. Если ты улыбаешься лишь *половиной* рта, то приподнимается всегда левый уголок губ. Бегая, ты не выворачиваешь стопу. Твои глаза оживают, если ты обрадован, а ещё когда твой мозг занят какой-нибудь задачей. А задачи твоему мозгу нужны почти так же, как тебе нужен секс. Цифру семь ты дополняешь сексуальной маленькой чёрточкой. Я делаю тебя счастливым, и ты знаешь технологию скоростного чтения.

— Моя умная Кэт. — Его свободная рука скользнула у меня между ног.

Я шумно втянула воздух.

— Натали проболталась, что ты являешься членом парижского секс-клуба.

Его пальцы продолжали своё путешествие.

— Это так. Любой достаточно богатый человек с соответствующими наклонностями является членом "Ле Либертан" На следующей неделе я тебя свожу туда.

— Я не смогу. Иначе нарушу третье правило.

— Значит, у тебя есть правила? — Его указательный палец пощекотал клитор.

— Ш-шесть жизненно важных. Следуя правилам, ты сможешь пережить ещё один день. — Он подумает, что я говорю это в переносном смысле.

— Расскажи мне об этих правилах, малышка.

— Если расскажу о правилах, то нарушу самое первое правило. Кроме того, мне надо обсудить с тобой кое-что другое.

— Ну, разумеется. Что именно?

— Помнишь, ты сказал, что всем от тебя что-то нужно? Ну вот, мне тоже.

— Да, но в твоём случае я *весьма* расположен давать. Что тебе подарить? Лошадь? Ты хочешь Каштанку, да? Это легко устроить.

Привстав на цыпочки, я притянула его к себе и прошептала на ухо:

— Хочу, чтобы ты занялся со мной анальным сексом.

Он резко вздохнул.

— Я и так едва сдержался, увидев тебя в том белье. А теперь ещё и мою тебя. Так что не подначивай. Я не каменный, Катя.

— В смысле?

— Ты пьяна. Я не собираюсь этим пользоваться. — Но, говоря это, он обвил меня рукой и ущипнул за попку.

— Джесс сказала, что для первого раза вполне нормально выпить, ведь так я расслаблюсь.

— Ты обсуждала это с Джессикой?

— Она сказала, что я единственная гостя на свадьбе, которая этим не занималась. Сказала, что, значит, я из Амишей. Но я не из Амишей. *Yo soy católica*. Типа.

Он через силу усмехнулся.

— Уверен, среди гостей есть и другие... Амиши.

— Твой брат делал это с Натали...

— *Не хочу слышать об этом.*

— У меня была подруга, бойфренд которой всё время поощрял их женские посядения, потому что после них она возвращалась домой пьяной, и они предавались разврату. Можно, мы сделаем так же?

— Катя...

— Я всегда участвую в *твоих* затеях. И никогда ни о чём не просила. Можешь себе представить? Ну, кроме того раза, когда просила отпустить меня.

Под моими ладонями его плечи напряглись.

— Ты ведь *обещал*, что займёшься этим со мной. — Я гладила его твёрдый член и шептала: — Пожалуйста, *mi amor*, я знаю, что ты сделаешь всё идеально.

— Я боюсь сделать тебе больно. Мне надо тебя подготовить.

— Там на полке масло для ванны. — Мои руки принялись массировать его тяжёлую мошонку так, как он это делал в "ночь убеждения".

Он застонал.

— Утром ты меня возненавидишь.

— Возненавижу, если ты этого не сделаешь.

— Так, Кэт, ты только что выбрала свою судьбу. — Его тон напомнил мне нашу первую ночь, когда он сказал, что меня оттрахают как следует.

Скоро моя фантазия воплотится! По венам от макушки до пяток разлилось горячее возбуждение, развеяв часть текильного тумана. Я хотела полностью прочувствовать каждый момент.

Он схватил бутылку с маслом и повёл меня сквозь завесу пара к деревянной скамье.

— Я хочу, чтобы ты села на меня верхом. — Он сел на скамью и похлопал себя по бедру, приглашая присоединиться.

Когда я перешагнула через его ногу, он обхватил мою попку и опустил прямо себе на колени.

— Держись за плечи и наклонись ближе ко мне. Обними меня.

Я подчинилась.

— Поставь ступни на скамью. Доверься мне. Я тебя держу.

Когда я так и сделала, моя киска оказалась прижата прямо к его члену. Я подалась вперёд, он толкнул бёдра навстречу. Одновременно.

Но потом я покачала головой.

— У нас есть цель, Максим.

Его руки обнимали меня, удерживая прямо. Я услышала, как за моей спиной он выдавил масло, и почувствовала первые признаки нервозности. В таком положении я была слишком раскрыта. Беззащитна.

Но когда он сказал:

— Сейчас самое время меня остановить, — я поняла, что не хочу его останавливать.

Я верила, что он сделает этот опыт невероятным. И неважно, что потом будет с Максимом, я буду помнить об этом всегда.

— Я хочу этого. С тобой. И только с тобой.

Он вздрогнул, и своей киской я ощутила пульсацию его члена. На нижнюю часть спины он прыснул масло.

Струйка жидкости, текущая между ягодиц, заставила меня задрожать.

— О, так приятно.

Надавив ладонью на спину, он легко удерживал меня на месте, а его облитая маслом рука оставалась свободной. Я ощутила шёпот чувственности, когда подушечка его указательного пальца, дразня, обвела мой анус.

Чуть больше давления. Теперь мне казалось, что масло разогрелось и стало более скользким.

— Прими мой палец, детка. — Чуть больше давления, и палец оказался на пару сантиметров во мне.

— О! — Я вновь подалась вперёд, впившись ногтями в его плечи.

— Господи, женщина. Такая тугая. — Он покусывал и лизал мою шею. — И вся *моя*. — С этими словами он выгнул грудь навстречу моим тугим соскам.

Несмотря на то, как приятно мне было чувствовать его палец, киска просто молила о заполнении, молила так сильно, что я чуть не попросила его прекратить. А вместо этого позволить сесть сверху на его член и получить разрядку. Когда он начал двигать пальцем в моей попке, я не смогла удержаться и потёрлась клитором о его ствол.

— Не делай так, Katya. Если будешь тереться о мой член, чтобы кончить, всё прекратится. Даже в нашу первую ночь это было невыносимо.

— Я больше не буду. Наверное. — Когда наши тела были вот так прижаты друг к другу, я чувствовала всю его скрытую в мускулах силу, ощущала, чего ему стоило сдерживаться. — Не останавливайся. Мне нужно ещё.

Свободной рукой он добавил вокруг пальца масла. Затем я ощутила дополнительное давление. Он просовывал внутрь второй палец.

— Вот так...

Когда оба пальца оказались внутри, я низко застонала, выгибая спину.

— А, тебе нравится. — Получив такую подсказку, он проник глубже. — Сегодня я сделаю всё, чтобы ты получила удовольствие. — Он почти полностью вытащил пальцы, наливая больше масла. Затем погрузил их обратно. Он продолжал двигать ими туда-сюда на протяжении, казалось, нескольких часов. Он переплетал их. Раздвигал шире.

— *Ещё*. — Я чувствовала вторжение каждой клеточкой дрожащего тела. Сколько ещё я смогу вытерпеть? Киска, прижатая к его члену, просто сочилась влагой. — Я умираю, Максим!

Он вытащил пальцы.

— Значит, ты готова. — Покрыв член маслом, он начал поглаживать его дрожащей рукой. — Я уже готов кончить. Обещаю, что страдать буду я, а не ты.

Неужели он желал этого так сильно?

— Привстань.

Удерживая свой поблёскивающий жезл вертикально, он переместил меня так, что я оказалась над головкой, которую он сдвинул между половинок попки и прижал прямо ко входу. Затем, со стоном, он опустил меня ниже, усилив давление.

Я всхлипнула, чувствуя, как широкая головка требует проникновения.

Но когда она, наконец, прошла сквозь сфинктер, Максим, вздрогнув, уронил подбородок на грудь.

— *Блядь*.

— А! Это... не останавливайся. — Я чувствовала, как он растягивает меня изнутри, но боли не было.

Он резко покачал головой с решительным выражением лица.

— Теперь расслабься. — Обе ладони подхватили меня под ягодицы, удерживая на месте. — Я держу тебя.

Я отдала весь свой вес его рукам. Он чуть приподнял меня, чувственно опуская ниже.

— Ты чудесно меня принимаешь, *lapochka*. — Его похвала была лаской сама по себе.

Меня накрывало ощущением давления, наполненности и даже той близости, которую он заставлял меня чувствовать. Пар, окутывающий нас обоих, увлажнял нашу кожу, делая тела скользкими.

— Тебе больно?

Я не знала, от чего у меня кружится голова: от алкоголя или от ощущений, но...

— Нет, хочу ещё.

Максимо шокадо. Я наклонилась и лизнула его приоткрытые губы.

Он вновь приподнял меня вдоль члена, а потом снова опустил. Вверх... и вниз...

— Поласкай себя. — Его акцент стал заметнее.

Моя рука тут же устремилась к киске. Когда он в очередной раз опустил меня ниже, я проникла в себя одним пальчиком.

— *Au, Dios mio...*

Голова откинулась назад.

Его ищущий рот приблизился к моей груди. Он втянул сосок между губ:

— И второй пальчик, детка.

Сосок на второй груди он слегка прикусил.

Погрузив внутрь второй палец, я ощутила давление его члена изнутри. Я приближалась к пику, но пыталась сдержать оргазм, желая, чтобы это никогда не заканчивалось.

— Тебе нравится такая наполненность? — Он проник ещё глубже, заставляя меня ощутить новое раскрытие.

И это раскрытие было *невероятным*.

— *Más!*

— Ты просто мучаешь меня! Но я продержусь дольше, чем ты, даже если это меня убьёт к ебням.

— Я уже так близко!

Он вскинул голову.

— Продолжай ласкать себя пальчиками и смотри на меня. — Наши взгляды встретились. — Я называю своим каждый сантиметр твоего тела. Ты моя, Katya. Теперь ты со мной.

Мои веки закрылись, когда внизу живота стало накапливаться наслаждение.

— Открой глаза. Смотри на меня. — Он практически хрипел. — Теперь ты *со мной*. Повтори.

— Я-я с тобой. — Двойная наполненность ниже талии обрекала все мои попытки сосредоточиться на провал.

— Никого, кроме меня, для тебя больше нет. Ты понимаешь? — Меня снова приподняли...

— Н-наверное.

И опустили вниз...

— Ты знаешь, чья ты теперь. Скажи вслух. — Приподняли...

Опустили — так глубоко, как только это было возможно.

— Я твоя! Твоя!

Но как надолго?

На его челюсти набухли желваки, на шее жилы натянулись так, как я ещё никогда не видела.

— Правильно. Ты принадлежишь мне. Продолжай заниматься киской, Katya.

— О, да!

Я трахала себя пальчиками, а он смотрел на меня, издавая тот самый рычащий звук.

— Как только я думаю, что ты уже не можешь быть сексуальнее... Из-за тебя я потеряю голову раньше, чем всё закончится, да?

Вверх...

Вниз...

— Сейчас *взорвусь*, женщина. — Одновременно с движениями моей руки он начал делать небольшие толчки.

— Максим, я близко! — С каждым погружением пальчиков моя киска сжималась в ответ. — Сделай, чтобы я кончила... сделай... *сделай*.

— Блядь, БЛЯДЬ! — Впившись пальцами в мои ягодицы, он приподнял меня до самого кончика члена.

Несколько ударов сердца, пока я парила, пока *он* парил...

Я снова скользнула вниз; и в тот момент *хлынуло* семя. Вцепившись в мою плоть, он откинул голову назад, из груди вырвался вопль.

Ощувив первую жаркую струю, я всхлипнула, почти страшась силы собственного оргазма, пока наслаждение подбиралось к своему пределу и, наконец, прорвалось...

Неописуемый восторг.

Обжигающий.

Мышцы внутри стиснули мои пальцы. Закинув голову назад, я закричала:

— *О, боже мой!*

Экстаз сотрясал всё тело.

— Я чувствую, как ты кончаешь! — его член пульсировал во мне, накачивая своим соком.

Наши губы встретились, и я кричала, не отрываясь от них. Языки сплетались, пока он опустошал себя, мой разум перевернулся в этом обжигающем блаженстве.

Я обмякла прямо на нём.

— Господи, Katya. — Бормоча что-то по-русски, он покрывал поцелуями моё лицо.

Вздрагивая, я наслаждалась его лаской.

— *Gracias, mi amor,* — выдохнула я.

— Ты благодаришь *меня*?

Я куснула его шею.

— Я нравлюсь тебе, когда мы вдвоём сходим с ума?

Он усмехнулся через силу.

— Можно сказать и так, — пробормотал он, сжимая меня в объятьях так сильно, что казалось, я вот-вот сломаюсь.

На следующий день рано утром я сидела в кресле у окна, свернувшись калачиком. За окном бешено падал снег.

Максим ещё спал. Я бы так весь день провела, нежась у камина или обнимаясь вместе с ним в кровати. С моим безумным мужчиной. Я поёрзала в кресле, ощутив укол в попке, но небольшая боль явно стоила того, что было вчера.

Он сказал, что я теперь *с ним*, что я — *его*, ну, типа, что мы теперь вместе! Возможно, он перевозбудился, и сказал больше, чем следовало. Может, был в той же стадии опьянения, что и я. Хотя сейчас, думая об этом, я вдруг поняла, что никогда не видела его пьяным. Я пожалала плечами. Скоро всё выяснится.

Прежде чем вернуться к нему в кровать, я оглядела покрытый снегом пейзаж, желая запомнить каждую деталь этого места. За окном тёрлись друг о друга две покрытые льдом веточки — *клик-клик-клик*. Ветер, поднявшийся вокруг отеля, заставил старый дом застонать. В комнате потрескивал камин.

Такие непривычные звуки. Это место было просто волшебным.

Моё пребывание здесь, с Максимом, заставило меня *глубоко* прочувствовать многие вещи. Очевидно, это так же действовало и на него. С мрачным беспокойством я вспомнила, как он ревновал вчера вечером...

За последние несколько дней я осознала, что причина, по которой я больше не жаждала отношений с кем-то — это не моя сложная ситуация.

Этой причиной был Максим Севастьянов. *Я жаждала* только его. Я влюбилась в русского.

Вот так вот. Конец. *Terminado*.

И вот теперь, полюбив Максима, я поняла, что мои чувства к Эдварду были лишь бледным и жалким подобием любви, затрагивающим всё, *кроме* моего сердца.

Но Максим по-прежнему оставался игроком. И самые долгие его отношения длились всего четырнадцать дней. Если такой, как он, захочет остепениться и быть с одной женщиной — взамен он захочет её всю, без остатка. Он захочет, чтобы она была его. А формально я до сих пор принадлежала другому.

O, me jodí. Вот я попала.

Чего бы я только не отдала, чтобы изменить прошлое. Чтобы Эдварда вообще не принимать в расчёт.

Ветер усилился, с неба падали целые вёдра снега. Настоящая снежная буря. На окна обрушивалась метель, всё строение скрипело так, будто находилось в эпицентре урагана.

Секунду спустя проснулся Максим, моргая, посмотрел на меня, потом медленно улыбнулся — такой прекрасный, что у меня сердце защемило.

— Привет, малышка, — хрипло произнёс он и похлопал себя по груди, предлагая мне присоединиться к нему в кровати. Я встала, уронив одеяло, и свернулась рядом с ним голышом.

Когда я устроилась у него на груди, его пальцы принялись поглаживать меня по спине вдоль позвоночника вверх и вниз.

— Давно проснулась?

— Не очень. Я наблюдала снежную бурю.

Он слегка шлёпнул мою попку.

— Как ты?

— Ну, определённо чувствую всё, что мы делали. Но ни о чём не желаю.

Он вернулся к поглаживанию моей спины.

— Ты никогда не жалеешь.

— Это не так, — возразила я. — Просто не жалею с тобой.

— Может, ты просто не всё помнишь.

— Вывод, который я могу сделать после вчерашнего душа: "*разве есть что-то неподвластное Максиму?*" Это было замечательно. Ты был замечательным.

— Ты, *solnyshko*, просто затуманила мой разум.

— Я затуманила? Я просто за тебя держалась.

— Ты страстная, и делая что-либо, отдаёшься этому полностью. — Он за подбородок приподнял моё лицо к себе. — Ты *храбрая*.

Этого я подтвердить не могла. Будь я храброй, то боролась бы за то, что было моим от рождения. Я опустила взгляд вниз. Максим заслуживал храбрую женщину. Разве не этого бы желал такой, как он?

— Маешься с похмелья?

— Совсем нет. Натали заставила нас с Джесс выпить её средство от похмелья, прежде чем отпустила наваксивать лимузин. — Каждая из нас выпила по бутылке «Гейт-о-рейда» и по таблетке аспирина. Сочетание сработало, но... — Только меня беспокоит, что наваксивание было не такой уж гениальной идеей, как мне казалось вчера.

— Я вставал на закате и ходил проверить, не написали ли вы по всей машине "отсоси".

Я рассмеялась.

— К счастью, стишок на месте и выглядит терпимо. Он, определённо, придаст свадьбе пикантность. Ты забыла, что в конце вы приписали "йо"?

— Врёшь.

— Нет, так и есть.

Запомнить на будущее: больше никакой текилы с Джесс. Я рисовала на его груди указательным пальцем круги.

— Как ты пообщался с братом?

— Он всё ещё носит броню. Но, наверное, и я тоже. Полагаю, нам обоим нужно время.

— Столько, сколько потребуется. Ты мне расскажешь, почему вы разделились?

— Натали тебе ничего не сказала?

— Она упорно держала язык за зубами. Приходилось о многом догадываться. Может, расскажешь больше? — Наклонившись, я обняла ладонями его лицо. — Хочу тебя узнать.

Он серьёзно на меня посмотрел.

— *Сегодня* ты задаёшь мне этот вопрос, проявляя, наконец, интерес, которого я так ждал, а вчера Александр посоветовал мне поделиться с тобой моими самыми сокровенными тайнами. Не могу понять, к чему это приведёт. И не верю, что ты будешь смотреть на меня как прежде.

— Буду.

— Как ты можешь быть уверена? — Он сел, прислонившись к спинке кровати, я сделала то же самое.

Одеяло я натянула на нас обоих.

— Я буду смотреть на тебя по-другому, только если ты будешь безжалостен, если

обидишь кого-то гораздо слабее себя. — Эдвард, Эдвард, Эдвард. — А я знаю, что ты никогда так не поступишь.

— Это мерзкая история. Мой отец... распускал руки. Он был хладнокровным расчётливым алкоголиком. Он частенько избивал нас с братьями, доводя дело до переломов.

Я едва удержалась, чтобы не вытаращить глаза.

— Пожалуйста, продолжай.

— Особенно он лютовал зимой. Когда мне было девять, в припадке ярости он убил мою мать.

О, Господи.

— Максим, мне так жаль. Это было при тебе? Ты всё видел? — Смерть Джулии невероятным образом на меня повлияла — когда повсюду была кровь — а ведь эту женщину я ненавидела.

— Её тело, лежащее у подножья лестницы, нашёл Дмитрий.

— Вот что его преследует?

— Хотел бы я, чтобы только это. Ты уверена, что хочешь знать всё?

— Уверена. Пожалуйста.

Его грудь поднялась со вдохом и опустилась.

— Две зимы спустя мой отец убил бы и Александра, но брат сумел себя защитить, случайно прикончив старого ублюдка. Конечно, в Сибири его бы посадили в тюрьму, так что Александр сбежал, оставив нас с Дмитрием одних. Нам было одиннадцать и семь, и мы были уверены, что он нас бросил. Только недавно я узнал, что он думал, будто о нас позаботятся дальние родственники, что было бы в тысячу раз лучше.

— Что случилось вместо этого?

— Из ближайшего города пригласили "опекуна" — человека средних лет по фамилии Орлов. От того, как он смотрел на Дмитрия, у меня мурашки по спине побежали, но причину этого я не понимал. Я и понятия не имел, что взрослые могут вот так вот заглядываться на детей.

О, нет-нет-нет.

— Мне не нравилось, что они подолгу оставались наедине. Дмитрий никогда не жаловался и говорил, что Орлов — хороший человек. И Орлов *отличался* от отца. Он не пил, не бил нас, даже ни разу не повысил голос. Никогда не позволил себе грубого слова.

Прямо как Эдвард. Иногда монстры притворяются джентльменами.

— Сомневаться в его порядочности не было никаких причин, но что-то мне не давало покоя. Так что я отправился к Орлову и спросил, почему он так заиклен на Дмитрие.

Максим колебался...

— И что он ответил? Пожалуйста.

— Ответил, что всего лишь хочет заменить мальчику отца, что Дмитрию нужно на него опереться, чтобы оправиться от потери отца и старшего брата. Он удивлялся вслух, мол, неужели я не желаю Дмитрию счастья? Неужели завидую? Он так правдоподобно лгал. Не могу передать, насколько он был в этом искущён. Он заставил меня засомневаться в себе. И я ушёл, чувствуя себя мелочным эгоистом.

Психологическое насилие. Неудивительно, что Максим никому не верит.

— В течение нескольких лет Орлов постепенно заменил всех слуг, которые могли бы нам помочь, которые так же, как и я, удивлялись происходящему. К моим тринадцати годам мы остались без друзей, запертые в нашем отдалённом поместье.

Порой остаться *без друзей* равнозначно остаться *беззащитным*.

— Пожалуйста, продолжай.

— Орлов всё повторял свои сказки. И Дмитрий, опять же, оставался его преданным защитником. Потом я узнал, что он угрожал Дмитрию убить меня — последнего члена его семьи — если кто-нибудь что-нибудь обнаружит.

— Как ты понял, что Орлов врал?

— В канун Рождества я прокрался в комнату Димы, чтобы собрать заказанную для него в подарок железную дорожку. Мальчика там не было. Я нашёл его в постели Орлова с этим леденящим душу безучастным выражением лица. Этот человек заставил моего брата провести с ним всю ночь, потому что даже его больной разум верил, что нужно сблизиться с жертвой — во время ебучих каникул.

Так вот почему Дмитрий чуть не взорвал телефон в тот день. И почему этот праздник так ненавидел Максим.

— Я напал на Орлова, но он был куда крупнее меня. Придя в себя, я обнаружил, что заперт в подвале, а моя спина — кровавое месиво.

Его спина. Его шрамы. Они у него с детства.

Максим смотрел куда-то в пространство.

— Орлов хотел меня сломить, заставить молчать. О лучшем нельзя было бы и мечтать: жил он в особняке со всеми удобствами, с Дмитрием, который всегда был к его... услугам. Этот человек пошёл бы на что угодно, лишь бы оставить всё как есть. Так что он держал меня в подвале. Солнца я не видел... долго.

— Ч-что? Сколько?

— Полгода.

Мои губы беззвучно шевелились. Этот кошмар становился всё ужаснее.

Взгляд Максима затуманился:

— Он меня едва кормил и поил, держал в темноте без какого-либо источника света. Но когда и это меня не сломило, он выпустил наружу свой скрываемый гнев и высек меня. Он бил до тех пор, пока не устала рука, и заново не открылись мои раны. В тёмном помещении моя кожа покрылась кровавыми гнойными струпьями. — Он вздрогнул. — Раны горели, жгли, сводя меня с ума. Я изголодался по солнечному свету. Чем дольше я оставался без солнца, тем сильнее прогрессировала болезнь, распространяясь по всему телу. Доходило до того, что я мечтал не иметь кожи вовсе.

Когда я попыталась представить его боль, на глаза навернулись слёзы. Теперь многое стало понятно. Его слова *"тридцать один год страданий — позади"* Сначала его мучил отец, потом — Орлов. И спустя десятилетия Максима всё равно не отпускали эти воспоминания.

— Я загибался в том сыром ледяном подвале и знал, что там и умру. Тогда я решил притвориться, что меня сломали, но не смог сыграть так умело, как это делал Орлов. В тринадцать лет я был приговорён к смерти. И с каждым днём казнь подбиралась всё ближе.

Я едва сдерживала слёзы.

— Так вот почему ты расспрашивал меня о первых воспоминаниях.

Он кивнул. Ему хотелось узнать, что делала я, когда он умирал.

И вот почему он ненавидел зиму. Вот зачем всегда открывал все окна и двери.

Этот человек называл меня... *своим солнцем*?

— Но хуже всего было знать, что Орлов по-прежнему насиловал моего брата. Никого не осталось. Защита Дмитрия была моей обязанностью. И я с ней не справился.

— Но ты ничего не мог сделать. Ты сам был ребёнком.

— Александр сказал то же самое, хотя я думаю, что как раз он бы придумал что-нибудь, чтобы сбежать и спасти брата. На самом деле именно Дмитрий мне помог. Однажды ночью, в пронизывающий мороз, он вышел из своего апатичного состояния на достаточное время для того, чтобы осознать, что я умираю. Он вырубил Орлова лопатой. А потом рыдал, сидя на коленях рядом со мной, пока я душил эту мразь. Я убил Орлова прежде, чем тот очнулся.

Максиму пришлось это сделать? Ребёнком? Моё сердце просто кровью обливалось, когда я думала о нём и о Дмитрии.

Он изучал выражение моего лица.

— Вокруг моей семьи смерть и разрушение. Александр убил, будучи подростком. То же сделал и я. Только голыми руками и беззащитного человека. Из того подвала я вылез, как какое-то жуткое существо с отчаянным желанием убивать. Разве ты сможешь смотреть на меня по-прежнему?

— Нет, не смогу. Я просто потрясена тем, каким храбрым ты был и как сумел защитить себя и брата от этого монстра. — Хотела бы и я быть такой храброй! Я стиснула Максима за плечи. — Вся эта история меня просто переполняет яростью. *Ужасно*, что ты несёшь на себе такой груз. Но ты не думал о детях, которых ты спас от этого человека в будущем? Или о детях в прошлом, за которых ты отомстил? Если Орлов был готов дать тебе умереть, то, вполне вероятно, он убивал и раньше.

Моя реакция заставила Максима отпрянуть, но мне надо было, чтобы он понял.

— Иногда людям недостаёт смелости сделать то, что нужно — взрослым недостаёт. — На моём месте Максим бы сразился с Эдвардом с высоко поднятой головой. — Всё, что они могут — это лишь мечтать о том, чтобы быть смелыми. Ты сделал то, что должен был, будучи подростком. Так что да, теперь я смотрю на тебя другими глазами!

— Я не ожидал увидеть такую... горячность. — Взгляд Максима скользнул по моему лицу, затем переместился на своё правое плечо.

В которое я вцепилась мёртвой хваткой? Смутившись, я убрала руки и прочистила горло.

— И что ты сделал потом?

Моя реакция заставила его нахмуриться, но он продолжал:

— Дмитрий не хотел, чтобы кто-нибудь узнал о том, что творил с ним Орлов, так что я избавился от тела в лесу. Его так и не нашли. Мы сказали, что он напился и исчез прямо перед штормом. Никто особенно его не искал. Много лет спустя я узнал, что Орлова подозревали в насилии над детьми в его родном городе. Потом в качестве опекуна к нам приехала пожилая женщина. Она нас не обижала, но и не помогала.

— В каком состоянии Дмитрий сейчас?

Он потёр ладонью лицо.

— Ему было *неприятно* узнать о наших с тобой отношениях.

Максим сказал, что не был готов к тому, чтобы про меня узнали его братья.

— А я сама выставила всё напоказ.

— Но к свадьбе он всё равно бы обо всём узнал.

— Так некоторые из тех гневных звонков были обо мне?

— Этому не помочь. — Он выдохнул. — Дмитрию сильно досталось, и это сказывается. Каждый шаг, предпринятый им к исцелению, словно бы ещё глубже затягивает его в прошлое.

— Кто есть ещё в его жизни? Спутница? Друзья?

— Он не способен на отношения. В этом мы были схожи, и в какой-то момент смирились. У меня был сценарий, а Дмитрий разработал так называемые *протоколы*. Они гораздо более подробные, практически... всеобъемлющие. — Он открыл рот для продолжения, но вдруг замолк. — Ты с ним познакомишься. Не хочу, чтобы у тебя заранее сложилось превратное мнение.

Что может этому помешать? Но я ответила:

— Понимаю.

— Он винит Александра в том, что он нас бросил. Как старший, Александр был Дмитрию отцом. А потом — ушёл.

— Поэтому ты тоже его презирал?

— Раньше я его ненавидел, считая, что он беззаботно живёт под покровительством достойного человека, каким был Ковалёв. И только недавно я узнал, что до того, как Ковалёв его усыновил, Александр долгое время жил на улице. Среди многих беспризорных детей он оказался изгоем. Он рос в совершенно других условиях — терпя побои, но в достатке — и от рождения был немногословен. Остаться одному означало столкнуться с... испытаниями, то, что он оставил нас — его никак не освободило. На самом деле Александр считал, что он единственный будет страдать. Теперь, встретив Натали, он думает, что предыдущие события были призваны закалить его, чтобы он был способен её защитить, что теперь смысл его жизни — её безопасность и счастье. Что ты об этом думаешь?

Я мягко спросила:

— Разве мы можем этому не верить? Если ты полагаешь, что на всё есть своя причина...

Казалось, он это обдумал.

— Много лет я тоже не понимал, за что мне были посланы такие страдания в детстве. Меня мучила бессонница. Пропал аппетит; я мог есть или не есть, совершенно не испытывая удовольствия от приёма пищи. Гиперчувствительная кожа не выносила прикосновений. Долгое время, чтобы просто надеть рубашку, приходилось стискивать зубы. Но, даже выздоровев физически, я понял, что не могу выкинуть это из головы. Если кто-то подходил ко мне достаточно близко, чтобы дотронуться, я чувствовал, что готов сжаться в комок.

Почти как я, когда пыталась прорепетировать свой рассказ о прошлом.

— Но с тобой всё по-другому. Ты сладкоежка. И крепко спишь.

— Я могу к тебе прикасаться, — прошептала я.

— Об этих улучшениях я рассказал Алексу и спросил его совета.

Было странно слышать, что такой самодостаточный человек искал совета другого. Но, с другой стороны, Алекс — его старший брат, с которым он недавно воссоединился.

— И что он сказал?

— Он убеждён, что мужчина может узнать свою женщину, потому что начнёт изменяться для неё, чтобы стать тем, кто ей нужен. Ты сказала, что если намерение достаточно сильно, люди могут измениться. Натали нужна была Александру больше его старых привычек, так что он их отбросил. Это соответствует тому, во что ты веришь?

— Да.

— Я почувствовал что-то в тебе даже не успев прикоснуться, *solnyshko*. Когда ты улыбнулась сквозь бокал и сообщила, что вид из пентхауса "Селтейна" "приемлемый", у меня мурашки по спине побежали, потому что я захотел улыбнуться в ответ. На тебя я реагировал, как на ни какую другую девушку, и это выбивало меня из колеи. — Максим провёл

кончиками пальцев по моей щеке. — Тогда, в детстве, сидя в том подвале, хотел бы я знать, что на другой стороне земли храбрая маленькая девочка отстаивает свою гордость. И что однажды она войдёт в мою жизнь, чтобы сделать её ярче.

Я прижала губы к его лбу.

— А я теперь знаю, что тогда, в заснеженной Сибири, в невыносимых условиях мальчик становился мужчиной.

Как Максим смог стать таким уверенным в себе? Таким легко справляющимся с большой ответственностью? Таким исключительным во всех смыслах?

— Ты сказала, что это случилось, было больно, но впереди будет лучшая жизнь. Это так? Я становлюсь тем, кто тебе нужен, Katya?

Я судорожно вздохнула.

— Может быть теперь, когда ты изменился, стоит двигаться дальше? Может, ты хочешь продолжать в том же духе?

Несколько долгих мгновений он молчал, словно принимая какое-то решение. Наконец, спросил:

— Я не слишком много всего на тебя вывалил?

— Нет. Но моя душа болит за тебя. — За напуганного подростка, которым он был. За страдания его брата. И за его собственные.

— Мне и правда... лучше. Легче. Алекс был прав в том, что ноша уменьшится. Я бы всё равно, в конце концов, всё тебе рассказал, так что рад, что с этим покончено.

Потому что он был уверен, что мы будем вместе? Моё сердце вопило. Мне так нужен этот мужчина! Он — воплощение моей мечты.

— Знай я, что ты так отреагируешь, не страшился бы своего рассказа.

— Спасибо, что доверился мне.

— А ты должна довериться мне в ответ. Чтобы мы могли двигаться дальше вместе.

Dios mío. Я нервно сглотнула. Как я могу ему не доверять?

Я бы могла сейчас рассказать всё Максиму — ну, или, по крайней мере, попытаться выдать из себя несколько слов, но его взгляд говорил, что он хотел от меня совершенно другого. Он хотел забыться во мне. Познать удовольствие и похоронить боль. И я хотела дать ему всё это.

Когда он обнял меня, я решила, что, вернувшись в Майями, тоже ему доверюсь.

Моё сердце споткнулось, едва я осознала, что *собираюсь, в конце концов, это сделать.*

После свадьбы я расскажу ему всё.

Вечером перед уходом, я поцеловала Максима, и он, сонно моргая, открыл глаза.

Занявшись любовью дважды, мы заказали еду в номер, а потом снова заснули. Я встала и успела одеться ещё до его пробуждения.

Джесс и Натали сказали мне прийти к трём часам, чтобы сделать причёску и макияж вместе со всеми подружками невесты. Но даже после вчерашнего вечера мне не хотелось показаться навязчивой. Однако сейчас было уже почти пять, и я решила, что уже можно пойти проверить, не нужна ли Джесс в последнюю минуту какая-нибудь помощь.

Максим оглядел меня с ног до головы.

Волосы я собрала в высокий свободный пучок, а вокруг шеи застегнула жемчужное ожерелье. Мочки ушей украшали такие же жемчужные серьги. Макияж был минимальным. На фоне моего невероятного платья глаза казались янтарными, так что я подчеркнула их цвет мягкими коричневыми тенями.

Интересно, что он скажет о платье?

— Ну?

Когда дизайнер только предложил жёлтый цвет, чтобы подчеркнуть мой загар и цвет глаз, я наморщила нос, полагая, что для свадьбы нужно будет подобрать что-то более консервативное. Но, примерив это простое облегающее платье без рукавов, я просто влюбилась.

Взгляд Максима потеплел, рот приоткрылся.

— Ты... само совершенство, *solnyshko*.

Видя его реакцию и помня о его прошлом, я порадовалась, что выбрала такой яркий и смелый цвет.

Он посмотрел мне в глаза.

— И ты — *моя*.

Я сглотнула. Прошлой ночью он говорил именно то, что имел в виду.

Только я начала волноваться, как он добавил:

— Дайте мне десять минут, мисс Марин. — *Мисс*. — Я быстро приму душ, и мы спустимся.

— Я подумала, что стоит проведать Натали и Джесс, и узнать, не нужна ли им моя помощь.

Его тело мгновенно напряглось.

— Ты... ты избегаешь меня после того, что я тебе рассказал?

Я наклонилась, чтобы взять в ладони его лицо.

— *Нет*. — Поцеловала быстро, сильно. — Мне сказали быть там ещё два часа назад, но я решила подождать. А потом стала волноваться, справится ли Джесс сегодня с организацией. Надо убедиться, что у Натали есть помощница. После всего пережитого она заслуживает самую фантастическую свадьбу на свете.

— А, понятно. — Он закинул руки за голову, и во мне сразу же проснулся аппетит. — Рад, что ты с ними поладила. Иди. Я скоро приду.

Выйдя из отеля, я направилась к павильону. Доносившийся смех привёл меня в гостиную, оккупированную подружками невесты. Комната была полна народу. Обогнув толпу из гостей, парикмахеров, визажистов, фотографов и видеооператора, я, наконец,

смогла увидеть Натали. У меня челюсть отвисла.

Длинное платье цвета слоновой кости явилось, должно быть, пряником из сказки. Юбка у этого эффектного произведения искусства с открытой спиной была выполнена из струящегося шёлкового шифона с лёгким розовым оттенком, подсвечивающим белую кожу невесты. Длинные рыжие волосы были уложены в высокую свободную причёску и украшены капельками жемчуга, вьющиеся локоны обрамляли улыбающееся лицо.

Я не сдержала восклицания:

— *Dios mío, tan guapa!* Ты прекрасна!

Она покраснела и махнула мне рукой.

— Кто бы говорил — тебе стоит чаще носить такой цвет! Я бы тебя обняла, но Джесс запретила мне прикасаться к любому, у кого на лице макияж. Или следовать за блестящими штучками. Или потеть.

— Могу я что-нибудь для тебя сделать?

— Всё в порядке, пока Джезабель не застала меня за едой.

И тут я увидела Джесс. На ней было такое же розовое платье, как и у других подружек невесты, только её вырез был достаточно глубоким, чтобы открыть ложбинку между грудей.

Она ткнула пальцем в меня.

— В этом платье ты просто супер-секси, *мамуля*. Поцелуй-ка меня. Да, лимузином мы занялись уже на ногах, кривых как у Полли, так ведь? Чёртовы русские. Налей себе шипучки. Догоняй.

Думаю, наша размолвка была забыта. Хотя я всё равно когда-нибудь *растолкую* ей закон убывающей доходности.

Взяв пару бокалов с подноса проходящего мимо официанта, я вручила один из них Натали. Сделав глоток, я вспомнила, что с шампанским у меня не всё складывается.

— Ты что, ела выпечку? — грозно повернулась она к Натали. Строгая Джесс была сродни стихийному бедствию. — *Не смей* прикасаться к этому платью своими граблями. — Может, ты и не ценишь высокую моду, но я истратила на это просто кучу твоих денег! Цени хотя бы это. — Развернувшись, она щёлкнула пальцами, подзывая Полли. Девчушка чуть не кувырком бросилась к Джесс, которая моментально стянула её декольте на более сексуальную глубину.

— Неужели ты тоже из жалких Амишей, как и Кэт?

Уже нет! Я показала ей язык.

Сквозь толпу в попытке добраться до Натали пробиралась Ребекка. При виде дочери на её глазах выступили слёзы.

— Моя дочурка, — шмыгнула она носом.

— О, мам, — огорчённо протянула Натали, широко улыбаясь.

Увидев, что слёзы Ребекки потекли ручьём, Джесс отрезала:

— Она же не по доске собирается пройти, а всего лишь выходит замуж — за подозрительного русского мужика, заказанного по почте. Ты приняла таблетки, которые я тебе дала? Прими. И я проверю твой рот.

За стёклами очков Ребекка закатила глаза.

— Но только чтобы ты от меня отстала, Джессика! — Она достала что-то из сумочки и решительно поднесла ко рту.

Глаза у Джесс округлились.

— Стой...

Но Ребекка уже запила таблетки шампанским.

— Это ведь был "валиум", да?

Джесс отрицательно помотала головой, но вслух сказала:

— Конечно, так и есть. Теоретически.

O, Dios mío.

Ребекка восприняла это как шутку.

— Ну, я теперь могу оплакать свою дочурку?

— Повторишь этот вопрос через двадцать минут, Бекс...

Взбудораженные и воодушевлённые, мы потом ещё немного поболтали ни о чём. Как бы мне хотелось, чтобы и у меня в прошлом было всё это: чтобы в такой важный день рядом со мной были родственники и друзья.

— Так, дамочки, — Джесс хлопнула в ладоши. — Обратный отсчёт пятнадцать минут. Кому-нибудь нужно в туалет? Говорите сейчас или терпите вечно.

Полли, как ошпаренная, выскочила из комнаты, за ней неуверенно последовала Ребекка. Джесс тут же оказалась рядом.

Минуту спустя Джесс вернулась и вывела меня в коридор. Ребекка стояла, прислонившись к стене с мечтательным выражением лица.

— Что случилось? — спросила я.

Приглушённым голосом Джесс сообщила:

— Не говори Натали, но я случайно накормила её мать колёсами, которые приберегла на вечер. Так что теперь ты официально будешь следить за представлением под названием "Трип Ребекки". — Она повернулась к женщине. — Видишь, Бекс? Разве всё вокруг не кажется *радостнее*?

Mierda.

— Не вопрос. — Фраза стала моей мантрой. С другой стороны, слёзы у неё на лице моментально высохли!

— Можешь отвести её в павильон?

— Уже идём.

Уводя Ребекку, я услышала голос Натали:

— Кто-нибудь видел мою маму?

Джесс громко ответила:

— С ней секси-мамуля. И они уже пошли в павильон.

Я улыбнулась витающей в облаках женщине.

— Почти пришли, Ребекка. Вот сюда. Теперь повернём налево — на *другое* лево. *Окей, тью bien.*

От внутреннего убранства павильона с его высоченными наклонными потолками, изогнутыми перекрытиями и сверкающими полами просто дух захватывало. Зал был украшен пионами, лилиями и роскошными орхидеями, которые распространяли в воздухе тонкий аромат. Сквозь огромные окна открывался вид на освещённый внутренний дворик, украшенный подвесными фонарями, свет которых отражался в снегу.

Когда я нашла Тома, он, нахмурившись, подхватил Ребекку под руку. Она же гладила его галстук.

— Всё в порядке? — спросил он меня.

Увиливай и уклоняйся.

— Она выпила немного шампанского. — Пока я это говорила, она, словно марку,

лизнула его лицо.

Том был совершенно сбит с толку.

— Кэт, не могла бы ты с ней тут посидеть, пока я буду вести Натали к алтарю?

— Конечно. Не вопрос. Ребекка, нам сюда. — Мы пошли в первый ряд, где мне-таки удалось её усадить. Оглядываясь по сторонам, я пыталась найти хоть что-то, чем можно было бы её занять, ну, хотя бы погремушку и светящуюся палочку. Ничего не обнаружив, я указала на подол её платья. — Ой, Ребекка, смотри! Рюшечки-рюшечки-рюшечки!

Это её *впечатлило*.

События принимали просто нереальный оборот. Я присутствовала на свадьбе дочери русского криминалитета и обожаемого ею бандита, сидя рядом с матерью невесты, которая находилась под кайфом.

И мой... парень (мурашки) тоже связан с *мафией*. О, и миллиардер, к тому же.

Из соседней комнаты появился Алекс в сопровождении троих друзей, они вместе заняли свои места у алтаря. Им полагалось выстроиться в линию и ждать подружек невесты. А где же Максим?

Жених Натали был облачён в смокинг, но из-за своих татуировок и короткой стрижки всё равно выглядел опасным. Он явно нервничал, дёргал свой воротник и крутил головой в поисках Натали.

Его нервозность привела меня в *восторг*. Мужчина, завтракающий пулями, действительно боялся — что невеста сбежит.

Потом... появился Максим.

Едва увидев его в смокинге, я со свистом втянула воздух, взметнув руки в стороны, будто попав в автокатастрофу.

Un hombre magnífico. Выглядеть прекраснее было просто невозможно.

Найдя меня глазами, он послал мне лукавую улыбку, прекрасно зная, как потрясно выглядит — зная, что сразил меня *наповал*. Я просто таяла от тёмного обещания в его взгляде.

Когда он встал рядом с Алексом, я увидела двоих высоких и сильных мужчин. Напряжение, которое было между ними, немного ослабло. Максим хлопнул брата по спине, поддразнивая.

Как только заиграл свадебный марш, я помогла Ребекке встать на ноги. На дорожке, ведущей к алтарю, появились одна за другой подружки невесты. Джесс, проходя мимо, подмигнула и послала мне воздушный поцелуй. Я перевела взгляд на Максима; эта сценка заставила его скривиться. Ребекка указывала в потолок и шептала:

— *О-о-о*.

Затем Том вёл Натали к алтарю, а все вокруг вздыхали при виде прекрасной невесты. Кроме Алекса. Он переменял позу, словно едва удержавшись на ногах.

Натали выглядела абсолютно спокойной и готовой к замужеству. К началу новой жизни. Даже когда Том передал Натали жениху и все уселись, Алекс по-прежнему выглядел, словно громом поражённый. Наверное, руки у него дрожали.

Я слышала, как Натали сказала ему:

— Ты стал слишком секси, Сибиряк. Думаю, пора тебя окольцевать.

Нахмурившись, он с готовностью закивал.

Усадив Ребекку обратно, я старалась не пялиться на Максима. Но глаза хотели смотреть лишь на него.

Присутствие на такой свадьбе, с таким мужчиной представляло для моего сердца реальную опасность. Что-нибудь всякий раз напоминало мне сказку; сколько времени потребуется, чтобы я начала мечтать о своей собственной?

Когда жених с невестой начали обмениваться брачными клятвами, Максим пригвоздил меня к месту пронизательным взглядом. Всё вокруг померкло, и я готова была поклясться, что в зале остались лишь мы вдвоём.

От выражения его лица моё дыхание участилось, как будто он давал мне свои собственные обещания. После утренних признаний я понимала, что он ждёт от меня чего-то большего — и готов *обнажить всю душу*, чтобы заполучить это.

Только факт оставался фактом — я была замужней женщиной — хотя позволила ему думать, что свободна. Я позволила так думать *всем*.

Нет, я не произносила ложь вслух.

Я жила ею.

Por Dios, ne дай Максиму поймать подвязку. Вспотевшей рукой я поудобнее перехватила букет невесты — который только что *поймала*.

Перед этим Джесс вынудила меня присоединиться к толпе претендующих на букет незамужних женщин. Хоть Полли чуть из платья не выпрыгивала от нетерпения, а у большинства девушек в предвкушении горели глаза, я встала в стороне, чувствуя себя лишней на этом празднике жизни.

Букет ударил меня прямо в грудь. Не подхвати я его, цветы бы просто упали на пол.

Все девушки меня поздравили, некоторые искреннее других. (*Правда, Полли, зелен виноград? Вот. Держи-ка.*) Натали меня обняла, а Джесс провозгласила себя моим свадебным координатором.

— Я забила это место, сучки!

Руки Максима сомкнулись вокруг меня, его глаза ярко горели.

— Как *интересно*.

Натянув улыбку для всех вокруг, я осознала, как никогда раньше, что вся моя жизнь состоит из лжи.

До этого момента всё шло так хорошо. Я сидела на коленях у Максима на последнем ряду, переплетя наши пальцы. Мы обсуждали, как Ребекка попробовала наркоту (ещё четыре часа кайфа, Бекс), и почему мне почти нельзя пить (шампанское означало мою смерть), и почему ему почти нельзя пить ("я же шафер, говорят, это весьма серьёзная должность"), и насколько расслабленнее выглядит его брат, официально заполучив Натали.

Вернее, он расслабился лишь на время. Но с наступлением ночи и учитывая постоянные поддразнивания Натали — с быстрыми взглядами и не особенно скрытными прикосновениями — становилось понятно, что Алекс уже готов консумировать брак.

И сейчас, когда он встал на одно колено, чтобы снять с Натали подвязку, желание между ними можно было измерять по шкале Рихтера. Его руки, стягивающие вниз кремовую кружевную ленту, дрожали от предвкушения.

Рядом с Максимом стояли другие неженатые мужчины. Не обращая ни на кого внимания, этот самодовольный дьявол мне подмигнул. Будь я свободной женщиной, наверное, упала бы в обморок. Но сейчас мне оставалось только улыбнуться в ответ.

Когда Алекс, словно из рогатки, запустил подвязку в воздух, я наблюдала за её полётом, будто за невероятной передачей в футболе. В замедленном воспроизведении...

И поймал её Максим — из-за своего высокого роста.

Джесс потащила меня к стулу.

— Ну, давайте же, мамуля и Макс!

Я села с букетом в руках, а он опустился передо мной на колени. Все толпились вокруг, смеясь и хлопая в ладоши.

Надевая на меня подвязку, вне себя от счастья, Максим и сам выглядел довольно похотливо.

— Смотри-ка, он скоро доберётся до первой базы, — заметила Джесс. — В этом раунде ты выиграл девчонку, русский. Но лучше заботься о ней как следует. У меня есть электрошокер, и я не знаю, как им пользоваться!

Максим разглаживал на мне подол платья, его взгляд потемнел, а руки начали дрожать почти как у брата. Скользя ими вниз, он пробормотал:

— Не думаешь, что судьба пытается нам что-то сказать?

Сердце прыгнуло в горло. Я просто окаменела.

Он так хорошо меня читал, и понял, что что-то происходит. Закрепив над моим коленом подвязку, он поправил платье. Потом улыбнулся мне, как требовалось.

И впервые за всё время его улыбка была *фальшивой*...

— Пожалуйста, поговори со мной, — попросила я Севастьянова, как только наш самолёт взлетел, направляясь в Майями.

После того, как мы вчера занялись любовью, я практически сразу же отрубилась, слишком вымотавшись от необходимости изображать радость. Ночью я ненадолго проснулась и обнаружила, что он стоит у окна, уставившись в темноту. На его щеке дёргался мускул, и я готова была поклясться, что он был чем-то... уязвлён.

По-моему, он вообще не спал. Во время завтрака он испускал волны напряжения. Был отстранён и натянуто вежлив, в полной мере пользуясь той самой фальшивой улыбкой.

— Ты за весь день едва пару слов мне сказал, Максим.

— Мне нужно многое обдумать.

Зазвонил телефон, и, ни слова не говоря, он ответил на звонок. Я смотрела в иллюминатор, ожидая, когда снова представится возможность с ним поговорить. Один звонок превратился в два, затем — в пять. Я не понимала слов, но с беспокойством чувствовала, что речь шла обо мне.

Я ушла прилечь в отдельной кабине. Вместо того чтобы вновь заняться на этой кровати любовью, мы оказались по разные стороны нового барьера.

Я всё ещё чувствовала дикую усталость в теле и какое-то оупение в голове, и будто бы боролась с похмельем после каких-нибудь колёс Джесс.

Может, столько новых впечатлений — это для меня уже чересчур? Три года я жила практически отшельницей, а потом вдруг попала в толпу новых людей. От нищеты и необходимости считать каждую копейку я вдруг перешла к радостному транжирству полумиллиона. От воздержания я попала в изобилие секса. Я была убеждена, что могу не встретить своё тридцатилетие — что уж говорить о повторном браке — как вдруг я влюбляюсь в человека, которому нужно от меня всё.

Сбитая с толку, я провалилась в сон. Полный кошмаров об Эдварде.

В одном сне он был покрыт кровью — *моей* — и подкрадывался поближе. Я стояла, замерев на месте, не в силах заставить себя бежать — единственный путь к спасению. Я слышала эти кошмарные хлюпающие звуки, издаваемые Джулией, теряющей кровь. Снова и снова я пыталась бежать, умоляя Эдварда оставить меня в покое, но он подходил всё ближе, обещая "*Я ВЫПОТРОШУ тебя! Живую покрмсаю на куски!*" Моё тело в кровати сотряслось. Я вскочила, тяжело дыша. Мы уже приземлились? Почему Максим меня не разбудил?

Когда самолёт по лётному полю направился к месту парковки, я пошла в туалет. Никогда ещё кошмары об Эдварде не были такими жуткими. Слово я вернулась к нему обратно.

Умывшись, я уставилась на своё отражение. Расслабленная женщина, которую я могла видеть несколько дней назад, исчезла, из зеркала на меня смотрела привычная Кэт, которую я знала долгие годы.

Когда я присоединилась к Севастьянову в салоне, выражение его лица заставило меня отступить. Напряжение превратилось в нескрываемый гнев.

Я никогда не видела его в такой ярости.

— Что происходит? Что случилось?

Максим едва мог на меня смотреть. Это я его разозлила?

Я так любила его, а он даже не мог на меня смотреть.

Он опрокинул рюмку водки, ничего не сказав. Костяшки пальцев, сжимающих рюмку, побелели от напряжения, на щеке по-прежнему дёргался мускул.

Как в тумане, я сошла по трапу следом за ним и села в лимузин, хотя он вёл себя так, будто собирался бросить меня прямо на взлётном поле.

Машина ещё не успела тронуться, как он уже налил рюмку из автомобильного бара. Ну, вот мы и здесь — в солнечном Майями — но казалось, что вокруг царит арктический холод. Максим резко ответил на очередной звонок, а закончил разговор тогда, когда мы уже приближались к отелю.

— Максим, не знаю, что между нами происходит, но ты должен мне всё объяснить, — сказала я. Разделительное стекло оставалось приоткрытым, и Василий мог всё слышать, но мне было всё равно.

— Я сказал, что мне нужно многое обдумать. Обсудим всё позже. — Его поведение говорило мне: *отвали*.

— Ты воздвигаешь между нами стену. Пожалуйста, *не надо так*. Поговори со мной.

— Прекрасно. — Он плеснул себе ещё водки. — Выходи за меня замуж.

— *Quié?* — Мне стало трудно дышать.

— Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. Сегодня.

Я думала, что меня сейчас вырвет. Это всё *не по-настоящему*.

— Я так понимаю, это означает да. Мы отправимся прямо в аэропорт и оттуда полетим в Лас Вегас. — Он сказал что-то Василию, и тот принялся снижать скорость.

Чтобы развернуться.

Я помотала головой.

— Едем в отель.

— Назови причину.

— Я знаю тебя всего две недели.

— Ты уверена, что другой причины нет? — спросил он.

— Почему ты так себя ведёшь?

Он рывкнул что-то Василию, и мы снова направились в отель.

Севастьянов перевёл на меня разъярённый взгляд.

— Ты даже не допускаешь возможности выйти за меня замуж. Ни на секунду, правда? Вчера, поймав букет, ты расстроилась. А когда я надевал на тебя подвязку, твоё тело будто окаменело. Этого *никогда* не случалось раньше.

— Всё слишком... за выходные столько всего случилось. В Рождество я думала, что двадцать восьмого мы расстанемся.

Он горько усмехнулся.

— Ты запустила в меня коготки, а сама только и думала, как бы сбежать! Ты даже не рассматривала возможность совместного будущего.

— Нет, я не это имела в виду. — Как же объяснить? Я знала, что разговор о прошлом будет непростым. Но сейчас, напуганная, на эмоциях, я едва могла найти нужные слова. — Всё... очень сложно.

— Да уж, наверное.

— Что это значит?

Он лишь отмахнулся.

— Я только что сказал, что собираюсь на тебе жениться. Заманчиво для девушки в твоём положении.

— В моём положении. — Той, которая продаёт секс.

— Но проблема с моим богатством в том, что к нему прилагаюсь я!

Этот аргумент сделал меня совершенно беззащитной. Потому что с ним *я растеряла* всю свою защиту.

— О чём я, блядь, думал? Сказал, что никого больше не будет. Что ты — со мной. Доверил тебе то, чего не доверял никому. — Боль в его глазах меня просто потрясла. — А я даже не знаю твоего настоящего имени. Ожидал от тебя того, чего не должен был. Я не могу заставить тебя измениться.

— Ты хочешь, чтобы я изменилась? — Мне не удалось скрыть обиду в голосе. — Как?

— Например, когда я сказал, что я *бывший* постоянный клиент, ты могла бы ответить, что и ты — *бывшая* эскорт-девушка. Просто как вариант.

Я потёрла виски.

— Я ничего не понимаю. Не знаю, что вдруг произошло. — Возможно, он пожалел, что рассказал о своём прошлом. Мне казалось, что разговор со мной *пошёл* ему на пользу — но боль внутри всё ещё осталась, не давая покоя. И теперь я получаю ответную реакцию? — Почему ты так со мной поступаешь?

— Ты не должна была давать мне понять, что всё возможно. Ты позволила мне верить, что тебя можно завоевать.

— О чём ты вообще говоришь?

— Ты лгала об этом и о многом другом. Ты смотрела людям в глаза, и слова у тебя лились сами собой. Врёшь ты почище любого политика.

Моя растерянность превращалась в гнев, затуманенный рассудок прояснялся.

— Я понимаю твоё недоверие. У меня тоже есть причины не доверять людям. Но ты должен кое-что понять.

Он осушил рюмку.

— Жду не дождусь, чтобы это услышать.

— Я ни разу — с самой первой произнесённой мною фразы — тебе не солгала.

Ярость в его глазах почти заставила меня вжаться в сиденье.

— Я говорил, чтобы ты никогда мне не врала! Я объяснил, почему терпеть этого не могу. И всё равно ты продолжаешь.

— Когда? Приведи пример!

— Я почти поверил, когда ты сказала, что никакого другого мужчины нет! Ты смотрела мне в глаза, и уверяла, что никого нет — но своей подруге ты сказала, что связана с другим.

— Какой подруге? — Может, он что-то неправильно понял из того, что я болтала в выходные?

— На прошлой неделе перед деловой встречей я установил в номере прослушку. И получил истинное наслаждение от твоего разговора с Ивановой.

Я ахнула, пытаюсь вспомнить, о чём говорила тогда. Я рассказывала ей о поясе, о том, что всё время нахожусь, словно в тумане от желания, фантазируя о его теле. Разговор был приватным — и унижительным! Лицо вспыхнуло от стыда, что только подогрело мой гнев.

— Думаешь, я не позаботился о телефоне, прежде чем ты его получила? Это случилось с моего разрешения. Потом вечером я прослушал запись.

— Так ты знал, что я и не пыталась заарканить тебя, забеременев! А мне не сказал? Я

так и думала! Ты *хотел*, чтобы я осталась — чтобы обращаться со мной так, словно я какая-то лживая *prostitutka*! Чтобы ты мог получить всё, что только заблагорассудится. Ты забавлялся. Развлекался со мной. И с *моей* жизнью.

Мы остановились около отеля. Василий поспешно подскочил к пассажирской двери, но так и остался стоять.

— Так ведь и ты играла со мной! — рявкнул Севастьянов. — Заставила меня поверить, что чувствуешь что-то ко мне! И я решил, что отвоюю тебя у него — буду холить и лелеять, погружу в свой мир, забрав из его. И уж было решил, что преуспел, пока вчера не заметил твою реакцию. Теперь я понимаю, что просто *не могу* ничего сделать. Твоё сердце занято. *Эдвардом*. Ты любишь его.

Я почувствовала, как от моего лица отлила вся кровь. Севастьянов произнёс имя Эдварда вслух. Я подавила желание перекреститься.

— К-как?

— В самолёте ты произнесла его имя во сне! Простонала! — Он проглотил очередную порцию водки. — И теперь я знаю, как ты стонешь, трахаясь с тем, на кого тебе не наплевать.

Что я ещё сказала? Я чувствовала невероятное желание бежать. Глаза метнулись к ручке двери.

— Даже до того, как запись разговора всё подтвердила, я знал, что у тебя есть другой. Я знал, что каждый раз, уставившись в никуда, ты думала о нём. И когда сделали ту злосчастную фотографию для сайта — ты тоже думала о нём.

Севастьянов был прав. Думала.

— Ты была *со мной* — и стонала, думая *о нём*. — Он был готов разбить рюмку вдребезги. — Но ведь ты предупреждала меня, верно? Говорила, что я хочу тебя больше, чем ты меня.

Он выдохнул, пытаясь умерить свой гнев.

— Всё это бессмысленно. Я не должен тебе доверять или завоёвывать. Я всего лишь должен тебе *платить*. Может, стоит уладить финансовые вопросы, прежде чем ты поднимешься?

— Не делай этого. — Он разбивал мне сердце.

— Не делать чего? Взнос в сумме пятнадцати тысяч в день будет достаточным? Или двадцати? — Он щёлкнул замком дипломата, в котором лежали банковские пачки сотенных купюр. Спросил с ехидным выражением на лице, — наверное, Эдвард ждёт, что ты вернёшься с баблом? У вас есть на этот счёт договорённость?

Какая-то невидимая сила, будто кулак, ударила меня в живот. Должно быть, так и было, потому что я не могла дышать.

— Ну, давай, спроси меня об оплате, малышка.

Когда я представила, как близко подошла к тому, чтобы раскрыться перед ним — нарушив правила, сохраняющие мою жизнь — меня затошнило. Уроки, за которые я заплатила такой ценой, так ничему меня *не научили*.

— Сегодня я хотела тебе всё рассказать, довериться! *Gracias a Dios*, ты явил свою истинную сущность — в который раз — прежде чем я успела произнести хоть слово. Здесь только ты предаёшь доверие! Вали и переслушай свои поганые записи. Я — ни разу — не солгала!

Дрожа от ярости, по силе равной гневу Севастьянова, я сорвала нитку жемчуга, и

швырнула в него.

— Я нужна тебе *не сильнее* старых привычек. Ты не готов их бросить ради меня. Так что я не собираюсь тратить на тебя время. Я ухожу, и на этот раз ты меня не остановишь.

Он лениво заметил:

— Достаточно драматизма. Ты не уйдёшь.

— Да, не уйду? — Я чуть не порвала мочки, снимая серьги. — Ты всегда насчёт меня ошибался. И знаешь, почему? Потому что ни разу не истолковал сомнения в мою пользу. С самой первой минуты. Ты всегда думал обо мне самое худшее. ВСЕГДА. — Бросив серьги, я почти запустила в него сумочкой, но в последний момент умудрилась сдержаться. Остаток денег "на булавки" понадобится, чтобы добраться домой на такси.

Возьму семь штук, спрятанные в квартире и свалю из города, как и планировала. Завтра, после экзамена, сяду в первый же автобус на запад. Оставлю этого мужчину позади — как оставила своего мужа. Я потянулась к двери.

Моё намерение уйти его обеспокоило.

— Всё, что надо сделать — это попросить у меня свои подарки. Ценой в сотни долларов. Никто из эскорта не оставит такое.

— Тогда смотри и поражайся, *cabrón*. — Я вышла из машины.

— Блядь, просто попроси, Katya, и они твои. — Как и в первую ночь, он продолжал говорить, лишь подзадоривая меня. — Что, гордость не позволяет?

Я злобно посмотрела на Василия, стоящего рядом с машиной, затем нагнулась к двери.

— О моей гордости ты и понятия не имеешь, русский. Она пылает так, что, надеюсь, ослепит тебя к ебням. — Жахнув дверью, я пошла прочь. И с каждым шагом мои плечи расправлялись, а подбородок поднимался всё выше.

Что дальше? Правило номер семь: никогда не влюбляться.

Во время долгой дороги домой я едва замечала яркое солнце, пальмы и тепло после холодной Небраски.

Едва сев в такси, я вытащила телефон и уставилась на экран, гадая, станет ли он мне звонить. Чтобы убить время, оставила Иванне голосовое сообщение, а потом послала смс. Мне всё равно надо было с ней попрощаться.

Прошло уже довольно много времени — странно, что она не попробовала дозвониться. Разве она не должна умирать от любопытства?

Что я расскажу ей о Севастьянове? Приняла ли в отношении него правильное решение? Живя в отеле, я боялась, что привыкну к этим полуприкрытым голубым глазам и крышесносящему сексу, а моё увлечение им выйдет из-под контроля.

Сделано. Сделано. Сделано.

Я могу оставить Севастьянова позади, но забыть не смогу *никогда*. Я легко оборвала связь с Эдвардом, но с Максимом такого не случится. С неприятным ощущением в животе я вдруг поняла, что буду его любить всегда.

Me jodí. Как же я попала.

Готова ли я стереть его навсегда? Что бы я чувствовала, если бы он во сне простонал имя другой женщины?

Ярость от его манипуляций немного поутихла. По сути, он ни разу *не солгал*, а, наоборот, стал куда лучше со мной обходиться, подслушав тот разговор. Пытался меня завоевать.

Но его сегодняшней чёрствости не могло быть никаких оправданий. *Я должен просто тебе заплатить.* Совершенно ясно, что с моей работой в эскорте он смириться *не мог*.

Когда я въезжала в свой унылый район, среди всех смешанных эмоций на передний план вышел инстинкт самосохранения. Я бы никогда в жизни не взяла подарки Севастьянова (даже мой красный шарф), только вот не следовало оставлять в шкафу те десять штук. *Mierda!*

Стойте-ка, мне ведь ещё должен Энтони! Я набрала его номер. Помощница соединила меня с ним сразу же.

— Кэт! Рад тебя слышать!

— Привет. — Лично мы ни разу не общались, даже когда он продавал меня Севастьянову. — Хочу заехать и забрать заработанные деньги.

— Какие деньги, дорогуша?

Он шутит?

— За отработанные часы. И ещё двадцать пять тысяч за мой телефонный номер.

— Ой, зайка, я их в тебя же и вложил. Записал на фотосессию! К настоящему профессионалу. На его фото будешь выглядеть на миллион.

Ну, это не проблема.

— Энтони, можешь забрать мои деньги по-быстрому. Они нужны мне прямо сейчас.

— Никак не могу. Но если ты на мели, то у меня на примете французский миллионер, обожающий латиноамериканок. Платит гигантские чаевые. Извращенец, но за свои извращения отстёгивает как надо, понимаешь, о чём я...

— Ах ты, сукин сын! Верни мои деньги!

Он понизил голос:

— Будь повежливее с дядюшкой Энтони, девочка. Особенно когда ручеек русских денег пересох. По крайней мере, для тебя.

— О чём это ты? — Он не мог знать, что у меня с Севастьяновым всё кончено.

— Он только что забронировал ещё кое-кого.

— Ч-что?

— Пять минут назад. Ту, что хотел с самого начала.

Иванну. Великолепную, потрясающую, чувственную Иванну. Которая не упустит ни одну из его заначек.

— Русский настаивал на том, чтобы заказать её, как раньше настаивал на тебе. Определённо, с тобой он покончил, дорогуша.

Я не знала, что делать — заорать или зарыдать. Севастьянов *вернулся* к старым привычкам, снова на арене доктор наук. Бывший постоянный клиент, чтоб меня!

Неужели я поверила, что он чувствовал что-то ко мне? В каком-то роде, да. Наверное, назло заказал Иванну, чтобы посмеяться. *Такой же* расчётливый и бессердечный! На хуй его!

Ой, так это ж работа для Ивановны. Теперь ясно, почему она не перезвонила. Они воплощают его сценарий? Или просто расслабляются в бассейне, попивая шампанское?

— Возвращаясь к тому французу... — начал Энтони.

Не говоря ни слова, я нажала отбой. Невидимый кулак вернулся, врезав ещё сокрушительнее. Сложившись пополам, я прошептала таксисту:

— Остановите здесь.

Перезвонил Энтони. Потом сбросил смс с деталями той встречи. И опять! Он что думает, что может мне так просто названивать? Этот мудака использовал мои кровно заработанные, чтобы втянуть ещё глубже!

Пока такси съезжало к обочине, я зло взглянула на свой пищущий телефон. Он больше недели был у Севастьянова. Его бизнес — это информация? Возможно, он поставил туда маячок.

С этим городом покончено; здесь больше никому звонить. Приняв такое решение, я засунула телефон под водительское кресло и расплатилась.

Я брела через парковку, ослепляемая по-зимнему ярким солнцем. Слишком поздно сообразила, что Севастьянов не станет заморачиваться с отслеживанием телефона, потому что будет занят Ивановной.

Я боялась, что он готовит меня к катастрофе. О, так и было. Я чувствовала, как куски тела валяются на асфальте, а сердце разбито вдребезги.

Вид подъезда после долгого отсутствия заставил меня поморщиться. Я уже и забыла, что это за кошмар. Поднимаясь по лестнице, я ощущала себя дряхлой старухой.

Свою квартиру я оглядывала, как громом поражённая. Как можно было тут жить полгода? *Еще одну ночь, всего одну ночь.*

За выходные я начала верить, что у меня есть будущее с человеком, который поможет мне справиться с Эдвардом. С партнёром в моей команде. Я понизила защиту. Погналась за той жизнью, *за мужчиной*. И размякла.

Больше никогда.

Я подошла к тайнику. Подсчитаю резервы. Это меня подбодрит. Я выкрутила панель кондиционера, сняла решётку...

И похолодела. Тайник был... пуст. Я тупо моргала. Пуст?

ПУСТ?

Деньги исчезли. Собственные скудные сбережения и то, что я получила от Севастьянова. Кто, чёрт возьми, мог их взять? Кто вообще про них знал?

Всё, что у меня осталось — это "булавочные деньги". После такси осталось двести сорок долларов. Хватит ли этого на автобусный билет на запад?

Навернулись слёзы. Надежды на то, чтобы уехать из Майями, чтобы оказаться в безопасности, пошли прахом. Ждать помощи от Севастьянова я не могла, этот ручеёк *пересох* — как раз тогда, когда меня обокрали.

Откинув голову назад, я завизжала.

Накричавшись, я поняла, что также исчез мой паспорт и мамины чётки. Кто мог позариться на чётки? Пропал даже зажим для денег Севастьянова.

Кто смог проникнуть в квартиру? На двери был установлен засов. Я осмотрелась вокруг, внутри поднимался страх. Потом замерла, лишь сейчас почувствовав посторонний запах: смесь пота и сигарет.

Шэдвел.

Он был в квартире. И всё украл! Но как он узнал про тайник?

Повинуясь инстинкту, я подошла к ящику с бельём. Все стринги пропали. Большой ублюдок! Он знал, что в полицию я не пойду. Первым порывом было вмазать ему прямо в горло. Но он, наверное, этого и *ждал*.

Опять я буду никчёмным жалким трусишкой. *Украл мои dinero, Шэдвел? Только не трать всё сразу. Паспорт? Мне не нужна работа — я выживаю по-другому. Мамины чётки? Vaya con Dios.*

Когда я осознала весь список потерь, мне показалось, что я вот-вот лишусь рассудка.

Не думай об этом. Сейчас надо выжить. Как, чёрт возьми, достать денег? Я взвесила все варианты. Может, позвонить Натали? Но у неё сейчас медовый месяц. Джесс? Стой-ка. Телефона же нет.

Блядь. *Me jodí.*

У меня глаза округлились. Миссис Эбернати! Я ведь подтвердила визит. Тогда, в частном самолёте. Ещё сказала себе, насколько это смешно. Я чуть не рассмеялась.

Завтра могу сделать уборку перед экзаменом, который будет в два. И получить ещё сто двадцать. Немного, зато это увеличит моё состояние на 50%

Триста шестьдесят долларов.

Триста шестьдесят.

Как удачно.

Тем не менее, хватит, чтобы убраться из города. Но как пережить эту ночь? У Шедвела есть ключ, и он может легко попасть сюда в любой момент. Если я задремлю, то могу проснуться прямо под его плотоядным взглядом.

Из сильных объятий и армии частной охраны я тут же попала под неминуемый удар.

Отскребая пол в голубой ванной миссис Эбернати, я так долго смотрела на плитки, что они начали сливаться друг с другом. До экзамена несколько часов.

Прошлой ночью в квартире я практически глаз не сомкнула, запершись в ванной. Едва задремав, я проснулась и выскочила оттуда, избежав Шэдвела и попрощавшись с этим местом навсегда.

Теперь пора валить из города.

Воспользовавшись компьютером миссис Эбернати, я нашла расписание междугородних автобусов. Трёхсот шестидесяти долларов едва хватит, чтобы добраться до Сан-Диего. Автобус отправлялся вечером, вскоре после экзамена. Неподалёку от автобусной станции в Кали я нашла приют для женщин. Надеюсь, они помогут мне, пока я не встану на ноги.

Пока не получу новый паспорт.

Ну, вот она я — полностью облажалась — и всё равно не могла перестать думать о Севастьянове и Иванне. Этим утром меня стошнило, когда я представила их вместе.

Пока я в него влюблялась, его предпочтения оставались с высокими блондинками европеоидной внешности.

Конечно, прошлой ночью готовиться к экзамену я не могла, постоянно рыдая и опасаясь Шэдвела. Что если от усталости и подавленности я совсем не смогу думать? Что, если я провалюсь? На протяжении многих лет моей целью были идеальные четыре балла. Если провалюсь в самом конце, разве смогу и дальше верить в свои силы?

Мой Грааль, возможность заработать баллы на колледж, раскаяние и искупление. Всё под угрозой из-за Севастьянова...

— Что ты, чёрт возьми, делаешь?

Взвизгнув, я обернулась, и замерла на месте, увидев его в проёме голубой ванной.

— К-как ты меня нашёл?

— Я знал, что в этот день ты будешь у миссис Эбернати. В Майами их не слишком много.

Когда я подтверждала свой визит, он всё записал!

— Ты не имел права! Если тебя здесь обнаружат, меня уволят. — Не то чтобы меня это волновало.

— А это имеет значение? — Его галстук был ослаблен, волосы — в беспорядке, словно он постоянно проводил по ним пятернёй. Выглядел он так, словно спал ещё меньше меня — а я ведь провела ночь в ванне.

Это из-за того, что он был занят с великолепной Иванной? Невидимый кулак вновь нанёс мне визит.

— Ты выглядишь... по-другому, — сказал он.

Даже находясь в полном смятении чувств, я ненавидела себя за то, что выгляжу как пугало. Волосы были заплетены в две косички, на голове — выцветшая бандана. Яркие жёлтые перчатки, поношенные кроссовки, оборванные джинсовые шорты и старая футболка, завершающая образ. Абсолютно никакой косметики.

И я ползала на коленях в луже средства для мытья полов. Которое собирала тряпкой.

— Тебе надо уйти.

Что ему нужно? Пожалел о своей язвительности и жестокости? Пожалел, что трахался с

моей подружкой?

Слишком поздно, русский.

— Вот, — он протянул руку, чтобы мне помочь.

Я отпихнула её в сторону, поднявшись самостоятельно и срывая перчатки. Засунула чистящие средства в тележку и быстро прошла мимо него.

— Я не уйду, пока ты не объяснишь мне, что происходит.

Он шёл за мной, пока я катила тележку в кладовку.

— Я на работе. Ты меня преследуешь.

— Ты знаешь, что я оплачу любую твою упущенную прибыль, какой бы она не была.

Я крутанулась к нему лицом.

— Даже не смей! Ты не можешь оскорблять меня за работу в эскорте, а потом переметнуться и оскорблять меня за уборку домов. Выбери что-то одно!

Он сжал пальцами переносицу.

— Ты права. Но вчера я предложил тебе больше, чем ты могла бы заработать за несколько лет. Ты ведь разбираешься в экономике. Это не лучшее использование твоих ресурсов.

— Не нужны мне *твои* деньги! И будь уверен, просить их у тебя я не буду. — Я кинулась вниз по лестнице, чтобы забрать оплату и свой рюкзак.

Он шёл со мной рядом.

— Я был зол. Это вышло ненамеренно. И в будущем этого не случится.

На кухне мой взгляд метнулся к конверту на столе; Максим его тоже увидел. И успел схватить раньше меня.

— Это моё!

Он пересчитал купюры, затем обвёл взглядом идеально чистый дом.

— Да ты издеваешься, что ли? — Наконец, отдал мне деньги.

Сунув конверт в карман, я направилась к заднему входу. У двери, взяв свой рюкзак, рывкнула Севастьянову:

— Выходи. *Быстро.*

Я ввела код сигнализации. Если б только я сделала это до появления моего преследователя.

Он вышел, приподняв брови.

— Если тебя дали код от такого дома, значит, ты давно тут убираешь.

Часы на панели сигнализации показывали час дня. *Mierda!* Я потеряла счёт времени. Автобусная остановка была в полумиле отсюда. Опоздаю на автобус — опоздаю на экзамен.

— Я прошу только пять минут, Катя.

— У меня *нет* пяти минут, а если бы и было, я бы не стала уделять их тебе. Севастьянов, считай это *экстренной* ситуацией. Пока ты удовлетворяешь своё любопытство, я действительно в цейтноте. — Я выскочила на улицу, закатив глаза, когда увидела Василия рядом с припаркованной машиной.

Над головой собирались непрошенные тучи. Добираться в училище под дождём; прекрасно. Я бежала на остановку, а Севастьянов не отставал!

— *Déjate en paz!*

— Оставить тебя в покое? Только после того, как ты со мной поговоришь.

Он и в автобус сядет за мной? Если так, то узнает, где я учусь. Может, попробовать от него избавиться? Я остановилась:

— Если уйдёшь сейчас, я встречу с тобой позже. Приеду в отель.

— Да ладно?

— Да, буду к пяти, и мы обо всём поговорим.

Он, глядя на меня, моргнул.

— Ты... лжёшь. — Он выдохнул. — Ты отвратительно лжёшь.

— Ух! — Автобус уже стоял на остановке. Я кинулась к нему, протискиваясь в двери. Захотелось заорать, когда сукин сын в последний момент вскочил в салон. Слишком много всего, чтобы я могла просто сосредоточиться на предстоящем экзамене.

— Разве пользоваться общественным транспортом — не ниже твоего достоинства? — спросила я, компостируя проездной.

Он увидел направленные на него со всех сторон взгляды. В своём дорогом костюме он там торчал, как русский миллиардер в автобусе.

— Ваш проездной? — буркнул водитель.

Севастьянов растерялся.

— У меня нет. Но из автобуса я не выйду.

— Если платите наличкой, сдачу не получите.

Вытащив стянутую зажимом пачку денег, Севастьянов отделил одну хрустящую сотку.

— Надеюсь, этого хватит.

Он только что отдал сумму, почти равную моей зарплате за отдраивание огромного дома.

— Приятной поездки, — сказал водитель.

Я торопливо прошла в дальний конец автобуса, желая, чтобы там было больше народу. Усевшись у окна, поставила рюкзак на соседнее место.

Он передвинул рюкзак себе на колени, и уселся рядом.

— Мне надо с тобой поговорить — с глазу на глаз.

Я выдернула свой рюкзак обратно.

— А мне надо, чтобы тебя здесь не было. Но обоим не повезло.

По крыше автобуса застучали капли дождя.

— Тебе даже не интересно, что я хочу предложить?

— Иди. Ты. К чёрту.

— Пожалуйста, Катя, поговори со мной. — Решив его игнорировать, я отвернулась к окну. — Такая упрямец. Ты поймёшь, что я тоже могу быть упрямым.

Остаток пути мы не общались. Автобус начал замедлять ход, и выражение моего лица резко изменилось, так как крытая остановка следующего автобуса, который должен был довезти меня практически до училища, была битком набита людьми. Придётся ждать под дождём.

Поднявшись, я уныло вышла из автобуса.

Максим тоже оказался рядом со мной под ливнем.

— Ты что, *ещё один* будешь ждать? — в ужасе спросил он.

Температура воздуха упала. От холода меня начала бить дрожь.

— Если хочешь уйти — не сдерживайся.

Когда появился автобус, он сказал:

— Так, хватит, — и подал знак Бенгли, потому что Василий всё это время ехал прямо за нами...

Стиснув плечо, Севастьянов потащил меня к машине.

— Не-е-ет, мне надо в этот автобус! — Несмотря на мои пинки, он был настроен решительно, и вскоре я оказалась на пассажирском сидении автомобиля.

Разделитель был опущен, так что он приказал Василию:

— Следуй за автобусом, — и добавил, обращаясь ко мне, — видишь? Так гораздо проще. — Он включил обогрев салона.

— Ты не можешь так обращаться со мной! — По крайней мере, мы ехали в нужную сторону. Как только приблизимся к Академгородку, я выскочу из машины. — Ты похитил меня прямо на улице?

— Ты забываешь, что я бандит. А похищать людей на улице для нас — обычное дело. Он так шутил? Или угрожал?

Это была последняя капля. Меня тошнило от мужиков, которые мне угрожали, игнорировали мои желания, крали мои вещи — вместе с нижним бельём — и собирались меня убить.

— Останови машину.

— Я отвезу тебя, куда захочешь. Назови адрес.

Я перешла на крик:

— *Останови эту ебучую машину!*

Он невозмутимо спросил:

— Куда ты так отчаянно хочешь попасть?

— Какого чёрта, Севастьянов? Ты вёл себя со мной отвратительно и жестоко не далее, как двадцать четыре часа назад! Так чего ты меня преследуешь?

— Вчера я совершил ошибку. — Неужели он думал, что можно так просто её исправить, и мы снова окажемся на прежней стадии отношений? — Катя, я был у тебя в квартире.

— *Что?* — Я просто пришла в ужас, сразу же представив кастрюли на полу и продавленную койку. — Как?

— Мы приступили к поискам там, где ты вышла из такси, платили людям за информацию. Которая нас привела к Шэдвелу. За определённую сумму он впустил нас в квартиру.

Да уж, не сомневаюсь.

Погодите-ка, я же прошла несколько кварталов от "Селтейн", прежде чем поймала такси — именно для того, чтобы замести следы!

— Как ты узнал, на каком такси я ехала?

— Отследив по всему городу твой телефон. Ты поступила умно, избавившись от него, но, в конечном счёте, так мы вышли на водителя такси.

Чёрт. Перехитрила саму себя.

— Ты не имел права там находиться.

— Теперь понятно, как ты узнала про те дешёвые дома. Ты сама жила в одном из них. Неужели тебе там нравится? Больше, чем перспектива быть со мной?

— Да! Потому что за ту квартиру я заплатила. Потому что мне не пришлось умолять больного русского клиента эскорт-сервиса, чтобы он отдал мне мои деньги.

Казалось, он едва удержался, чтобы не поморщиться.

— Но у тебя же были деньги. Почему бы не найти что-то получше? Гостиницу длительного проживания? Да что угодно, вместо этого.

— Ты правда хочешь знать? Тогда слушай, Севастьянов. Я не могла жить в гостинице, потому что Шэдвел — тот, кому вы заплатили, чтобы попасть в мою квартиру — спёр все

мои деньги из тайника. Семь штук. Исчезли. Чётки моей матери — тоже. Даже твой зажим для денег. О, и ещё мои стринги! Он обирал меня несколько месяцев, обирал каждого в доме — склотив на этом состоянии, а женщин использовал в качестве личного гарема. А теперь он приходит и разгуливает у меня по квартире, когда заблагорассудится. — Наклонившись вперёд, я обнажила зубы. — Но даже в этом случае я предпочла просидеть всю ночь, запершись в ванной — а не просить помощи у *тебя*.

Мускул на щеке Севастьянова пульсировал уже слишком долго.

— Он что... тебя...?

— Я была не настолько слаба — пока что. Я платила, чтобы он оставил меня в покое.

Но чётки и паспорт утеряны навсегда.

На меня стало наваливаться осознание того, что я потеряла. Я готова была с катушек слететь.

— Ты получишь свои чётки и деньги. — Он сказал что-то Василию по-русски, но я услышала "Шэдвел". О, в глазах Севастьянова я прочла, что он что-то задумал.

Шэдвела — этого паразита, вора и насильника, мне почти стало жаль...

Нет. Честно говоря, мне не было его жаль. Наверное, я была идеальной парой для бандита. Мой арендодатель скоро обнаружит в кровати лошадиную голову.

Окей, тун биен.

Севастьянов рывкнул:

— Прощай ночью тебя могли изнасиловать! Или убить! И ты даже не подумала мне позвонить?

Подняв ладони вверх, я пожала плечами.

— Ой, к сожалению, у меня не было телефона. Я его выбросила не только потому, что думала, будто так ты сможешь меня отследить. Мне, не переставая, названивал дядюшка Энтони. Знаешь, он украл у меня гораздо больше денег и пытался вынудить пойти на свидание с каким-то французским бизнесменом, чтобы я — как ты изящно выразился — могла спать и сосать.

Севастьян снова проскрежетал что-то Василию. Энтони тоже получит лошадиную голову!

— В тот дом ты больше не вернёшься, Катя. Я сожгу его к чёртовой матери.

— Я и не собиралась.

Его взгляд упал на мой набитый рюкзак.

— Ты собиралась исчезнуть, — он сглотнул так, словно я только что продемонстрировала ему тикающую бомбу. — Я прошу только об одном разговоре. Или хотя бы позволь мне тебя поддержать. — Он открыл свой дипломат с пачками банкнот внутри. — Я должен тебе денег. Пожалуйста, возьми то, что уже и так твоё.

— Мне от тебя ничего не нужно. Я возьму свои триста шестьдесят долларов и начну всё заново. А потом снова, и снова, и снова! — Я знала, что несу бессмыслицу, но никак не могла сосредоточиться. — Меня тошнит от мужчин! Я не сделала тебе ничего плохого — но ты меня оттолкнул!

Вполголоса он произнёс:

— Ты ставишь меня в один ряд с Энтони и Шэдвелом?

— Ты даже *хуже*! Им я никогда не верила! — Не могу унять дрожь. — Я уже собиралась всё тебе рассказать, но ты решил быть жестоким, вместо того, чтобы выслушать меня!

Он подался всем телом вперёд, сжав кулаки, чтобы не коснуться меня.

— Позволь мне помочь, пожалуйста. Я хочу лишь тебя защитить. Я понимаю, что со многим не справился. Просто я не знаю, что делать в таких ситуациях.

Не глядя на него, я спросила:

— В каких «в таких»?

— Ты сказала, что вчера твоя гордость вспыхнула. Я этому верю. Моя тоже приняла несколько заслуженных ударов. Я осознал, что есть та, которую я люблю сильнее, чем себя, — и хочу её гораздо больше, чем она хочет меня. Своё сердце он отдала кому-то другому, и поэтому я чуть с ума не сошёл от ревности — а с этим чувством я почти не знаком. Я не знал, как с этим справиться, поэтому ревность, вырвавшись наружу, сильно её обидела.

Любит?

Он провёл ладонью по волосам.

— Я думал, что хорошо с тобой обращался. Думал, что ублажал тебя и баловал — но тебе по-прежнему был нужен Эдвард. А прошлой ночью я понял, что неважно, любишь ли ты другого. Мне нужно тебя *защищать*. Ты можешь сказать, чтобы я шёл к чёрту, но я всё равно буду тебя защищать.

Он сразу прозрел после того, как трахнул Иванну. Во мне что-то сломалось.

Взвизгнув, я набрала полные пригоршни денег из чемодана, и бросила прямо ему в лицо.

— Может, об этом стоило подумать перед тем, как заказывать мою подругу!

Приоткрыв губы, он сделал вдох.

— Ты ревнуешь, ну наконец-то! Значит, тебе на меня *не насрать*! Теперь ты понимаешь, что чувствовал я, когда ты стонала, думая о другом.

Краем глаза я заметила водонапорную башню около Академгородка.

— *Стоп!* — Мы только что проехали мимо моего класса! — Останови здесь! — Если вернусь бегом, то успею!

— Скажи, что здесь такое.

— Скажу — только останови машину!

Он дал указание Василию, и автомобиль начал замедлять скорость.

Я устремилась к двери, но он стиснул мою руку.

— Куда ты бежишь?

Вытаращив глаза, я прокричала:

— За священным Граалем! — Распахнув дверь, выскочила под дождь, чуть не упав. Следом взметнулся вихрь из банкнот, сильный ветер подхватил хрустящие бумажки.

Не оборачиваясь, я побежала, чтобы окончить обучение.

Соберись, Кэт.

Ожидая мисс Джиллеспай в классе, я смотрела в окно, пытаясь перевести дух после бешеной гонки. Грозовые тучи были такими чёрными, что казалось, будто уже наступила ночь.

Мысли неслись, как сумасшедшие. Надо столько всего обдумать. За прошедшие выходные я поняла, что люблю Севастьянова. Я была счастлива с ним и завела новых друзей. Он практически сделал мне предложение. Прошлую ночь я провела, забаррикадировавшись в ванной среди руин собственных надежд. А теперь вся жизнь будто бы попала в водоворот. Чего Севастьянову было от меня нужно? Он ждал, что я к нему вернусь...

У меня челюсть отвисла. Его машина только что припарковалась на противоположной стороне улицы! Как он, чёрт возьми, меня нашёл? Я почти два километра петляла по всему кварталу.

Выйдя под дождь, он осматривал здание всего секунду, прежде чем найти меня взглядом. Со своего места он хорошо видел мой класс, расположенный на втором этаже. И *меня*, под яркими лампами дневного света.

О чём он сейчас размышляет? Ворвётся ли он внутрь? Или будет ждать неподалёку, пока я не сдам экзамен?

Он достал телефон и отправил кому-то смс. Секундой позже где-то пиликнуло. Я замерла.

Это был *мой* звук входящей смс. И доносился он из *моей* сумки.

Открыв рюкзак, я вытащила телефон. Который он подбросил специально, чтобы меня отследить! Наверное, когда я в автобусе смотрела в окно. Пронырливый русский!

Он сосредоточенно на меня смотрел. Наверное, я действительно мазохистка, потому что потом я открыла смс.

М Севастьянов: Я не знаю, что ты делаешь. Надеюсь, у тебя всё получится. Я бы никогда тебе не изменил.

Да будь он проклят! Смогу ли я ему поверить? Возможно, он заказал Иванну, чтобы побольше узнать обо мне. Но почему она мне не перезвонила? Я пробежалась по другим смс. Несколько были отправлены с её номера, спустя чуть менее двух часов после того, как я избавилась от телефона. *Mierda!*

Несмотря на свои длинные ногти, она попыталась написать: *говрилла с Сев!!! Ты ео зцпила!*

Я его зацепила? Даже если с Иванной он не спал, между нами всё равно не всё было гладко. Ни в коей мере. Он ужасно себя вёл. Из-за него я чуть вчера с ума не сошла — и сегодня тоже.

Я отправила ему ответную смс: *вчера ты разбил моё сердце.*

Прочитав сообщение, он резко вскинул голову с недоверием на лице. И не отводя от меня взгляд, ответил: *позволь. мне. его. исцелить.*

Мы смотрели друг на друга, а сердце всё щемило и щемило.

— Здравствуй, Кэт, готова? — в класс влетела мисс Джиллеспай.

Я отвернулась от окна.

— Всегда готова.

— У тебя будет сорок пять минут. — Она вручила мне экзаменационный лист.

Я уселась за парту. Я смогу! И всё равно, буквы расплывались перед глазами. Я снова плачу? Я никогда не плакала при посторонних.

— Ты в порядке? — спросила мисс Джиллеспай.

— В-всё хорошо. — *Соберись!* — Готова приступить. — Взгляд снова скользнул к окну. Севастьянов по-прежнему был там, наблюдая за мной. *Так, никакого давления.* Если из-за него я завалю этот тест, мне придётся его убить.

"Первый вопрос", — прочитала я и вспомнила о Первом правиле. Моя одиссея подходила к концу. Неужели я споткнусь на финише..?

Сорок пять минут спустя мисс Джиллеспай объявила:

— Время вышло.

Собрав листочки, я протянула их ей. Я совершенно не помнила, что написала. Даже захотелось забрать работу и проверить, не написано ли там повсюду "УБИТЬ" — но она выжидательно смотрела на меня.

— Это твой последний экзамен, да? — Когда я кивнула, она предложила, — могу проверить работу прямо сейчас, если хочешь.

— Будет здорово. — Пока она читала мои ответы, я смотрела в окно. Севастьянов, прислонившись к машине, держал около уха телефон.

Я снова задумалась, как бы сама отреагировала, если бы он простонал женское имя, особенно после того, как ранее он признался бы другу "я связан с другой"

— Замечательная работа, Кэт, — сказала мисс Джиллеспай, заставив меня оторвать взгляд от окна. — Пятёрка. Поздравляю с окончанием учёбы!

Я окончила.

Искупила вину и сдержала слово.

Когда-нибудь всё это пойдёт в зачёт для получения высшего образования.

Когда-нибудь на моём дипломе будет красоваться надпись "с отличием".

Столько потраченного времени и сил — но я всё-таки сделала это! Когда я в первый раз поступила в колледж, то планировала, как здорово буду отмечать выпускной с друзьями. А что мне делать теперь? Глаза хотели смотреть только на Максима. Он сказал, что любит меня, но можно ли ему верить? Можно ли дать моему оступившемуся гангстеру новый шанс?

Может быть. Раз уж он теперь любовь всей моей жизни и так далее.

Отношения у нас не безоблачные. И нуждаются в серьёзных изменениях. Но фундамент уже заложен.

— Большое спасибо, что уделили мне время, мисс Джиллеспай.

— Я хотела ещё кое-что с тобой обсудить. На прошлой неделе тебя искал здесь какой-то мужчина. Не местный.

— И что вы ему сказали? — выдохнула я.

— Я знала, что это будет твой последний экзамен, но ответила ему, что ты вернёшься сюда к началу весеннего семестра.

Это на следующей неделе. У меня всё ещё было время.

— Почему вы его обманули?

— Мне не понравилось, как он держался. Не моё, конечно, дело, но выглядел он так, будто был... нездоров.

Психически.

— О-огромное вам спасибо, мисс Джиллеспай.

Я разрыдалась, не успев даже спуститься вниз. Эдвард меня *уже* выследил. Приготовившись нарушить все правила и проглотить гордость, я позвонила Севастьянову:

— *Ruso?*

— Катя, что случилось?

Я бежала вниз по лестнице.

— Мне нужна, — голос сорвался на всхлипывание, — помощь.

— Что угодно. *Всё, что угодно.*

— У меня неприятности. — Выбежав во двор, в отдалении я увидела Максима.

Он уже переходил дорогу, направляясь ко мне

— Что бы там ни было, мы всё решим. — Дождь усилился. Под порывами ветра бешено раскачивались пальмы, ударяясь друг о друга. Небо прорезала молния.

И меня вдруг осенило с такой же силой, с какой стихия бушевала вокруг. *Он любит меня.* Он сказал, что хочет меня защитить. И если когда-нибудь мне понадобится его защита, так это...

— Сон, который мне снился в самолёте был про...

Мне обхватила чья-то рука. Вспыхнула обжигающая боль.

Я в ужасе посмотрела вниз. Из груди торчало лезвие ножа.

Темнота.

Очнулась я, услышав горловой вопль. Севастьянов? Я приоткрыла глаза.

Эдвард ударил меня ножом. На самом деле.

Я лежала на земле. Ублюдок уложил мою голову себе на колени, и надо мной нависало его бледное осунувшееся лицо. С каждым свистящим вдохом поднимался и опадал торчащий из меня нож. *Боль...* каждый вдох был новой агонией. Пальцы вцепились в траву, ноги неконтролируемо дёргались. Перед глазами плясали точки.

Не хочу умирать от его руки. Надо выбраться из этих мерзких объятий...

Он выдернул из меня нож; хотелось заорать, но я не могла.

Теперь я издавала булькающие звуки.

— А кто эти люди, жёнушка? — Эдвард поднёс нож к моему горлу, но на меня не смотрел. Безумный взгляд не отрывался от бегущего ко мне Севастьянова, за которым следовал Василий с поднятым пистолетом.

— Стой где стоишь, — заорал Эдвард сквозь шум дождя, надавливая на нож.

Максим и Василий замерли.

— Пусть твой человек бросит оружие, — крикнул Эдвард. — Потом вы оба должны уйти. Или я продемонстрирую вам глотку своей жёнушки изнутри.

Если Севастьянов и был поражён, услышав, как он зовёт меня жёнушкой, то вида не подал. Наверное, догадался, что к чему.

— Отпусти — её — немедленно. — Он выглядел смертоносно, тело готовилось атаковать. От него исходили волны ярости, которая плескалась в глазах. Мокрые пряди волос на ветру липли к лицу, кулаки были крепко сжаты.

Эдвард даже не подозревал, с кем имеет дело.

— Тебя это не касается, незнакомец.

Максим сказал Василию что-то по-русски. Василий положил пистолет на землю, и отступил на шаг.

Не отводя от Севастьянова взгляд, Эдвард обратился ко мне:

— Не ожидал, что ты заведёшь друзей, Ана-Люсия. Ни в одном из шести городов, где ты пыталась от меня скрыться, ты так не делала. А то я нашёл бы тебя гораздо раньше. Но останавливаться не собираюсь. Я отомщу за Джулию и готов ради этого умереть.

Он был везде, где жила я?

— К-как? — кашляя, спросила я.

— Я слышал, как ты поклялась матери закончить учёбу. Три года я тратил твои деньги, чтобы прочесть каждый колледж в стране. Ты пользовалась именами, имеющими отношения к твоей семье — твоя первая и единственная ошибка. — В паузах между словами его челюсть и подбородок всё время отвисали. — Я выследил тебя здесь. Когда заподозрил, что эта сучка-преподавательница мне врёт, догадался, что ты у меня в руках.

— Отъебись от неё, Эдвард. Это моё последнее предупреждение, — прокричал Максим.

— Ты почти выиграла, Ана-Люсия. Почти лишила меня самого дорогого. Чтобы такая как ты, украдала у меня Джулию... каждую секунду каждого дня это сводит меня с ума. Из-за тебя мне пришлось похоронить её в каком-то болоте, словно мешок с мусором...

Максим ещё что-то сказал Василию по-русски, и они двинулись вперёд.

Эдвард вздёрнул голову.

— Что ты делаешь, незнакомец? Подойдешь ближе — и я её убью!

Максим продолжал двигаться вперёд, двухметровый разъярённый русский.

— Если я не подойду — она истечёт кровью.

— Не ожидал, что ты заведёшь друзей, но всё равно подготовился. — Эдвард выронил нож и вынул из кобуры под плащом пистолет. — Теперь ты и твой человек уходите, иначе я вас подстрелю.

Он хотел убить Максима!

— *Нет.* — Я никак не могла этому помешать. Внутри кипело отчаяние.

Максим был непоколебим.

— Я знаю стрелков. Ты не из них.

Эдвард взвёл курок.

— *Я выстрелю!*

С такого расстояния он не промахнётся.

— Как только выстрелишь, мой человек достанет свой пистолет и прикончит тебя. — Максим собирался *получить* пулю? Ради меня? — При любом развитии событий она выживет.

Надо ему помочь. Стиснув зубы, я шарила рукой по земле в поисках ножа. Сильно кружится голова. *Не теряй сознание, иначе Максим погибнет.* После стольких лет я так хотела быть храброй. И вот он — мой шанс.

Наконец-то! Нож. Пальцы стиснули рукоятку.

— Стой, где стоишь! — Эдвард зажмурил один глаз — он собрался стрелять!

Нет-нет-нет! Я подняла нож. Вскрикнув, из последних сил нанесла удар, проткнув его руку. Но пистолет выстрелил! Рядом с ухом раздался оглушительный хлопок.

Плечо Максима дёрнулось назад...

— Ты, сука... — заорал Эдвард.

Ещё один выстрел? Эдварда отбросило в сторону. Моя голова ударилась о землю, небо принялось бешено вращаться.

Секунду спустя Максим подхватил меня на руки.

— *Katya,* прохрипел он, — держу тебя.

Когда автомобиль тронулся, я попыталась прийти в себя, убедиться, что Максим вне опасности, и сказать, что со мной тоже всё будет в порядке.

Одной рукой он поддерживал меня под спину, второй — зажимал рану.

— Не засыпай, *solnyshko!* Ты должна оставаться в сознании! — Он заорал на Василия. Наша скорость возросла так, что мне показалось, будто мы увеличиваемся в размерах.

— Максим... *ты ранен.*

— Пуля прошла сквозь мышцы. Ты сбила его — иначе я был бы уже мёртв.

Я с трудом приоткрыла глаза.

— А он?

— О нём позаботились. Пожалуйста, ради меня, не засыпай! — Максим выглядел так, словно и сам вот-вот потеряет связь с окружающим миром. — Говори со мной. Расскажи, что случилось.

— Наконец-то *могу.*

— Ты скрывалась от Эдварда три года?

— Никогда не оставалась нигде... дольше шести месяцев. — Мой голос звучал будто издали. — Правило номер три.

— И ты собиралась уехать из Майями навсегда?

Я попыталась кивнуть.

— Я убирала дома. Ивановны тоже. Кроме Шэдвела... Денег не было. Показалось, что видела Эдварда...

— Продолжай говорить. Тебе показалось, что ты его видела, что потом?

— Испугалась. Можно было пойти на свидание вместо Ивановны с каким-то русским... подумала: один парень, одна ночь. Хуже Эдварда не будет. — Я потеряла нить разговора. Веки казались чугунными.

— Ты говорила, что я у тебя первый. А я не верил. Нет-нет, не засыпай! Продолжай говорить. Когда ты вышла за него замуж?

— В восемнадцать. После смерти мамы. Он её убил. — Мой голос надломился. — Я была такой глупой. Меня обвели вокруг пальца.

— Обвели вокруг пальца? Что ему было нужно?

— Они с Джулией... хотели заполучить мой пляж. Собирались и меня убить.

— Твой *пляж?*

— Пляж Мартинез. Он стоит сто пятьдесят.

Брови Севастьянова сдвинулись.

— Они преследовали тебя ради ста пятидесяти тысяч долларов?

— Миллионов.

Я слышала, как ахнул Василий.

— Василий тоже ранен?

— Нет, он удивлён, как и я.

— Недвижимость в трастовом фонде... её нельзя было просто так передать. — Мне надо было всего на секундочку прикрыть глаза. — Эдвард юрист. Я всё имущество перевела на него. *Idiota...*

— Нет, ты была так молода. Продолжай говорить. *Очнись!*

Мои глаза широко распахнулись.

— Смотри на меня, малышка. Что было дальше?

— Он меня подставил. В полицию пойти не могла... у меня был пистолет. *Несчастный случай*. Выстрелила в Джулию, *повсюду* была кровь... Он поклялся меня убить. Я бежала и бежала. Наверное, отправлюсь в тюрьму.

— С тобой больше ничего не случится! Никогда. Смотри на меня. Говори со мной. О чём угодно. Что ты делала в том классе?

— Последний экзамен. Максим, сегодня я окончила колледж.

Его брови сдвинулись так сильно, словно я разбивала его сердце.

— Поздравляю, малышка. Когда поправишься, мы это отметим. — Он рявкнул что-то Василию, который ответил почти так же резко. — Тебе, наверное, было смешно, когда я спрашивал, почему ты не учишься.

— Я ни разу не солгала. Я уклонялась. И увиливала.

— Это у тебя прекрасно получается. Но из тебя плохая лгунья.

— Ужасная, — согласилась я. — Энтони сказал, что ты заказал Иванну.

— *Убью* его на хуй. Наверняка, он так сказал, чтобы ты согласилась на того бизнесмена, про которого ты говорила. Я звонил, чтобы узнать её номер и выяснить что-нибудь про Эдварда. В самолёте я решил, что найду его и заплачу, чтобы он от тебя отказался.

— Да?

— Вчера, поняв, что ты уходишь, я не стал возражать — только затем, чтобы потом выследить тебя и найти мужчину, которого ты любишь.

— Проньра.

— Я знал, что он вряд ли согласится меньше чем за полмиллиарда, так что я решил ему заплатить и получить взамен нечто более ценное.

— Ты так говоришь... потому что я умираю...

— *НЕТ!* Ты не умираешь, *solnyshko*. Мы почти приехали в больницу. Я так говорю, потому что теперь всегда буду всё тебе говорить.

— Я видела нож... но в груди больше не болит.

И сразу же Максим надавил на рану сильнее. Крикнул на Василия, затем спросил меня:

— Учитывая, что с тобой случилось, как ты смогла не устроить скандал, когда я обвинил тебя в попытке меня заарканить беременностью?

— Первое правило. Не говорить... ничего и никому. Я носила маску... рада от неё избавиться.

— Ты собиралась уехать ещё на прошлой неделе, ведь так? Ты перенесла свой последний экзамен. Я вынудил тебя задержаться в Майями, а потом буквально втолкнул в его лапы. Ты должна была мне рассказать, довериться.

По телу распространялось онемение, но я ещё чувствовала, как его пальцы впиваются в моё плечо.

— Я бы мог позаботиться о нём ещё вчера, пока ты крепко спала.

Я поднесла к его лицу ладонь, нахмурившись, когда она бессильно упала. Я размазала по его щеке кровь.

— У меня сильно кружится голова.

Его глаза сверкали.

— Я знаю, но ты должна быть сильной, *Katya*. Ты не можешь меня бросить. — Временами всё его тело будто вздрагивало, словно и его тоже бил изнутри невидимый

кулак. — Только ты ведь не Катя. Ты — Ана-Люсия.

— Просто Люсия.

Он судорожно выдохнул.

— Ты знаешь, что это имя означает... *свет*?

Свет. Солнце. Я была его солнцем, а он — моим русским. Ради меня он поймал пулю. И не заказывал Иванну. Он любит меня.

Максим прижался своим лбом к моему, баюкая меня на руках.

— Умоляю, не бросай меня, Люсия.

Должна ему сказать...

— *Te quiero tanto, Максим.* Я так тебя люблю.

В глазах снова затанцевали чёрные точки. Последнее, что я слышала, был его мучительный крик.

Пикающие звуки. Запах антисептика. Приглушённые голоса.

Сквозь плотный туман в голове я поняла, что нахожусь в больнице. Я слышала голоса Максима и ещё других.

Прошло, казалось, несколько дней, пока в мой мозг сквозь писк кардиомонитора начали добираться обрывки разговоров. За которые я и попыталась уцепиться.

В одном из них Алекс кричал на брата:

— Какого хрена мы узнаём обо всём от Василия?

Алекс и Натали здесь? Они прервали медовый месяц?

В другом Натали спрашивала Максима:

— Как твоя рана? Заживает?

— Спасибо Люсии. — *Он вне опасности, gracias a Dios.* — Этот хер ведь целился точно мне в лоб. — *И даже тогда Максим не остановился.*

В ещё одном разговоре Максим описал им нашу ссору, завершив рассказ словами:

— Я один во всём виноват. Когда я только подумал, что она меня бросает ради другого... представив жизнь без неё, я просто потерял голову. Не мог мыслить разумно. Ты знал, что такое ревность, пока не встретил Натали? — спросил он Алекса.

— Макс, я *ничего* не знал.

Один раз я слышала, как Максим говорит с кем-то в коридоре на повышенных тонах. В палате Алекс спросил Натали:

— Почему это всё время происходит с нашей семьёй?

— О, нет-нет. Севастьяновы не должны нести за это ответственность. Кэт — Люсия — никогда бы не встретила Максима, если бы уже не находилась в опасности. И я поставила свою жизнь под угрозу, когда занялась поисками своих биологических родителей. Когда она выздоровеет — всё сразу пойдёт на лад.

Если Максим оставался один, он упрашивал меня очнуться, уверяя, что я в безопасности.

— Ты потеряла много крови, но теперь идёшь на поправку. Очнувшись, будешь как новенькая. Пожалуйста, вернись ко мне, Люсия...

Также он во всём винил себя:

— Ты говорила мне "не делай этого", но я всё равно тебя обижал. Я тебя оттолкнул. — Я чувствовала, что сейчас он был рядом, один. Я чувствовала его тепло, даже когда он ещё не успел взять мою руку в ладони.

Он сел на край моей постели, судорожно выдохнув:

— *Solnyshko*, ты должна проснуться. Прошло уже четыре дня.

En serio? Я здесь! Слышала я его прекрасно, но не могла говорить. И двигаться. Как досадно! Почему я не могу взять его за руку.

Он хрипло принялся говорить — обо всём и ни о чём конкретно. Описал погоду и вслух поинтересовался, какая порода собак мне нравится. Рассказал, как мы будем вместе путешествовать, чтобы обновить мой паспорт. Объяснил, как ужасно чувствует себя Василий из-за своих старых подозрений.

Мне бы очень хотелось ответить Максиму, что я бы выбрала самую уродливую дворнягу в приюте, одну из тех уличных задир, от которых отказываются все остальные. Что я хочу

побывать на Кубе и в России. Я бы хотела убедить его, что понимаю и ценю сомнения Василия. У меня не было документов, я могла замышлять какую-нибудь гадость. Всё, чего хотел этот мужчина — было продиктовано заботой о его "боссе".

Разве я могла его за это винить? Если и сама желала того же?

Максим продолжал говорить:

— Сможешь ли ты меня простить? Везде, где можно было напортачить — я напортачил.

Ради меня ты схватил пулю, Ruso!

— Сейчас я готов на всё. Ты получишь свою прежнюю жизнь. Ты так молода, и мечтала вернуть свободу. А если пожелаешь меня бросить — как же я смогу тебя отпустить? Я и раньше не смог.

Да я не желала этого! Мне надо было сказать Максиму, что мы с этим справимся, что я была готова серьёзно поработать над нашими отношениями — но не могла даже приподнять веки.

— Пожалуйста, проснись, ради меня? — Взяв мою руку, он прижал ладонь к своей щеке, словно изголодался по прикосновениям. Кожу покрывала щетина. А щека была мокрой? — Впереди ждёт светлое будущее, Люсия.

Я уже была к этому готова. Мне нужен был мой русский. Мне нужно было вернуть своё имя и начать новую жизнь. Если бы я только могла очнуться. Я изо всех сил пыталась открыть глаза.

Кардиомонитор запищал быстрее.

Бип..... Бип..... Бип.... Бип... Бип.

Я почувствовала, как свободной рукой стискиваю край простыни. Эй! Что-то новенькое.

Бип...Бип...Бип...Бип...Бип...Бип...

Он шумно выдохнул.

— Ты приходишь в себя? Возвращайся ко мне! Ты сможешь!

Если я смогла пошевелиться, может, смогу и говорить.

— *Максим*, — с трудом произнесла я.

Стиснув мои руки, он закричал:

— *Не засыпай!* — а затем стал звать медсестру. Потом снова обратился ко мне: — Продолжай говорить! Пожалуйста, Люсия!

Я приоткрыла глаза. Когда они привыкли к свету, и я смогла сфокусировать взгляд, то ахнула, увидев его. Он не брился несколько дней, волосы были в полном беспорядке. Глаза так покраснели, что голубизна радужки теперь казалась тёмно-синей. Костюм был измят, воротник рубашки расстёгнут. Я видела край его повязки.

— Ужасно выглядишь. — Мой голос охрип.

Фраза заставила его улыбнуться. Он поднёс мою ладонь к заросшей щеке.

— Молодец, что заметила. — Его глаза блестели.

Чёрт, я люблю этого мужчину.

— Что произошло?

— Нож не задел почти ничего важного, но ты потеряла много крови. У тебя был шок. После операции ты никак не могла очнуться.

Операции? Посмотрев вниз, я заметила, как из-под больничной рубашки выглядывает край моей собственной повязки.

— Как *ты*? Когда тебя ранили...

— Сейчас я в порядке. Понадобится что-то посерьёзнее пули, чтобы я не смог до тебя

добраться.

Мой голос был слаб, горло невыносимо саднило, но я всё равно решила его поддразнить:

— Я тебе нравлюсь, когда выздоравливаю?

Он невесело засмеялся.

— Я люблю тебя, когда ты выздоравливаешь. Сейчас всё пойдёт на лад.

— Эдвард мёртв?

— Ты вдова. Свободна. — Позади него распахнулась дверь. — Теперь, когда ты очнулась, тебя должны осмотреть.

Вошёл доктор, внешний вид которого тоже был в беспорядке. И его глаза за стёклами очков тоже были красными. Он опасливо взглянул на моего русского. Сглотнув, обратился ко мне:

— Я очень-очень рад, что вам лучше. — У него был австралийский акцент.

Максим что, угрожал персоналу? Он нерешительно выпустил мою руку.

Вокруг меня суетились доктор и медсестра, а мои глаза хотели видеть только Максима. Он тоже не отрывал от меня взгляда, даже когда звонил Алексу и Натали.

Я слышала её возгласы в трубке.

Доктор что-то говорил о моих жизненных показателях, что они выглядят неплохо, но что первое время я буду сонной и это нормально.

— Вам очень повезло, — сказал он мне. — Левее на толщину человеческого волоса — и мы бы тут с вами не разговаривали.

Когда мы снова остались одни, Максим сел рядом со мной на кровать.

— Ты угрожал бедному доктору, Максим?

— Немножко. Он не хотел сюда лететь из Австралии. По крайней мере, сначала, — мрачно добавил он.

— Ты заставил его пересечь полмира?

— Конечно. Мне нужно было второе мнение насчёт твоей операции, а он — один из лучших. — Максим пожал плечами, едва сдержавшись, чтобы не поморщиться. — Скоро здесь будут Алекс и Натали. Они поехали в отель переодеться. Они навещали тебя каждый день.

— Им не надо было приезжать. Не могу поверить, что они прервали свой медовый месяц.

— Они хотели убедиться, что с тобой всё в порядке. У тебя теперь есть друзья, которые тобой очень дорожат. Джесс бы тоже сюда примчалась, но из соображений безопасности мы держали твоё местонахождение в секрете. Всё это — сплошной хаос, правда?

— Они все в курсе произошедшего? — Так непривычно. Брак за убийцей был моей ношей. А теперь проблема исчезла. — Не могу поверить, что Эдвард мёртв.

— Он был женат шесть раз. Люсия, ты — единственная из его жён, кто смог выжить, — серьёзно заметил он.

— Ш-шесть? — Если бы тот забег не отменили, я оказалась бы его следующей жертвой? — Полиция уже приезжала? Когда мне надо будет дать показания? — Необходимость выложить им всё, окунуться в болезненные воспоминания приводила меня в ужас.

— Показания о чём, любимая? Эдварда Хэтчера застрелили в общественном туалете в Атлантик-Сити. Не заладилась покупка наркоты.

Мои губы сложились буквой О.

— И никто не слышал выстрелы в студенческом городке?

— В канун Нового года там почти никого не было, к тому же постоянно грохотал гром.

И мы быстро уехали.

— Почему в Атлантик-Сити?

— Он там жил какое-то время, а мне не хотелось, чтобы его можно было как-то связать с Майями, на случай, если ты захочешь тут остаться. У меня руки чесались отплатить ему за всё, что он с тобой сделал, но если бы его нашли со следами пыток, это вызвало бы новые вопросы. — Максим пристально на меня смотрел. — Его бы и вовсе не нашли, но... я хотел, чтобы ты стала вдовой.

Я сглотнула. Чтобы Максим мог на мне жениться?

— Я снова Люсия Мартинез? — На глаза навернулись слёзы.

— Да, любимая. Теперь ты должна волноваться только о своём выздоровлении.

— Ещё есть чемоданчик, Максим. Он находится в банковской ячейке...

— Его уже забрали.

— Как ты узнал?

— Перед смертью Хэтчер кое в чём признался.

Они взяли его живым. Я вновь вспомнила ту сумасшедшую поездку. По-моему, что-то громыхало в багажнике?

В багажнике Бентли, принадлежавшем русскому бандиту.

— Он признался, что на протяжении нескольких месяцев составлял на тебя досье, прежде чем вступить в контакт. Он знал всё о тебе, — сказал Максим.

Вот как?

— Неудивительно, что у нас оказалось столько общего.

— Хэтчер также подписал *кое-какие* бумаги. Ты снова владеешь своим домом, и мы смогли отыскать примерно половину твоих денег, и продолжаем работать.

— Как вы получили доступ к банковской ячейке?

Лицо Максима приняло несколько обиженное выражение, он приподнял брови, как бы говоря "*ну, скажешь тоже*" Наверное, он был знаком и с теми, кто мог при необходимости вломиться даже в Пентагон.

— А что насчёт смерти Джулии?

— Её так и не нашли. Что нередко случалось с женщинами Хэтчера. В других штатах он разыскивался за убийства, но, охотясь на тебя, ещё не успел выбрать новую жертву. Доказательств других преступлений я не обнаружил.

Мне стало немного легче. Только вот...

— Этого монстра я сама втянула в свою жизнь. А теперь и в *твою*. Тебя ранили.

— Тебя преследовал хищник. Изучал. А ты была подростком. Что касается меня, то меньшего я и не заслуживал. — Он провёл свободной рукой по волосам. — Я облажался везде, где только можно, и ты лежишь здесь именно из-за меня. Ты практически... ты чуть не умерла. — Он содрогнулся.

Я не могла видеть эту вину в его глазах.

— Наверное, мы можем винить себя. Но, знаешь, давай лучше во всём обвиним его. — Меня начало клонить в сон.

— Это мы можем. Мы ещё успеем это обсудить. Ты уже утомилась, любимая.

— Если я сейчас отрублюсь, то ты можешь вернуться в отель и отдохнуть.

— Ни в коем случае. — Он поцеловал меня в лоб. — Я буду присматривать за тобой. А сейчас сфокусируйся на выздоровлении.

— А что будет дальше? Прежде чем я усну, мне надо кое-что знать.

Его кадык дёрнулся.

— Всё, чего ты захочешь. Я прослежу.

В его глазах был ясно написан вопрос. Я его оставляю?

— А какой у меня выбор? Люблю, когда всё ясно, Ruso.

— Ты знаешь, чего я от тебя хочу.

От настойчивости в его голосе я закусил губу.

— Ты хочешь всего?

Медленный кивок.

— Всего. — Этот человек уже всё *решил*. Абсолютно. *Terminado*.

— А если ты снова станешь ревновать? И не будешь со мной разговаривать?

— Я понял — на собственном ужасном примере — что должен говорить с тобой. — Хрипло начал он. — И остаток жизни я хочу провести, пытаясь компенсировать своё прошлое отношение к тебе. Но я не хочу тебя торопить. Сейчас ты должна отдыхать и поправляться, чтобы побыстрее попасть домой.

Я не смогла удержаться от зевка.

— Домой? — В Джэксонвилль? Я не хотела отправляться туда, даже на короткое время. Пока не поутихнет боль.

— В Майяме у тебя теперь свой новый дом, *mojo solnyshko*. Там на кухне куча специй, которые просто необходимо рассортировать. А как только поправишься — получишь сообразительную собаку. Которую я воспитаю так, чтобы она меня любила.

Он купил мне дом в Майяме?

— И там достаточно места для меня и моей собаки и даже для тебя?

— Конечно.

Я снова зевнула.

— Хочешь жить там с нами?

Он сглотнул?

— Ты уверена? Теперь ты свободна. Молода, состоятельна и можешь делать всё, что угодно — *можешь* получить всё, что угодно — в мире.

Я уже засыпала.

— Хочу моего русского. Давай жить вместе со мной и лохматой дворнягой, которую мы возьмём из приюта. *Mi casa es su casa*.

— А, моя Люсия хочет лохматую дворнягу. Мне следовало бы догадаться, что тебе нужен пёс, познавший жизнь на улице. — Уже погружаясь в сон, я услышала: — Значит, я буду жить с тобой. Пока не смогу убедить тебя выйти за меня замуж.

Я сидела на коленях Максима, и Василий вёз нас в мой новый дом. Погода в Майями сегодня разгулялась. Изголодавшись по солнцу за время, проведённое в четырёх стенах, я подставила лицо лучам, пробивающимся сквозь окно.

Встретив нас у больницы, Василий распахнул дверь Бентли (новой) буквально со шляпой в руке. И что-то горячо забормотал по-русски.

— Что он говорит? — спросила я у Максима.

— Что он очень рад твоему выздоровлению. И просит прощения за свои подозрения.

— Ты беспокоился о Максиме, — ответила я ему. — Разве я могу тебя за это винить? Можешь обращаться за *турроном* в любое время до конца жизни.

Автомобиль снижал скорость, чтобы повернуть на мост.

— Узнаю места! Мы едем на остров "Индиан Крик"? — Крошечный рай посреди Майями для самых богатых служил домом всего лишь для четырнадцати семей, хотя имел отдельное полицейское подразделение и собственного мэра. — Всегда мечтала получить здесь работу по уборке домов, но у них просто жуткая служба безопасности.

— Согласна ли ты на лучший дом острова вместо несостоявшейся работы?

Я снова посмотрела на Максима.

— *En serio? Si.* Давай это сделаем. — Я вертела головой по сторонам, чтобы ничего не упустить, одновременно ёрзая у него на коленях. Почувствовав, что у него встаёт, я вытаращила глаза. Максим явно оправился после ранения. Я улыбнулась.

Левый уголок его рта изогнулся.

— И я ведь так хорошо себя вёл.

Доктор сказал, что пока я полностью не восстановлюсь, мне нельзя заниматься сексом. Я откинулась на неповреждённую сторону груди Максима.

— Это воздержание будет хуже всего, верно, *Ruso*?

— Я бы предпочёл ещё одно ранение.

Мы повернули на подъездную дорожку, по обеим сторонам которой возвышались королевские пальмы, и при виде огромного особняка у меня просто челюсть отвисла. Максим не шутил, говоря, что наш будет самым лучшим.

Дом был выполнен в современном дизайне, с большим количеством огромных окон и с ослепительно-белой штукатуркой. Ко всему этому бесплатно дополнялся роскошный пейзаж вокруг.

Войдя в дом, я завертелась на месте. Интерьер был выполнен в гостеприимных тёплых тонах. Стены украшали со вкусом подобранные картины. Высоченные потолки добавляли комнатам воздушности. Мягкое ковровое покрытие приглушало звуки.

Одна стена гостиной целиком открывалась во внутренний дворик — и выходила на бассейн, от которого просто дух захватывало. Зелёный газон доходил до самого пляжа с накатывающими на него синими волнами, на которых покачивалась моторная лодка.

— *Te gusta?* — спросил он.

— А мы можем здесь поселиться прямо сегодня? Это просто *krasavitza*. - подбежала я к нему.

Моё русское слово заставило его улыбнуться.

— Да ведь ты уже въехала. Я не шутил насчёт специй на кухне. На будущее здесь есть

беговая дорожка и огороженный внутренний двор. Но, может быть, тебе больше по вкусу жить где-то ещё? Мы можем остаться в Джэксонвиле или на Северном Полюсе, или там, где сенбернары носят бренди.

Глядя на него, я улыбалась.

— Мне нравится здесь. Но разве тебе не нужно жить в России?

— К бизнесу хочет присоединиться Александр. Он полностью изменил своё мнение обо мне. Так что он может вести дела в России, а я — здесь. На самом деле мы с тобой можем управлять всем прямо из этого дома.

И я сразу приступаю к четвёртой стадии моего жизненного плана?

— Сколько чемоданов с наличными пришлось выложить за это место?

— Много. Но дела на рынке складываются удачно — сегодня мы миллиардеры. И можем себя вознаградить.

— Ладно, но когда же я побываю у тебя на родине?

— Как только полностью восстановишься. Наша земля особенно прекрасна весной. — Он провёл по моей щеке костяшками пальцев. — И я хочу, чтобы ты познакомилась с Дмитрием.

Я разгладила лацкан его пиджака.

— Разве он меня не ненавидит?

— Он звонил во время твоей операции, когда я от волнения просто сходил с ума. И я не стал этого от него скрывать. Потом я позвонил ему, чтобы сообщить, что тебе уже лучше, и он сказал "Ты любишь её. Я с ней встречу". Для него это гигантский шаг вперёд.

— Тогда я согласна.

— Я уверил его, что всегда окажу ему поддержку, но обстоятельства изменились. Теперь я сосредоточился на будущем. — Глаза Максима были полны обещания. — Пойдём, я покажу тебе, что в шкафах.

Это были не просто *шкафы*, а целые *комнаты*, набитые новой одеждой и всякой всячиной! Прислонившись к дверному косяку, Максим сосредоточенно наблюдал, как я во всём этом роюсь. Обнаружив свой красный шарф, я облегчённо прикрыла глаза.

— Тебе стоит заглянуть в свой новый кошелёк, — он указал на один из нескольких.

Я его открыла. Из всех кармашков торчали кредитки.

— Ух ты. Деньги на булавки?

— Только для проверки. Остальные средства на счету — твои.

Стойте-ка... я взглянула на имя.

— Это же я! — фотография из моего старого водительского удостоверения. Ой, какая я здесь молодая! — Быстро же ты избавился от фамилии Хэтчер! Я теперь официально снова я.

С блеском в глазах, который я так любила, он ответил:

— Может, время от времени ты всё равно могла бы быть Кэт — или Катей.

Я медленно подошла к нему.

— Котёнку понадобится много игрушек. Давай выделим на это отдельную комнату.

Он резко вздохнул.

— *Si*, давай так и сделаем. А сейчас тебе ещё много чего нужно осмотреть. Например, драгоценности.

Все мои старые украшения были аккуратно разложены вместе с кучей новых. Среди жемчуга и золота я обнаружила мамины чётки.

— О, Максим, ты их вернул? — Как только я осознаю всё, что я вновь обрела, сразу же слечу с катушек. В какой-то мере путешествие этих чётков было не менее сумасшедшим, как и моё.

— Разумеется. — Он взял мою руку. — Когда будешь готова, сможешь решить, что делать с домом в Джэксонвиле.

— Хочу, чтобы всё там осталось по-прежнему, за исключением одной комнаты.

Он приподнял брови: *вызов брошен — вызов принят.*

Вместе мы пошли к бассейну.

— Сегодня я получила от Иванны очень странную смс. Насколько я могла понять, она написала, что к концу следующей недели её семья приедет в Штаты. И что новый дом просто прекрасен (дом рпекрасны!1). — Ты что-нибудь об этом знаешь?

Он пожал плечами.

— Ну, если бы она не отправила тебя ко мне... я очень обязан ей — и ботоксу в частности.

— Она немножко обиделась, что я не обратилась к ней за помощью, но потом всё поняла. — У меня уже была подруга в Майями! — Ещё она написала, что Энтони прикрыл лавочку и теперь в бегах от мафии.

Он приподнял бровь.

— Я сохраню всё в таком положении, пока это будет тебя радовать. — У бассейна он опустился в шезлонг, а затем осторожно усадил меня на колени. Солнце купало нас в своих лучах, отражаясь в голубой воде.

— Как думаешь, когда мы обновим этот шезлонг, Ruso?

Он застонал.

— К сожалению, ещё не скоро.

— Понимаю, малыш. В конце концов, тебя же *ранили*. Да ещё в твоём возрасте? — Я притворно поморщилась. — Но, уверена, они тебя вылечат — я поёрзала на быстро растущем бугре — в конце концов.

— Ведьмочка, — хрипло пробормотал он.

— Ладно, дам тебе освобождение, раз уж ты схватил пулю ради меня.

— Ради таких моментов я готов вечно бросаться под пули. Хотя не успокоюсь, пока ты не станешь моей во всех смыслах.

— Ты мне подходишь, Ruso. И теперь ты влип по полной. Но можно мне взять небольшую паузу перед замужеством? — Даже с мужчиной моей мечты я не хотела торопить события.

Я чувствовала, что буду точно знать, когда придёт время.

— Значит, я буду делать тебе предложение каждую неделю.

Я решила, что так будет справедливо, ведь мы оба знали, что он всегда мог использовать "волшебную палочку", верёвку и пояс целомудрия, чтобы заставить меня согласиться.

Я провела пальцем по левой стороне его груди.

— Ты ещё со мной не закончил?

Он пристально на меня посмотрел. И практически без акцента произнёс:

— *Nunca voy a terminar contigo.* — Я никогда с тобой не закончу.

Джэксонвиль

День вручения дипломов.

— Тебе нельзя опаздывать, — прохрипел Максим, занимаясь мною. — И как ты меня уговорила?

— Сам виноват, что так соблазнительно выглядишь в этом костюме, — ответила я, вонзая ногти в его плечи. — Если женщина хочет — значит хочет. Мы по-быстрому.

Я делала это с русским богом секса. В университетской подсобке. В костюме выпускника. Потому что могла.

Жизнь так прекрасна.

— Тебе не больно? — И он ещё спрашивает, учитывая, чем мы занимались вчера ночью?

Он *всё время* задавал этот вопрос, несмотря на то, что я полностью выздоровела. Даже шрам выглядел неплохо. На что Максим заявил:

— Теперь я вижу, что действительно чуть тебя не потерял.

Иногда он вздрагивал и целовал мой шрам. Ну, не более одного раза в день. Ещё он сказал, что мой выглядит куда "изящнее" его собственного "грубого" следа от пули. Который находился с правой стороны груди, а мой — с левой. Когда мы с Максимом целовались, то же самое делали и наши шрамы.

Потому что мы были связаны. Вместе. Ключик и замочек. Наши тела, наши жизни.

— Больно, Максим? Да там я просто в агонии.

Я потёрлась щекой о его лицо, шепча слова на испанском — что нуждаюсь в нём, нуждаюсь в каждом сантиметре его великолепного тела и в каждом сантиметре его прекрасного члена — отчего его темп тут же ускорился, потому что он понимал каждое слово.

Он отвечал мне по-русски, что хотел бы трахать меня вечно, что моё тело — это рай, а кожа на вкус — словно солнце, и от этого мои бёдра вращались, как бешеные. Потому что теперь на его языке я знала куда больше четырёх слов.

Ему пришлось зажать ладонью мне рот, чтобы заглушить крики, а самому рычать прямо в мою шею.

Прижавшись друг к другу лбами, мы восстанавливали дыхание.

— Я нравлюсь тебе, когда получаю диплом, Ruso?

Из его груди вырвался удовлетворённый стон.

— Я люблю тебя, когда ты получаешь диплом, женщина.

Поправив друг на друге одежду, мы, взявшись за руки, поспешили в актальный зал. У сцены он подарил мне долгий поцелуй. Никто не мог бы гордиться сильнее, чем этот мужчина гордился сегодня мной.

— Веди там себя хорошо, *mojo solnyshko*.

Вести себя хорошо? За одно только это я взъерошила ему волосы, прежде чем встать в один ряд к остальным студентам.

Через несколько секунд декан вручит мне Священный Грааль! И для этого потребовалось какие-то полдесятка лет, смертельная опасность и альянс с русским

бандитом.

Натали, Алекс и Джесс уже сидели в зале, заняв для Максима место в первом ряду. Его растрёпанное появление вызвало их общий смех.

Я убеждала эту троицу не приходить, но они были неумолимы. Потому что я теперь была частью семьи.

Джесс вела себя самым наилучшим образом, желая заслужить право организовать "мамулину" свадьбу, так как все знали, что рано или поздно это произойдёт. Имея на счету проведённые свадьбы у двух миллиардеров, она с лёгкостью войдёт в свадебный бизнес.

Потом мы все собирались в Россию, чтобы посмотреть на усадьбу Алекса и Натали и провести отпуск в собственном доме Максима, который, как он настаивал, был наполовину и моим!

И я также собиралась познакомиться с Дмитрием. Это меня немного нервировало, но и радовало тоже, поскольку он сам захотел встретиться. Максим был решительно настроен восстановить отношения между братьями, и считал, что встреча Дмитрия с большой поклонницей Алекса и Натали поможет делу.

Кто ещё собирался в Россию? Лохматые майямские дворняги. У нас с Максимом появилось *три* задиристых собаки. В приюте я никак не могла сделать выбор между этими тремя забияками.

— Зачем вообще выбирать, *solnyshko*? — нахмурился Максим.

Баловал он эту троицу так же бесстыдно, как и меня.

Я лишь надеялась, что эта свора не сгрызёт весь самолёт (что уже случилось с Бентли и с ботинками Василия!)

После посещения Родины я планировала, что Максим свозит меня в Париж, чтобы я смогла на собственном опыте узнать, что же такое знаменитый клуб «Ле Либертан». За это время я сделалась пылкой и преданной поклонницей всяких затей, которые предлагал мой русский. Вчера, уже глубокой ночью я всё ещё не могла остыть после нашего длинного марафона. Я разбудила его рано утром, вода по телу кончиком верёвки.

— Я нравлюсь тебе, когда связана?

Он простонал в ответ:

— Я просто без ума от тебя, но боюсь, что я создал монстра.

Вздых. Я тоже была от него без ума. Он был именно тем мужчиной, с которым я должна была быть. *Muchas gracias, Ботокс.*

Иванна тоже хотела присутствовать на вручении, но не смогла приехать, поскольку следила за строительством новой крыши в моём старом доме, где я снимала комнату. Максим подарил мне всё здание на нашу двухмесячную "годовщину". И я попросила Иванну — серьёзную здравомыслящую бизнес-леди — занять пост управляющей.

Да, Максим финансово поддерживал её семью, но ей и самой хотелось чем-то заниматься. Как она сказала "нельзя же до бесконечности возить маму и сестру в Диснейленд. От песенки "Этот маленький мир" у меня теперь появляется сыпь". Шэдвел раньше так круто наваривался на жильцах, что апартаменты начали приносить прибыль с первого же месяца.

Я, наконец, узнала, как он нашёл мой "сейф". Больной псих тайно *снял* меня и других живущих в доме девушек на видео.

Но самое странное было то, что Шэдвел... испарился. Его больше никто не видел! Я спросила Василия, известно ли ему что-нибудь. На что тот ответил: "На него напал

крокодил?"

Теперь же этот многоквартирный дом возвращал свою добрую репутацию. Мы собирались превратить его в настоящий оазис района. Жизнь арендаторов уже стала гораздо легче.

Тем временем мы с Максимом решали, каким будет наше следующее приобретение. Работая вместе каждый день, мы собирались завоевать весь Майями. Просматривали отчёты и анализировали объекты, а в ногах у нас дремали собаки.

Также мы часто прерывались на *cafecitos*, а по вечерам выходили на пробежку и вместе готовили. По выходным на лодке исследовали острова и рифы. Он частенько применял свою силу *убеждения*, чтобы вынудить меня делать покупки. Ну, если магазины приезжали прямо на дом, я вполне могла это выдержать.

На мой день рождения мы съездили на пляж Мартинез и навестили дом моего детства. Я очень переживала сначала, но потом обрадовалась, узнав, что Максим нашёл архитектора, который на самом деле был готов удалить из дома одну комнату. Почему бы и нет?

Думаю, моему отцу Максим бы понравился. А моей маме? Не знаю, но, по большому счёту, это и неважно. Хотя взнос, который сделал Максим на счёт университета от её имени, делу не повредил...

Вскоре после нашего переезда в дом на острове он сделал официальное предложение (подарив мне кольцо с бриллиантом безумного размера). Я попросила подождать ещё немного. Верный своему слову, он стал делать предложение каждую неделю.

Вчера был очередной раз.

Я смотрела на русского, выглядывая из-за кулис. Его глаза нашли меня. *Вы только посмотрите на него.* Я вздохнула.

Ещё один студент — и декан назовёт моё имя! Послав Максиму воздушный поцелуй, я нырнула за кулисы. Улыбнувшись, отклеила верхний слой ткани, который приделала к выпускной шапочке, чтобы скрыть написанные мной слова. Продемонстрирую их Максиму, сделав этот день незабываемым и всё такое.

— Ана-Люсия "Кэт" Мартинез. *Диплом с отличием.*

Шагая по сцене, я наклонила голову, чтобы мой русский смог прочесть...

ДА ДА ДА

Больше книг на сайте - Knigolub.net